М.

ВЕЛЛЕР

ЧТО К ЧЕМУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сборник новых эссе автора посвящен животрепещущим вопросам современной жизни и законам человеческих взаимоотношений. Нестандартный взгляд на привычные понятия и представления по-новому позволяет осмыслить сущность окружающего нас мира.

- Михаил Веллер
  - Искушение
    - Жестокость
    - Предательство
    - Агрессивность
    - Искушение
    - Уровень некомпетентности
    - Стремление к поражению
    - Самоубийство
    - Доброта
    - Добро и зло
    - Надличностные ценности
    - Человек в послойном срезе
    - Психическая константа
    - Психология роли
  - Падение цивилизаций
    - Пища
    - Метисы
    - Государство и ландшафт
    - Закон 2
    - Государство и эволюция
    - Государство и воровство
    - О смысле государства
    - Ритуал
    - Табу и его разрушение
    - Цивилизация и рождаемость
    - Падение цивилизаций
  - Объяснятель
    - Социальный инстинкт
    - Формы социального инстинкта
      -
      - 1. Общение
      - 2. Закон и порядок
      - 3. Метаморфозы Закона
      - 4. Справедливость

        - 5. Человек групповой
        - 6. Анархизм
        - 7. Мораль
        - 8. Интермедия
        - 9. Совмещения
        - 10. Равновесие
    - Проявления и код социального инстинкта
    - Знак социума.
    - К вопросу о самоусложнении социума
- notes
    - 1

Михаил Веллер
Что к чему

Искушение

Жестокость

Слово нехорошее. Непривлекательное. Ассоциируется с ощеренными в усмешке зубами и чем-то вроде ножа в жилистой руке, плюс сверху холодный прищур глаз. Смыкается с понятиями беспощадности, агрессивности и садизма. Мрачноватая радость от того, что заставляешь другого страдать. Возможность власти над кем-то, употребляя эту власть ему во зло: причинение зла.

Однако есть в понятии жестокости и что-то привлекательное. Сила привлекательна, и власть как проявление этой силы. Ее побаиваются, она немало может: сломить, уничтожить, навязать свою волю. Победить, заставить считаться с собой. Враги есть у каждого, мордой в лужу тыкали каждого, и каждый в воображении рисовал себе сладкие картины праведной расправы. Растравленный оскорблением человек в воображении жесток, мечтая о страхе и унижении врага. Даже мягкосердечный и слабодушный ощущает, что быть «или хоть выглядеть» жестоким бывает приятно: пусть боятся и считаются, ты крутой.

Жестокость – это способность причинять другому то, что для него является злом, по своей воле и сверх необходимого для собственного благополучия. То есть убить врага в честном поединке – это нормально, а вот живьем содрать шкуру с поверженного – это уже жестоко.

Жестокая работа – убойный цех мясокомбината. Ан мясо жрут все, кроме вегетарианцев. И люди в цехе могут работать хорошие и добрые. Просто работа такая. В жизни вообще без жестокости не обойдешься: не сожрет леопард антилопу – сам сдохнет с голоду.

Жестокое зрелище – гладиаторы на арене. Хоть и по-честному – а все равно режутся до смерти.

Так вот: где «разумная мера» жестокости и как к ней относиться?

Во времена старинные в перечень обязательных эпитетов вождя входило что-нибудь типа «жестокий с врагами»; и это считалось хорошо и достойно уважения и подражания. Чтоб боялись и уважали! Однако мы давно привыкли, что мораль решительно осуждает жестокость, иногда со вздохом соглашаясь мириться с ее вынужденностью.

Итак. Жестокость бывает мотивированная и немотивированная, а мотивированная бывает вынужденная и излишняя.

Хулиган от не фиг делать изуродовал прохожего. Это жестокость немотивированная, и все негодуют. А хулиган поддал

и бахвалится пред друзьями, как он его отделал: вот он какой крутой, жестокий, страшный, доволен собой: самоутверждается.

Прохожий кое-как оклемался через полгода, подкараулил хулигана пьяным, переломал все кости и отбил потроха, помер хулиган в страшных мучениях. Это жестокость мотивированная: сам мужика достал, ни за что изуродовал. И все говорят: жестоко, конечно, но вообще мужик прав.

А вот если он так же насмерть забьет воришку-карманника, то будет менее прав. Мотивированная жестокость, но излишняя. Паразит, конечно, карманник, семью его хотел на месяц без средств оставить, но ведь на жизнь все-таки не покушался.

А вынужденная – это солдат, убивающий в бою: а куда денешься. Вне сражений – добрый и кроткий может быть человек.

Значит. Если ты режешь корову на мясо, то вообще можешь быть человеком не жестоким, добрым. Есть надо, жить надо, а вообще ты эту корову даже любил и жалко тебе ее. Прямо плачешь, а режешь. А рука не поднимается – соседа попросишь. Гуманист. А если ты кошку просто так взял да повесил – ты человек жестокий и вообще гадкий. Должна ли корова, в отличие от кошки, оценить твою жалость и признать твой сравнительный гуманизм?..

Получается: жесток не тот, кто совершает жестокие поступки ради чего-либо, а тот, кто творит жестокость из удовольствия и ради нее самой.

Наполеону очень не хотелось расстреливать четыре тысячи пленных турок в Палестине; долго вздыхал и кривился, но провианта не хватало, людей для охраны не хватало, планы наполеоновские с этими четырьмя тысячами пленных никак не увязывались… выругался, наорал на офицеров и отдал приказ о расстреле. Но египетские деревни, если там убивали хоть одного солдата, вырезал под корень и жег без колебаний: чтоб и другим неповадно было, в тылу должен царить порядок. А уж о повешенных и расстрелянных армейских интендантах при наведении порядка в Итальянской армии и говорить не приходится.

Человек истинно военный относится к жизни ясно и просто: творит меньшую жестокость, чтобы избежать большей. Повесить двоих и пресечь грабежи, чтоб в грабежах не зарезали сотню. Перестрелять зачинщиков, чтоб избежать кровавого восстания. И т.д.

Генерал авиации Полынин, воевавший в 29-м году в Китае, с удовольствием (сталинская школа) вспоминает, как Чан Кай-ши лично отдал приказ рубить головы часовым с постов дальнего оповещения, которые прозевают японские самолеты, идущие

бомбить китайские аэродромы. И после этого драконовского приказа, отмечает Полынин, наши потери на земле резко сократились.

Есть несколько дежурных вопросов-утверждений, о которых необходимо упомянуть.

Правда ли, что жестокий человек – это слабый и трусливый человек? Ответ: нет, доля правды в этом утверждении невелика. Обер-палач Грозного Малюта Скуратов был человеком сильным и храбрым и погиб в бою. Но большинство опричников выказали отменную трусость при осаде Москвы в 1571 году крымскими татарами, после чего разъяренный Иван отправил ребяток на плаху; а ведь беззащитных они резали отменно и в охотку.

Жестокий преступник бывает силен и храбр: читайте уголовные хроники. Но и забитые трусоватые крестьяне, поймав конокрада, предавали его лютой казни.

Здесь надо говорить о жестокости как аспекте силы и аспекте слабости.

Сильный человек, стремясь к своему и утверждая свое, неизбежно проявляет жестокость в конфликтах с окружающими. Преодоление и подавление сопротивления. Если ты ему не мешаешь, не встаешь на пути – живи спокойно. Простейший пример – набить морду сопернику, чтоб не подходил к твоей девушке. Любой карьерист жесток с конкурентами, если они опасны. Именно поэтому без жестокости невозможен государь – чтоб энергичные претенденты не удавили и вообще не мешали делать то, что он полагает нужным. Действию приходится подавлять противодействие.

Сильному может не нравиться жестокость. Но если он не способен на жестокие поступки – он тем самым перестает быть сильным: его сила встречает преграды, непреодолимые иначе. Дело не сделано: упорные и несогласные с ним люди продвигают свою точку зрения. Чем выше к солнцу, тем меньше места на вершине. Ученые, артисты, военные, политики – везде борьба, грызня, конкуренция, и везде нужно уметь перекусить соперника.

Если же человеку нравится борьба, нравится перекусывать соперников – жизнь такая ему легче и приятнее, чем гуманисту, и наверх он идет быстрее и вернее. Вот товарищ Сталин любил уничтожать конкурентов – и вполне преуспел в своем деле. Это он-то, жестокий, был слаб – от рысьего взгляда которого боевые маршалы чуть в обморок не падали?!

А может быть сильный человек, который никак не знает, к чему прицепить, куда устремить свою силу: то он боксом занимается, то водку пьет, то прожекты строит. И самоутверждается он, как злой подросток: избирая себе жертву из

окружающих и портя ей жизнь. Ах, ты умный, богатый, известный, благополучный? А я высмею тебя при всех, наставлю тебе рога, оскорблю, и ничего ты со мной не сделаешь – я значительнее тебя. Самоутверждение через жестокость. Таков толстовский Долохов из «Войны и мира» – сильный, храбрый и жестокий человек. Э?

А жестокость трусливого и слабого, имея в основе ту же самую природу – стремление к самоутверждению – проявляется через иной механизм, вытекает наружу через несколько иное русло, так сказать. Трусливый и слабый человек закомплексован. Он не рискует, не идет на опасность грудью; скрывает жажду мести, глотает оскорбления, поджимает хвост, – выживает среди более сильных. А тоже хочет быть сильным, значительным, чтоб его боялись, уважали, считались с ним. И уж когда он, в безопасной ситуации, дорывается до того, что может явить свою власть и силу – о, вот тогда вся его многолетняя жажда отомстить многочисленным обидчикам вылезает наружу! Тем, кто красивее, сильнее, богаче, удачливее, кто плевал ему на голову и гонял на побегушках. И вот тогда он может наслаждаться унижением другого, его болью, зависимостью и беспомощностью, резать из него ремни, мучать, разрушать его жизнь.

Поэтому, как говорили те же римляне, худший господин – это вчерашний раб. Поэтому упаси Боже ставить над собой в начальники маленького, вежливого, затюканного человека: он расправит крылья – и всех начнет жрать с дерьмом, непререкаемым и жестоким образом!

Известный пример: в поединке за самку волки никогда не убивают друг друга: побежденный падает на спину и подставляет горло – знак полной зависимости, этого достаточно. Но когда дерутся за самку самцы канарейки – победитель не успокоится, пока не продолбит своим клювиком черепок побежденному. Всех боюсь, но уж на этом-то сейчас отыграюсь!

Сильный и храбрый, явив побежденному сопернику свою силу, идет дальше: и цену он себе знает, и дел впереди полно. Слабый и трусливый, получив власть над соперником, стремится выжать из этой власти максимум самоутверждения: по жизни ты значительнее меня, но уж сейчас я каждый миг буду доказывать нам обоим, какое ты дерьмо – вой, кричи, пресмыкайся передо мной, я сотру тебя в порошок, сломаю всю жизнь, покажу, насколько я значительнее тебя, вообще уничтожу.

И. И. Тяга к жестокости сидит в каждом. Вспомним милых студентов, которые последовательно нажимали все кнопочки «электрорубильника», при гарантии абсолютной тайны от всех заставляя корчиться за стеклом актера, изображающего

приговоренного к казни на электрическом стуле. Жутко, любопытно, манит: посмотреть, как он будет дергаться при повышении напряжения, вместо того чтоб умереть сразу. Этот старый американский эксперимент в свое время немало озадачил добрых психологов.

Стремление к сильным ощущениям – вот что такое жестокость на уровне ощущений.

Стремление к самоутверждению – вот что такое жестокость на уровне личности.

Стремление к большим действиям – вот что такое жестокость на уровне действий.

От любовного треугольника и до войны: или плохо будет другому – или тебе. Пряников на всех никогда не хватает – люди специально делают такие пряники, чтоб обладание пряником выделяло тебя из прочих, и стремление к прянику делают целью своей жизни.

Практически все великие люди бывали жестоки – а куда денешься. Побежденные враги, сломленные конкуренты, несчастные любовники. Даже добрейший Дарвин – даже он! – лишил заслуженных лавров высокопорядочного Уоллеса, дав добро своим друзьям в Лондоне уговорить колониального служащего Уоллеса не печатать свою статью о происхождении видов и предоставить приоритет Дарвину, который раньше начал работу… Дарвин, конечно, напахал больше и начал действительно раньше, но главную публикацию Уоллес подготовил первый – и кто теперь его помнит, кроме специалистов?..

И последнее. Правда ли, что все жестокие люди сентиментальны? есть такая расхожая сентенция.

В общем неправда – но отчасти правда. То есть:

Обычно жестокими, как мы говорили, называют не тех людей, которые способны на жестокие поступки или даже творят их. А тех, кому это дело нравится само по себе. И не просто нравится «в среднем», как всем (привет от студентов-электронажимателей) – а так нравится, что в реальной жизни они ищут жестоких поступков.

Это что? Это повышенная тяга к сильным ощущениям. Вот такого «нехорошего» рода. Садист, понимаешь, отклонение от нормы.

А что такое сентиментальность? Это тоже повышенная тяга к ощущениям, но уже иного рода – сладостно-печальным, слезливо-отрадным.

Жестокость – удовольствие от причинения другим зла. Сентиментальность – удовольствие, опять же, от того, что на

других свалилось зло, но здесь уже удовольствие приходит через сочувствие.

Умер бедный влюбленный – это сентиментально. А разрезали на куски бедного влюбленного – это уже жестоко. Первое сладко – второе пряно. Можно сказать, что сентиментальность – это негрубая и эстетически оформленная жестокость. Жестокий громила – тоже человек, печаль и сочувствие ему тоже свойственны, а жажда ощущений у него повышенна. То есть: он клюет на малую и милую сентиментальность острее, чем нормальный «средний» человек – но при нарастании боли, насилия и т.п. у нормального человека приятное чувство стопорится, исчезает – а у него чувство более сильное «перепрыгивает» барьер: сентиментально-жестокий человек может плакать над птичкой, сломавшей крыло – а потом оторвать ей к черту голову, суке, надоела, сердце рвет.

Опять же – жестокие люди бывают очень одиноки часто, а потребность любить кого-то есть: и вот он любит свою собачку и заботится о ней трогательно после работы, на которой ногти клиентам вырывает.

Садист в камере может с паучком дружить и заботиться о нем, ничего такого, – правда, для этого быть садистом не обязательно.

Нормальный человек посочувствует бедной Лизе и пойдет ужинать. А садист может залиться слезами, и потом сказать: надрываешь ты мое сердце, сука, – и изрезать ее на куски, пьянея от совершаемого: и любить ее хочется, и одновременно мучить и резать хочется. Повышенная потребность в сильных ощущениях. Повышенные реакции на чужие муки. И вот эта повышенность реакций включает в себя как радость от них, так и горе, обе половины сферы, но поскольку сам себе сознательно ты горе творить не станешь – то радость получаешь от того, что творишь сам, а сладкое горе – от мелочей, которые к тебе непосредственного отношения не имеют. Есть такой механизм.

Но чаще люди жестокие – душевно грубое быдло. Хрен ли им клумбы с цветочками и музыка Вагнера, пользительные для слез пресловутых эсэсовских комендантов концлагерей.

Вот женщины менее склонны убивать животных, чем мужчины. Охотой как хобби увлекались всегда мало. Но давно подмечено: втянувшаяся в охоту женщина становится очень жестоким охотником. Прям как тот кенарь. Почему? А – коли полетели сорванные сдерживающие центры и нервная система вкусила силу ощущений от убийства живых существ – началась своего рода наркомания: мозг хочет, требует этих ощущений! Так, в общем, развивается садизм, зерно которого есть в каждом. Да и

на зонах бабы между собой еще более жестоки, чем мужики, – тот же механизм.

Предательство

Всемирная История Предательства – вот достойный аспект рассмотрения истории, психологии и социологии. Потому что вряд ли жил на свете человек, который – хоть на секундочку и по мелочи – вовсе бы никого и ничего ни разу не предал. И хотя бы в мыслях своих не был вовсе знаком с предательством.

«Моя вина» – назвал свой некогда знаменитый роман норвежец Сигурд Хуль, нобелевский лауреат. На единую минуту и только в мыслях предал герой романа свою любовь: черт, они оба молоды и бедны, ну куда ж тут жениться и рожать ребенка, который у нее, оказывается, будет. Он даже не сказал об этом ни слова – предательство было только в его глазах, на лице. Через минуту он уже искренне сказал ей все те слова любви и верности, которых она ждала; сказал то, что действительно чувствовал после минутного приступа малодушия. Но минуты оказалось достаточно… Она исчезла из его жизни. Он не знал своего сына. И увидел его впервые много лет спустя – когда в оккупированной немцами Норвегии его сын, квислинговец, коллаборационист, предатель, руководил арестом его, бойца Сопротивления. Такая история.

«Ведь каждый, кто на свете жил…»

Предателей Данте и законопатил в девятый круг Ада. Дальше уже некуда.

Доносчику – первый кнут. Предательство доверившегося всегда расценивалось как дело гнусное – даже тем, в чью пользу оно совершалось. Самым цельным и здоровым образом к этому относилась, на уровне Закона, Яса Чингиз-хана: это дело заслуживает исключительно смерти, и никаких гвоздей. Монголы времен великой и грозной славы своего народа отличались замечательным психическим здоровьем.

Античные греки, в войнах с персами захватывая пленных, с собственно персами обращались в рамках тогдашних правил войны: пленных можно было обменять, отпустить по заключении мира, интернировать и поселить на дальнем краю своих земель, пусть в земле ковыряются, их внуки уже почти своими людьми будут; можно было, наконец, продать в рабство – это также почиталось делом законным, прибыль опять же. Но если в плен попадались союзные персам малоазиатские греки – этих неукоснительно предавали казни, как предателей общего дела борьбы с персидским завоеванием.

Равно и римляне славной эпохи величия Республики бывали способны – это во время войны-то! – отказаться от услуг

предателя, дабы победить доблестью, а не низким коварством. Ну ужасно были гордые и уверенные в себе ребята.

Но вот в истории остался более знаменитым случай с библейской блудницей Раав, которая ради спасения своего рода предала родной Иерихон. И хотя Пятикнижие безусловно одобряет все, что делалось к пользе евреев и во исполнение заветов Бога, давшего им эту землю – заметьте, что единственная предательница была блядью.

Когда же римляне от развалившейся республики перешли к диктатуре, предварившей империю – на место былых доблестей пришло предательство как норма поведения. История великого триумвирата Помпей – Красс – Цезарь – это история клятвопреступлений, надругательства над родственными узами, убийства доверившихся и прочих прелестей гражданской смуты.

Тоталитарное государство вообще норовит возвести предательство в ранг государственного закона. Будьте верны только государству и предавайте друзей и родных во имя его. Тут СССР переплюнул всех: от Ассирии до наполеоновской Франции еще никто не смел объявить благим и примерным делом предательство родного отца: всем привет от несчастного придурка Павлика Морозова, героя-пионера из всесоюзных святцев. Каков же был блистательный результат столь патриотического воспитания советского юношества? Небывалый по масштабам во всей истории России переход солдат на сторону врага – и это в Великой Отечественной войне!.. Переходили поодиночке и группами, отделениями и взводами, уползали за нейтральную полосу целыми караулами, дозорами и боевыми охранениями. Эта история, надо полагать, не будет написана никогда – поскольку никто не собирается открывать архивы СМЕРШа. Но в семидесятые еще годы ветераны-мемуаристы «не для печати» (чего уже старику бояться? ничего у него нет, кроме пенсии сегодня и смерти завтра) поведали такие истории, что рот раскрывался и волосы шевелились.

(Российские традиции вообще недурны – хотя и прочих идеализировать не надо. Но не сразу сможешь найти в истории другой пример, когда сыну предложили купить жизнь ценой крови отца, которому он для этого должен перерезать горло. И перерезал. Федор Басманов при Иване Грозном.)

Как «предательство века» часто упоминают сдачу немцам генералом Власовым 2-й Ударной армии. Менее часто упоминают, что от армии остались рожки да ножки, и сам факт сдачи абсолютно ничего не менял. Еще реже пишут, что причиной уничтожения армии были идиотизм и самодурство высшего командования, которое всегда преследовало одну главную цель:

делать только то и только так, чтоб заслужить хорошее отношение товарища Сталина, это было даже и гораздо важнее, чем избежать поражения: убитых-то спишем, а вот если победишь, но вызовешь неудовольствие товарища Сталина – шлепнуть могут как пара пустых. Нетрудно представить эмоции Власова, которого неделями бомбили глупыми и ведущими к гибели приказами, отвергая его аргументы, а когда уничтожение окруженной армии подходило к концу – ему, значит, по положению «живым в руки врага не попадать» следовало застрелиться. Сволочи и идиоты в Москве уничтожили его армию, а теперь он же еще должен стреляться! Не захотел он стреляться. Смертной ненавистью ненавидел он к этому моменту советское Главнокомандование. И все равно, все равно – предательство его в истории не оправдывается ничем.

Вообще мы никого и ничего оправдывать не собираемся, мы не райсуд. Нас интересует понять.

С чего стал предателем знатный и удачливый вельможа князь Курбский? Во-первых, с того, что польский поход, задуманный как авантюра, провалился, и добра от Грозного ждать не приходилось. Во-вторых, с того, что армия разбежалась, дезертировала. В-третьих, с того, что Грозного боялись и ненавидели – и порешили, что лучше остаться жить в Польше, чем вернуться домой и угодить на плаху. Опять же – ну правы же ребята были! А вот все равно – не совсем хорошо попахивает.

Удивительно к месту процитировал Священное Писание Линкольн в геттисбергской речи: «Дом, разделившийся внутри себя самого, не устоит». Это относится не только к гражданским войнам. Ибо любое предательство – это разделение на две враждебные части того, что на уровне отношений почиталось как бы за единое целое.

Что такое предательство? Можно сказать: это прагматическое решение конфликта между идеальным и реальным. Непонятно; недостаточно. Попробуем разобраться.

Предательство всегда совершается по отношению к кому-то. Ан тоже не совсем, не абсолютно. Иначе не говорили бы: «Он предал свой талант», или «свои убеждения», или «свое прошлое». Здесь имеется в виду, что человек отказывается от каких-то своих взглядов, или возможностей, ради выгоды конкретной: денег, карьеры и т.п. Как бы он «разделился внутри себя самого», и более низменная, корыстная, жадная половина предала благородную половину. А вот если стяжатель и карьерист отказался от денег и карьеры ради благородного, бескорыстного поступка – тогда никто и не подумает сказать, что «он предал себя».

Здесь работают моральные категории. Совесть, честь, благородство, верность, честность. Вот если человек нарушил их, пренебрег ради цели низменной, корыстной, шкурной – тогда он предатель. Гм, а какая же корысть была Павлику нашему Морозову предавать отца? Он же это сделал из идеальных побуждений, ради счастья родины, как он полагал.

Кроме того, если объяснить одно слово, подставив на его место другое, также достаточно неопределенное и неоговоренное конкретно, что оно такое обозначает, то это ничего не прояснит.

Так… Предают что-то свое, близкое, родное, отечественное – в пользу чего-то менее близкого, чужого, даже враждебного, – чтоб получить личную выгоду: жизнь, деньги, власть и т.п. Предать можно только свою семью, группу, страну – а чужую нельзя, можно лишь ущемить ее интересы. То есть предать может только свой, только друг, – а чужой он чужой и есть.

Ладно, но почему, если ты предал своих врагам, то враги тоже тебя презирают? Обидно, понимаешь. Потому что враги тоже уважают моральные категории… но про моральные категории мы уже упоминали, они ничего, к сожалению, не объясняют, более того – они сами требуют объяснения.

А каковы мотивы предательства? Корыстные. А если бескорыстные: оскорбили человека, или ненавидит он, или завидует, и в результате предательства ничего не выигрывает, живет хуже, чем раньше, но – хотел насолить своим и насолил. Где корысть, строго говоря?

Кого предавал Талейран? Всех, кому служил. Зачем, почему? А они все равно шли к гибели, а он успевал хорошо устроиться, был на плаву, при деньгах и власти. Действовал в свою пользу.

Но какую пользу извлекала из своего предательства «кембриджская пятерка», работавшая на советскую разведку из высших, идеолого-политических соображений?.. И денег не брали. Идейные борцы. Сплошной риск и убытки.

Если объявить предателя просто потребителем – тогда все ясно. Нет у него великих ценностей, за которые он может отдать жизнь: незначительный он человек, не способный на самые крупные поступки, ему прежде всего лишь бы выжить и тепло устроиться. Поэтому его презирают: немного он сто́ит. Он не может противостоять силе, он может лишь перебегать на ее сторону. Он выживает не потому, что победил, а потому, что примазался к победителям, сам таковым не являясь. Он труслив, слаб, мелок. Он существует не потому, что являет другим свою волю и утверждает ее вопреки сопротивлению – он существует по милости сильного и заискивает этой милости: собака, сказал бы мусульманин. Он зависим, у него душа раба.

В любой очереди, при конфликте чиновника или кассира с кем из публики, всегда находится доброхотный защитник кассира от «принципиального» покупателя: эдакий подхалим, желающий задобрить представителя власти, чтоб тот к нему потом лучше отнесся. Мелкий бытовой вариант расхожего предательства. Угодливое подсмеивание шутке хама-начальника, издевающегося над несчастным из подчиненных. Любой подхалимаж, любая угодливость – мелкий вариант предательства: ты «поступаешься моральными принципами» ради того, чтоб начальник к тебе лучше относился, т.е. из шкурного интереса.

А вот – храбрый солдат, профессионал, бессребреник, который из рядов побеждающей армии (именно!) переходит в стан проигрывающего врага и честно сражается там. Он, может, патриот маленькой побежденной страны. Он, может, антифашист, или антикоммунист, или антиамериканист. Все равно: для вчерашних собратьев по оружию он предатель, хуже и ниже честного врага. Присяга, верность, оно все конечно… но – почему?! Доверие обмануто, и т.д. – но все-таки: в чем тут дело?..

Почему предавать всегда нехорошо: сильный ты или слабый, получил выгоду или не получил, перебежал на правую сторону или виноватую, предал из низких побуждений или возвышенных? А?

Тут впору вспомнить о юнговских *архетипах*, но в архетипы мы не верим и теорию сию полагаем наивной, поверхностной и спекулятивной философией, которая тем и отличается от науки, что ее невозможно научно ни доказать, ни опровергнуть – она существует как бы сама по себе, законченная конструкция условных рассуждений и допущений.

Можно ведь сказать так: предатель противопоставляет грубой силе – ум (хитрость, коварство, изворотливость, изобретательность). Почему же мы не уважаем его человеческий ум?..

Да нет, иногда и уважаем. Сэр Варвик, «делатель королей», только и делал, что бегал от Ланкастеров к Йоркам и обратно. Его обидели – он изменил – принес победу вчерашним врагам против вчерашних «своих» – и пошел следующий цикл: сам возвел короля на престол – сам сверг и возвел другого. Был талантлив, храбр, мощен – и самолюбив. Союза с ним искали, перед ним заискивали. Предатель? Хм. Не без того… Но здесь еще одна вещь: любого, кто бросил бы ему в лицо обвинение в предательстве, т.е. в данном случае в нарушении чести, он был готов в любой миг вызвать на «Божий суд» – честный поединок, где Бог явит правого через его победу. А боец он был редкостный. И людишки язык придерживали.

Как быть? Вот человек в одном стане. Имеет некие убеждения. Получает дополнительную информацию, переваривает ее, искренне меняет убеждения. Переходит в другой стан. Попахивает предательством. А в каком случае не попахивает? Ну вот не может он больше сражаться за то, во что не верит теперь! Застрелился; не предатель. Открыто объявил свои взгляды и понес наказание вплоть до казни; не предатель. Вместе со своим станом довел борьбу до победы, и отвалил только тогда, когда свои в нем уже особенно не нуждались; не предатель. Благородный человек.

Предательство всегда целесообразно. Предать можно из шкурных интересов, из явной выгоды. А можно (куда-а реже) из идейных соображений, тогда ты идейный предатель, это классом выше, грех твой меньше, но – все равно предательство… И вот в принципе эта целесообразность, логичность – людям не нравится. Люди полагают, что поступать следует против такой целесообразности.

Теперь можем помянуть кантовский категорический императив, и тут же отставим его в сторону, ибо он абсолютно ничего не объясняет: он только дает название, т.е. приклеивает к бутылочке ярлык с существительным и прилагательным, но на вопрос «а почему это так?» отвечает кратко: «А потому». Большое спасибо.

Можно поискать исторически-рудиментарную целесообразность, и попытаться противопоставить целесообразность сообщества целесообразности индивидуума. Типа: до конца защищать свой род, свое племя, невзирая ни на что, иначе враги напугают, подкупят, победят, подчинят, уничтожат, хана генам твоих предков, которые живут во всей твоей родне. На уровне стаи – быть сильнейшим и выжить. Да? А если единственный способ сохранить гены рода – предать заведомо и безусловно обреченных и спасти себя? И выжил, и размножился, и тем сохранил род, – а сам предатель. Тьфу.

Итак. В отношении к предательству мы имеем яркий пример анти-целесообразной настроенности человечества, его анти-рациональной ориентации. Расчет верен – а чувство выше, и хоть ты лопни.

Предателю нельзя доверять, на него нельзя полагаться – предал другого, предаст при случае и тебя? Э, он свалил в туман, его больше нигде не видно и не слышно, и вообще – вот тебе, допустим, абсолютная гарантия, что больше он никогда никому вреда не принесет; все равно ты его презираешь.

В чем же дело?

А в том, что он – недочеловек. Он может быть храбр, богат,

силен и знатен – и все равно он унтермен. Любой акт предательства есть акт слабости. Предатель ослабляет то, частью чего он был. Одновременно он ослабляет себя, отделяясь от целого – а равновеликой частью другого целого он стать уже не может, ибо явил свое качество – возможность по собственному усмотрению отделяться от целого. Он неполноценен, ущербен, недоделок.

Предательство – это нарушение верности единству. Единство же есть величина как реальная, так и моральная – одно скрепляется другим.

Не в том дело, что предал твоего врага, а в том, что вообще предал. Негодный человеческий материал. Его можно использовать, но с ним нельзя быть воедино. Не доверишься, спину не прикроет.

Предатель отсоединяет свою личную волю от суммы воль группы, тем самым вредя группе в пользу своих, так или иначе, но собственных желаний и интересов. Внутренний враг. Раковая клетка. То, от чего надо избавляться в принципе.

Внутренняя слабость предателя в том, что он не способен на ощущения, желания и поступки столь значительные, чтоб предпочесть их своей индивидуальной эгоистической потребности. В пределе – он не отдает свою жизнь за то, за что отдают их другие. Причем – здесь принципиален сам момент ухода от единства, перехода его границы вовне. Если ты пришел к врагу из леса – твое дело. Если от нас – ты хуже врага, просим к стенке. Дезертирство – это «пол-предательства», вторая половина – приход к врагу – превращает первую половину в предательство. Даже если ты разделил убеждения врага и отдал жизнь в борьбе против «своих» – в процессе ухода из единства твой интерес был эгоистичен: ты сам так захотел, решил, сделал. Ты не стал напрягаться, страдать, бороться за то, за что готовы они.

Когда ты с чужой стороны стреляешь во вчерашнего своего – в этот миг своя жизнь тебе дороже, чем его.

Верность означает: «Быть с вами и делать вместе это дело для меня дороже всего, и дороже жизни». Так держалось племя, город, страна. Предательство означает: «Нет, я передумал, я стал считать иначе, уже не дороже; мне теперь дороже другое». Ах ты мелкая сука!..

Предательство оскорбительно по сути; и не так важно, кто оскорблен, уж больно мерзок оскорбитель. Оскорблено наше представление о верности, чести, долге, благородстве, справедливости. Предательство аморально.

Ну и что, что аморально?

А то, что мораль противостоит расчету и целесообразности.

И более того – стои́т выше их. Руководствуясь и подстегиваемый моралью, и одновременно раздираемый желанием поступить целесообразно по расчету, человек достигает огромных нервных напряжений: ошибка, стресс, страдание, поступок «вопреки своему желанию», гордость тем, что смог поступить так, сознание значительности своего поступка и своей личности. Вот это та внутренняя гордость, то ощущение внутренней значительности, которых лишен предатель – лишен в сознании тех, кто не предавал.

«Он изменил!» – гудит хор жрецов в «Аиде», и этого обвинения достаточно.

«Я сумел быть верным, а он нет, хотя мне было нелегко», – вот тот пункт, по которому честный человек чувствует себя значительнее предателя; а каждый стремится быть как можно значительнее, и отыскивает к тому любые поводы. Поэтому предатель может убить тебя в честном поединке, быть сильнее и умелее тебя – и все равно ты его презираешь, ты выше, у тебя есть неоспоримый пункт превосходства.

Агрессивность

Скомпрометированное слово, стилистически отрицательно окрашенное, означающее насилие по отношению к кому-чему либо. В последние полвека не стихают досужие разговоры о необходимости избавиться от агрессивности человека, уменьшить ее. Агрессивность рассматривается как причина войн, насилия, конфликтов в обществе, а это, значит, нехорошо, и с этим надо бороться. Чуть иначе – называют агрессивностью склонность решать конфликты и противоречия методом насилия, силового навязывания своей воли другим – в противовес компромиссу, консенсусу, миролюбивому улаживанию и т.д.

При этом согласны, что солдат, конечно, должен быть агрессивным. Но хорошо бы сделать так, чтоб агрессивен он был только по отношению к врагу и только по приказу и в рамках приказа, – а со своими и тем более с начальством агрессивен не был, а был исключительно мирен и дисциплинирован. Вот робот такой с десятком кнопок на пульте управления – а пульт в руках высокого командования под присмотром правительства. Пока не получается. Хотя немец, скажем, к такой модели гораздо ближе, чем гарлемский негр.

А если вообще не найти способов уменьшить агрессивность человечества, то оно может покончить с собой, либо в вихре ядерной войны, либо зверски изгадив свою среду обитания.

Считаем все это прекраснодушным бредом, происходящим из размягчения мозгов. Эта точка зрения и система подхода к человеку изобретена интеллигентами – отличающимися от просто умных людей тем, что интеллигент с душевной слезой настаивает на утверждении желаемого над истинным – однозначно ставя должное выше сущего.

Сейчас мы сменим на товаре этикетку и поглядим, что получится.

Агрессивностью называется склонность существа преодолевать сопротивление окружающей среды для достижения своих целей. Подразумевается, что окружающая среда при этом терпит ущерб, изменяется «не в своих интересах», «продавливается».

Если елочка растет рядом с дубком, она стремится вверх как можно скорей, хочет затенить ему макушку: тогда он погибнет, а она будет расти спокойно. Если не удалось, дубок войдет в силу и своей мощной корневой системой уничтожит все деревья в радиусе десяти-пятнадцати метров: ему нужен простор, свет, много питания, и его корневые побеги «впрыскивают» дубильные

вещества во все, с чем встречаются.

Кролик агрессивен по отношению к траве, а волк – по отношению к кролику.

Борьба видов за выживание, короче. Что Дарвин в принципе теорию всеобщей борьбы за выживание не сам придумал, а перенял у Гоббса, который ее создал как раз применительно к людям и на век раньше, сейчас как-то редко предпочитают вспоминать.

А поскольку сила противодействия равна (в подвижном процессе не совсем, почти равна) силе действия, то чем больше человек чего-то хочет, тем большее сопротивление ему приходится преодолевать. Борьба старого с новым, талантов с бездарностями, и т.д.

Человеку же говорят моралисты: «Вписывайся мягче! Договаривайся миром». Руби деревья для прокорма, но не для богатства.

Энергоизбыточный человек всегда продавливал сопротивление окружающей среды, как никто. Нет великого человека в истории, который не поотдавливал бы ноги окружающим. В любви, в карьере, в науке и творчестве – конкуренции не избежать: реализуя себя и достигая своих целей, ты неизбежно перекрываешь кислород тем, кто жизненно хочет того же самого, что и ты. Места в сердце и постели любимой, в президентском кресле и нобелевском списке лауреатов на всех не хватит. И фиг миром договоришься с конкурентами.

Чем сильнее желание сделать что-то – тем на более решительные шаги готов человек, чтоб добиться своего. И на этой арене люди умирают с оружием в руках, как констатировал умный старый Вольтер.

Энергоизбыточный человек запрограммирован природой, создан так, суть его такова, что ему потребны сильные ощущения, которые даются преодолением сопротивления окружающей среды.

Пацанов заставляет драться та самая сила, которая гнала Колумба через океан в Америку: стремление к максимальным ощущениям через максимальные действия.

А если человек не способен преодолевать сопротивление окружающей среды – это безвредный соглашатель, бесхребетный всеобщий приятель, которого обязательно затрут конкуренты, обокрадут в его идеях коллеги, используют в своих целях все, кто ловчее и бессовестнее.

Маршал Жуков был человек страшный. Жестокий сатрап и бездарный полководец, побеждавший только при многократном перевесе людей и оружия над противником. Но своей дикой

жестокостью он заставлял выполнять приказ армию – голодную, деморализованную, плохо организованную и плохо управляемую, воюющую в этом советском бардаке на пределе и за пределом сил и возможностей. Жуков не мог изменить структуру армии и тем более – структуру всего государства, он мог лишь угрозами расстрелов и повешений гнать в бой. Войну выиграли. Люди более мягкие, чем сталинские ребятки-людоеды, в этих условиях от армии могли бы и вовсе ничего не добиться: слаб человек и жить хочет, а условия Отечественной войны были для солдата чудовищны, часто практически непереносимы.

Степень жестокости в больших делах – разная, а принцип один…

А уменьшение склонности к преодолению сопротивления среды – может быть только аспектом уменьшения энергоизбыточности человечества. А это – вряд ли.

Искушение

У Александра Грина есть рассказ о том, как мужчина в день свадьбы, кануна счастливой жизни с любимой девушкой, просто отошел от нее, приблизился к двери, спустился в сад, через калитку вышел на улицу, и продолжал идти… пока не вышел из города, и дальше, и дальше. Жизнь спустя, одинокий без любимой, не зная, прожил он свою судьбу или чужую, он признается рассказчику, что в тот решающий миг счастливого вечера он вдруг просто подумал: а что будет, если я отойду? если выйду в сад? и, следуя этому странному импульсу «наперекор себе», холодея от ужаса содеянного, ушел навсегда.

Это классический, чистый пример того, как человек делает то, чего делать не хочет. Искушение как чувство противоречия себе самому. Дуализм стремления к счастью и несчастью одновременно, а примечательность и незаурядность случая в том, что человек сознает и фиксирует обнаженное решение дилеммы в сторону несчастья. Аргументы, рациональные мотивы здесь отсутствуют.

Поскольку человеку свойственно во всем искать рациональные мотивы и по возможности просто раскладывать все по полочкам разума, искал он всегда и объяснение феномену искушения. Самое общее и простое объяснение носит форму нехитрого аргумента «а вот потому», и все тут. Раз следовать искушению, и даже вообще испытывать его, противоречит нашим интересам как мы их понимаем – так это Дьявол нас толкает, Дьявол нас искушает злом. Вводится такая нехитрая условная величина «дьявол» – и как бы налепив такую этикетку на явление, можно успокоиться: ну, мол, теперь все ясно.

Есть некий внешний фактор, вот такое имя мы ему дали. Но это объяснение для тех, кто думать не любит и не умеет, а хочет на все иметь простые готовые ответы.

«Искушение святого Антония» – один из любимых мотивов христианской теософии. Отшельник Антоний хочет аскетизма и праведности, а ему мерещатся женщины, пиры и прочие соблазнительные вещи, аж молиться не успевает. Это его Дьявол, естественно, искушает.

Искушение – едва ли не главный исходный мотив романов Достоевского, признанного одним из гигантов духа мировой литературы. Сам Достоевский вечно терзался греховными страстями к деньгам, игре и малолетним девицам, и подавлял эти искушения с переменным успехом. Но если «Игрок» – это описание гибельного следования искушению без особого анализа

мотивов, то все суперзнаменитое «Преступление и наказание» – это постоянное выяснение рациональной мотивации искушения – будучи нищим, хлопнуть ростовщицу и разжиться чуток деньжатами на жизнь. Автор раскладывает простые аргументы «за» и «против» и в конце концов решает спор в пользу совести и Евангелия. То есть на чисто моральном уровне. Мы также против убийства старушек и за моральные ценности, но нас интересует анализ на уровне научного, логического понимания – каковому пониманию подлежит и сама мораль. Категорический императив мы оставляем Канту – он плох тем, что ничего не объясняет и пониманию предмета никак не способствует. «Нельзя, потому что нельзя», – это для детей младшего дошкольного возраста.

Что есть первое и необходимое условие любого искушения? Наличие запрета, внешнего или внутреннего, категорического или как минимум осознаваемого. Диапазон запрета – от предельного внешнего, типа угрозы гибели тебя, или всей твоей семьи, или вообще всей Земли, если ты нажмешь ядерную кнопку – до мельчайшего внутреннего, типа съесть соблазнительное пирожное и тем нарушить свою диету и перестать худеть, а очень хочется похудеть и быть стройным и красивым.

А кто ж не слыхал, что достаточно человеку что-то запретить, как он начинает этого хотеть, даже если раньше об этом вообще не думал. Любой запрет как-то раздражает человека, как прыщик, как кошку бантик, вот мешает ему жить спокойно. Даже если это мелкий волевой самозапрет. Что такое самозапрет? Это человек путем рационального приказа себе подавляет свои же желания. А хотеть он от этого перестает? Нет, часто напротив: как даст зарок чего-то не делать, так тут же сильнее хочется: хоть курить, хоть тупому начальству возражать.

Корыстный мотив искушений даже не заслуживает особого рассмотрения. Если человек хочет грабануть банк, но боится наказания в случае неудачи или усвоенная мораль не даст ему пойти на грабеж – тут все ясно. Если гарантировать людям успех, безнаказанность и анонимность грабежа – хана банкам, у большинства мораль не выдержит.

Есть искушение оружием. (Свойственно это почти только мужчинам.) Красивое, эффективное, хорошо сработанное оружие буквально провоцирует своего обладателя пустить его в ход. Те, кто держал в руках хороший нож или пистолет, прекрасно это знают. Часто хулиганствующие подростки втыкают в кого-то нож только потому, что нож выглядел красиво и грозно, ну сам же просился в дело. Аналогичное чувство знакомо стрелку, который видит на расстоянии выстрела потенциальную цель. Он может хлопнуть человека просто потому, что тянет это сделать, это так

просто, интересно, волнует с приятностью: совместить мушку с прорезью, подвести под цель и потянуть спуск.

Но оружие – это естественный усилитель человеческой значительности: манит власть, ощущение своей значительности, своих огромных возможностей – тебя боятся, от тебя много зависит, ты повелитель судеб, грозный воин; тебя тянет к максимальным ощущениям через максимальные действия, ты изменяешь мир, выбивая из него людей. Ладно, и это тоже несложно понять.

Просты и искушения св. Антония: секс, развлечения, богатство. Это вообще естественные стремления. Искушениями их делает только запрет.

То есть искушения можно разделить на рациональные и нерациональные, а проще – на понятные и непонятные. Изнасиловать привлекательную женщину, убить конкурента или честно сказать юбиляру, что он кретин – понятен мотив удовлетворить сексуальное желание, или упрочить свое положение, или явить свое умственное и человеческое превосходство (моральный аспект сейчас оставляем в стороне).

Нерациональные искушения анализировать сложнее. Здесь, если разобраться, есть своя классификация.

Искушение смерти. Шагнуть в пропасть или с балкона, застрелиться, сунуть голову в петлю, вонзить себе в сердце нож. Физическая простота, возможность и легкость этого действия производят легкое опьянение сознания. Фрейд решил этот вопрос просто: есть Танатос, зов смерти, и наряду с Либидос, зовом любви, он живет в человеке и определяет его стремления и поступки. Как нетрудно заметить, между Танатосом и Дьяволом здесь нет никакой принципиальной разницы: мы констатируем явление и даем ему название, и этим названием удовлетворяемся в качестве объяснения.

Да нет… Это пьянит острое сильное ощущение. На краю постоять. Своего рода наркотик. Ох что будет, если шагну вниз, вот это да… Это стремление к максимальному действию – изменить и уничтожить весь мир – мир в себе – путем убийства себя. Это стремление к нарушению Главного Запрета – запрета, которым твой инстинкт жизни запрещает уничтожать себя, а наоборот, требует реализовать себя через все ощущения и действия жизни.

У того же Достоевского есть дивные примеры чистых искушений. Как, например, Ставрогин в «Бесах» одного почтенного человека, произнесшего свою любимую присказку: «Нет, меня за нос не проведут», – хватает именно за нос и проводит через все благородное собрание, ошарашенно замершее.

Или губернатора, склонившего к нему ухо выслушать по секрету, кусает за это ухо и долгую минуту держит зубами, не могущий высвободиться старик ошеломлен до потери чувства реальности.

Теле– и радиодикторы, работающие в прямом эфире, хорошо знакомы с подмывающим диким искушением (о, разумеется, у них и в мыслях ни на миг нет дать ему ход) выкинуть в этом прямом эфире какой-нибудь непоправимый фортель: послать всех матом, в недопустимо-разговорном тоне пустить издевку по адресу верхов, сделать неприличный жест, – словом, выкинуть что-нибудь совершенно невозможное, шокирующее, непоправимое. Ясно, что это им дорого обойдется, конец карьеры, штраф и т.п. – хотя потом можно закосить под дурочку и от суда отвертеться. Почему, зачем? они приличные воспитанные люди, зрителей уважают, с читаемым текстом могут быть согласны… вот такой позыв к гипертрофированному и даже преступному озорству.

Действие рождает противодействие. Любой запрет неизбежно порождает внутренний протест – подсознательный, неосознанный, который может не вылезти наверх в сознание никогда, а может вылезти в трансформированном до неузнаваемости виде, – но есть он, есть, некуда ему деваться. Есть акция – есть и реакция: искушение – всегда реакция на запрет.

Помочиться в театре на партер с балкона, засадить камнем в витрину, развинтить железнодорожный путь и пустить пассажирский поезд с рельс под откос, написать неприличное слово на стене парадного дипломатического зала, щелкнуть по носу почтенного начальника, и несть числа – все это совершенно нерациональные искушения, вызванные отнюдь не человеконенавистничеством, но лишь подсознательной тягой испытать изрядные ощущения от взлома запрета, что есть действие немелкое.

Мое поколение росло вскоре после II Мировой войны. Зачем мы тайно малевали на стенах свастики?! Мы были дети, дошкольники, нас никто этому не учил, мы не только не были неонацистами, но были по воспитанию эпохи вообще антинемцами, – какова природа удовлетворения, с которым мы это делали? Играя в войну, «немцы» всегда были, разумеется, побеждены – какова природа удовлетворения, с которым «немцы» закатывали рукава и, изображая нехорошую жестокость и «страшность», вопили кривляясь «немецко-фашистские» слова? И присутствовало ощущение, что делаешь что-то нехорошее, и этого нехорошего хотелось, и даже этим нехорошим гордился, прекрасно зная, что это игра и на самом деле ты совсем не такой, другой, противоположный.

Это все равно что корябать гвоздиком лаковый борт красивой машины. Ты не знаешь, чья она, и зависти не испытываешь, и жалко тебе испоганиваемую тобой же красоту прямо до слез – а корябаешь вот с противоречивым чувством, и хвастаешься потом перед сверстниками, они хвалят, а тебе внутри неприятно за сделанную гадость. А тянет корябать!!!

А может, тебе не запрещали машины корябать, об этом и речи не было. Тебе запрещали за девочками подглядывать, домой опаздывать, шапку не носить. Запрещают одно, а реакция вылезает в другом месте? Примерно так рассуждает сегодня педагогика, самая прогрессивная ее часть. Эта часть права отчасти. Но не совсем.

Где не может быть искушений? Там, где нет запретов.

Где нет никаких вовсе запретов? Нигде.

Что такое искушение? То же стремление к сильному общению через крупное действие.

В чем же крупность действия, если само по себе оно ничтожно?

В нарушении запрета. Ибо он – лишь одна деталь, часть, в общей большой конструкции свода правил общежития. Даже если эти правила внутри тебя и об их нарушении никто не узнает.

Может ли человек не испытывать хоть иногда «идиотских» искушений? Нет.

Почему?

Потому что в нем всегда живо стремление изменять существующую систему «я – мир» через свои действия. Нарушение запретов входит в эту систему. Базируется это на инстинкте жизни, является это частью и аспектом роли человека во вселенной.

А кроме того, на уровне более человеческом. Искушение есть проявление стремления человека к абсолютной свободе. Что есть, как сказано выше, проявление второго закона термодинамики, действие которого ограничить весьма трудно – природа, понимаешь, так устроена. (См. «Свобода».)

Уровень некомпетентности

«Уровню некомпетентности» посвящено шутливое и во многом верное исследование одного славного американца. Сводится оно к тому, что когда работник грамотно и компетентно справляется со своими обязанностями, его естественно повышают по службе для пользы дела и его собственной, и повышают до тех пор, пока он не достигнет уровня, где уже перестает являться компетентным. Таким образом, резвится американкашка, все хорошие активные работники, делая карьеру, в конце концов становятся некомпетентными и плохими работниками, и чем выше уровень руководства, управления и вообще чем выше профессиональная ступень – тем ниже там уровень компетентности работников. Хорош – выше, хорош – выше, и так все выше, пока не перестанет быть хорош. Весьма остроумная логика.

Доля истины здесь до крайности велика. На самом деле в жизни, конечно, обычно бывает иначе, и все это знают. Если человек «не тянет» на каком-то высоком уровне, он или сам сваливается на предыдущую ступень обратно, или его задвигают обратно, и вообще для перехода на более высокий уровень требуется запас энергии, способностей, возможностей, который на имеющемся уровне виден и ощущается и самим человеком, и окружающими, которые причастны к его дальнейшему выдвижению.

И однако случаев, когда хороший командир дивизии становится плохим министром обороны и т.п. – сколько угодно.

Человеку вечно всего мало, ему вечно надо больше, выше, иначе, и он лезет все вверх и вверх, пока не набьет на голове шишки об потолок и не свалится обратно – вот что на самом деле имеется в виду.

«Сказка о рыбаке и золотой рыбке» – один из вечных бродячих сюжетов на эту тему. Старуха захотела целое корыто, потом – новый дом, потом – дворянство, потом – царство, и все она получила, так ей захотелось уже стать вообще владычицей и гонять рыбку-благодетельницу как прислугу на побегушках – и в результате она рухнула на исходный уровень, к разбитому корыту. Нехитрая притча о безграничности желания и достижении уровня, превосходящего возможности, после чего все достижения рушатся, и человек опускается в исходное ничтожество положения.

Это относится ко многим случаям «крайнего величия», которого достигали властители мира, столпы истории. Кир,

Александр, Наполеон – создав огромные мощные царства, расширяли их пределы сверх достаточного до тех пор, пока не «запрыгивали» выше своих возможностей, выше возможностей своего государства, и тогда в сверхнапряжении государство рушилось, а властитель погибал. Что б ему не остановиться вовремя?.. Но та самая энергия, то самое желание, которое вело и тащило его вперед и вверх к величию и славе, перетаскивало за черту «компетентности», за предел реальных возможностей, и все рушилось к чертям свинячьим. Потому и рухнул, что хотел чересчур много и сильно. Потому и сделал так много до своей гибели, что хотел так много и сильно.

И это сказывается в самых разных проявлениях человеческой деятельности.

«Больше всего человек гордится тем, чего у него нет. Например, Т. владел немецким языком, но на столе у него всегда лежали только английские книги», – писал Акутагава. То, чего у тебя нет, существует в твоем воображении в некоем условно-идеальном виде и всегда кажется чем-то лучшим и более значительным, чем в реальности. Его отсутствие увеличивает желание, его неизведанность будоражит воображение и оставляет место для допуска любой возможности.

«В чужих руках член всегда толще», – составили присказку шлюхи.

Чем гордился властелин полумира император Нерон? Своим актерским даром, и упивался фальшивыми дифирамбами льстецов.

Гениальный комедиограф Мольер был лучшим комическим актером своей эпохи. Но он страшно переживал, что он не трагик, и страстно мечтал быть им. Играя с труппой перед королем Франции, когда от реакции монарха зависела вся дальнейшая судьба, он добился бешеного успеха и сорвал овацию. И немедленно вслед за этим, вразрез всех планов, погнал трагедию – жалким и провальным образом!.. Только яблочный огрызок, брошенный из зрительного зала ему в голову, поставил мозги гения на место. Больше он на трагедии не покушался, удовольствовавшись положением и славой первого комика королевства. И всю жизнь страдал, что не довелось ему сыграть известные трагические роли… При этом вся актерская братия сгорала от зависти к его успеху и таланту!

В жизни выигрывает тот, кто умеет остановиться вовремя. Уровень претензий должен соответствовать уровню возможностей – вот старинный рецепт жизненного успеха.

Но чем энергичнее и талантливее человек – тем он неостановимее на любой стадии. То, что подняло его снизу до

возможных для него вершин – гонит его: дальше, дальше, дальше!

Вот поэтому побеждают и благоденствуют в жизни отнюдь не самые талантливые и энергичные. Напротив – процветают люди достаточно ограниченные, с небогатым воображением, умеющие довольствоваться достигнутым уровнем, не сжигаемые вечной жаждой черт знает чего, не обуреваемые безумными планами, не собирающиеся «переделывать мир». Они не мнят о себе слишком много. Они гордятся своей трезвостью и здравомыслием. И агрессивно нападают на всех, кто покушается на их нехитрые жизненные взгляды – взгляды толпы, набор заемных расхожих истин. Они отмеряют откусить кусок по своим возможностям и не давятся чрезмерным, по уму и темпераменту это «крепкие середняки».

«Он был из тех людей, которые в молодости говорят: „У меня будет пять домов“, именно пять, а не двадцать или мильон. И вот такие-то именно достигают со временем иметь как раз пять домов, в то время как те, кто желал миллион, остаются ни с чем», – писал Достоевский.

Самые яркие, самые талантливые, самые интересные, самые энергичные – очень часто терпят поражение на жизненном поприще там, где рядом благополучно процветают посредственности. Именно потому, что отчаянная энергия таланта прет и тащит его до уровня некомпетентности сквозь массу этажей, где он мог преуспевать и цвести.

О «неудовлетворенности таланта» слышали? Что талант вечно недоволен собой и своим творением, стремится к немыслимому совершенству и т.д. Вот то самое – все ему не так, всего ему мало, и живет он поэтому плохо.

У меня есть друг, гениальный бизнесмен. Он фонтанирует идеями и постоянно затевает грандиозные предприятия. Находятся партнеры, исполнители, инвесторы, дело растет как на дрожжах – а он упорно выращивает очередное драгоценное денежное деревце до размеров баобаба. Партнеры начинают кричать, что и так хорошо и достаточно, и норовят отколоть себе кусок от его дела и кормиться им. А он видит гигантскую перспективу, уже его лихтерный флот оккупирует всю Атлантику, уже его банки перекупают контрольные пакеты голливудских студий… и все как-то лопается. А скромные партнеры процветают на осколках очередной созданной им империи.

Помните сказку о скороходе, который носил на ноге прикованное цепью ядро – чтоб не бегать слишком быстро? Это ужасно мудрая притча, на которую филологи и философы никогда почему-то не обращают внимания. Помедленней, поспокойней, тише едешь – дальше будешь. Тормози.

Стремление к поражению

Это далеко не факт, что человек делает все лично от него зависящее, чтоб добиться желаемой цели. И не делает не просто по лени, или трусости, или недостатку энергии. Нередко у человека происходит просто не то «затмение мозгов», не то «затмение чувств», и он совершает шаги не просто неадекватные – но логически не объяснимые, противорациональные, противоречащие собственным желаниям и интересам. Это сродни искушению (см. «Искушение»).

Помпей не должен был проиграть битву при Фарсале. Войск у него было больше, и он – Гней Помпей Великий, храбрый старый солдат и опытный полководец – умел выигрывать сражения не хуже Цезаря. Но в решающий момент битвы он впал в странное оцепенение, в безвольную бездеятельность, прекратил управление войсками и стал тупо ждать конца. Чего и дождался. Цезарь был не из тех, кто упускает свой шанс.

Прошло несколько лет – и великий мудрый Цезарь буквально за шиворот приволок себя в сенат под кинжалы заговорщиков. Он был неоднократно предупрежден о заговоре и опасности, «бойся мартовских ид» – это вошло в присказку. Он знал римские нравы насквозь, у него были все средства обеспечить свою безопасность: он словно нарочно отказался от любых, элементарных мер безопасности.

Наполеон был храбр, но отнюдь не безрассуден. Начиная с 1809 года, как отмечала свита, он буквально лез под ядра, находясь под огнем безо всякой надобности. Противоречить императору было трудновато; генералы сошлись на том, что он поискивает смерти в бою. Смерть могла снять великие и неразрешимые противоречия, неодолимость которых Наполеон уже осознавал: он хотел слишком многого, и был не в силах ни исполнить все свои титанические планы, ни отказаться от них.

Любому, кто пускался в тяжелые предприятия, знакома животная тоска, в какие-то миги, предшествующие решительным шагам, охватывающая слабостью все существо: желание спрятаться, избежать ситуации, оттянуть время решительного шага. Хотя сам всего хотел и продолжает хотеть. Нет, это случается далеко не всегда, но и вовсе без этого никогда не обходится.

Это вроде тоски солдат в какой-то момент времени перед решающим боем – даже если они хотят боя и уверены в победе, и даже в том, что выживут, тоже могут быть уверены! – а все равно…

То есть. Вот у человека есть сильное желание и осознанная цель. Это требует усилий и действий. Есть и вера, и надежда, и силы. И вот подходит время конкретного серьезного действия. И человек готов действовать, он давно готовился. И вдруг в нем возникает летучая тень слабости и желания избежать ситуации; при том, что ситуация ему понятна и желанна.

Это желание избежать борьбы с жизнью, трудностей, риска.

Это сродни страху актера перед спектаклем или студента перед экзаменом. Все в порядке! – а все равно нервы взвинчены, и легкая тоска в животе. Почему? – даже в том случае, когда ничем не рискуешь, ничего не потеряешь.

Вот сидит бригада работяг – приехали на заработки, хотят работы и денег. Ждут, когда первый плот на реке покажется. Почему это невинное рабочее ожидание томительно людям, и когда таки показывается первый плот – деньги же плывут! – тоска толкается в желудке, и вместо радости – не то робость, не то желание, чтоб подольше не было этого плота: короче, стремление потянуть ситуацию, в которой пока можно ничего не предпринимать.

Это относится к первому приходу на новую работу, к переезду в новый город. Оттенок страха, робости, неуверенности, тоски, желания отодвинуть новую ситуацию.

Вот эта новизна многих ситуаций воспринимается человеком двояко. С одной стороны, он сознательно хочет. С другой стороны, он подсознательно побаивается, даже если ему видится и понимается, что бояться ну решительно же нечего. Чего он боится? Или спросим иначе: что вызывает у него отрицательные эмоции, нежелание?

Первое. Новизна грядущей ситуации означает неопределенность. Никогда нельзя знать заранее всех подробностей, неизвестно какие вылезут неожиданности и случайности, надо быть готовым к чему угодно. Раз толком не знаешь еще, к чему, – ну так к чему угодно. Напряжение неопределенности велико потому, что неопределенность может потребовать всех твоих сил без остатка, и еще мало будет.

Неопределенность подступившего, но еще не наступившего – это вроде наступления привидения: не знаешь, чего от него ждать и как в случае опасности бороться и спасаться. Поэтому привидение страшнее любого реального врага.

Перед неопределенностью человек беспомощен и беззащитен: есть возможность нежелательных и неопределимых событий, но защититься от них невозможно: не знаешь миг, когда потребуются от тебя действия, не знаешь конкретных размеров и направлений опасности. А быть защищенным от всего на свете в любой миг –

никак не возможно.

Поэтому состояние неопределенности человек переносит до крайности плохо. Его нервная система пытается полностью мобилизоваться, чтоб быть в любой момент готовой ко всему – и очень быстро измучивается, устает. И вот человек уже готов даже к самому плохому исходу – потому что лучше один самый плохой, чем в каждый миг возможность любого из плохих. Как удачно выразился Мольтке-старший, «лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас конца».

Разрушительную силу неопределенности во все времена хорошо знали следователи, «разминая» подследственных до полной утери воли и инстинкта самосохранения. Размолотый неопределенностью человек сплошь и рядом кончал с собой, не в силах выдержать этой пытки – пытки ожиданием чего угодно в любой миг.

Таким образом. Стремясь к какой-то цели. Человек втягивает себя. В цепь ситуаций. Неопределенность которых ему тяжела и нежелательна. И он хотел бы ее избежать. Как сейчас, так и в будущем.

Начинающему лыжнику при спуске с горы трудно держатъ равновесие при каждый миг чуть меняющемся положении тела. И он сваливается раньше, чем мог бы. Он мог бы еще ехать, но эта постоянная неопределенность положения равновесия в каждый последующий миг достает его, и вестибуляр приказывает: к черту, мне очень трудно, хватит, падаем. Воля давит бессознательный голос вестибуляра, а привычка сильно уменьшает неопределенность, и через энное время лыжник будет в порядке.

Сходно и в жизни. Чтобы ехать, надо уметь заставить себя преодолеть трепет неопределенности – и тогда она перестанет быть неопределенностью, и даже наступит кайф езды: ты ведь сам хотел кататься. А можно безопасно свалиться на бок – и тем самым сразу разрешить ситуацию.

Консервативный инстинкт самосохранения велит избегать ситуаций, чреватых неопределенностью: живи тем, что уже есть сейчас, чтоб было спокойно и надежно. А стремление к максимальным ощущениям и максимальным действиям – велит действовать. И в результате человек, совершающий черт-те что в жизни, знаком и со страхом, и с тоской, – а все равно прет вперед и действует.

Но вот этот инстинкт самосохранения велит кратчайшим и прямейшим путем избегать неопределенных ситуаций: валиться на бок. Этот голос может быть неслышим – но он никуда не девается, знай себе зудит свое. Это вроде ультразвукового свистка

для собаки: людям не слышно, а собака команды выполняет. Вот так и сознание всегда прислушивается к голосу «трусливого» инстинкта, велящего сидеть тихо в своей норе и не высовываться.

И человек вдруг начинает устраивать сам себе обломы – которых потом сам же себе не может объяснить. Он неожиданно хамит начальству, или под моральным предлогом отказывается от выгодного предложения, – и ломает себе карьеру. Он ищет поводов к ссоре с любимой девушкой. Или – вообще труднообъяснимо! – впадает в странную прострацию и с какой-то отчужденной горечью следит, как течение времени без всяких действий с его стороны складывает ситуацию так, что он уже избавлен от необходимости принимать ответственные решения и совершать решительные шаги: все рушится само собой.

Стремление к поражению как стремление к такой ситуации, в которой можно «отдохнуть», не напрягаться, продолжать жить на невысоком, но спокойном, известном, лишенном неопределенности и тем самым гарантированном от неожиданных опасностей и трудностей уровне. Стремление к покою кратчайшим и легчайшим путем. Стремление к предельному равновесию с окружающим миром.

Стремление к поражению как консерватизм инстинкта самосохранения: ничего не менять! пусть все будет как есть!

При этом крайнее выражение стремления к поражению – это стремление к самоубийству (см. «Самоубийство»): устроить ситуацию так, чтоб уже вовсе ничего не нужно было опасаться, вовсе ни для чего напрягаться не надо, равновесие с окружающей средой предельное. Снимаем энергетический излишек живого существа, и продолжаем без малейшего напряга продолжать существование в форме простого круговорота веществ в природе. Наконец-то полный покой и полная безопасность.

То есть. Любому человеку свойствен здоровый и охранительный консерватизм, который предостерегает его от всевозможных авантюр с сомнительным исходом, от опасных и трудных ситуаций, который велит сидеть тихо, не высовываться, не рисковать и беречь все силы. Предохранительная система.

И вот эта предохранительная система вмешивается во все наши действия – с разной степенью успеха и эффективности. Вмешивается «снизу», с уровня инстинкта, через подсознание. Она командует: «Сократись! Делай меньше! Осади назад! Не нужно тебе этого!»

И человек начинает конструировать себе поражение, не осознавая, что это его собственные, добровольные и самостоятельные, шаги – рушат цель, которую он сам себе поставил.

Таков основной аспект. Избежать огромности неопределенной возможности грядущего поражения тем, что сразу, быстро и самому устроить себе конкретное поражение – и тем покончить с мучительной ситуацией ожидания и готовности черт-те к чему.

Есть еще аспекты. Вот человек вдевается в какое-то большое предприятие. И все поначалу идет хорошо, даже – отлично! Пахнет верхом успеха, о котором он только мечтал! И тут интуиция говорит ему: «Не верю. Это слишком. Вряд ли. Да нет, не будет этого». Интуиция говорит ему: «Ты не потянешь. Это не твой уровень успеха. Сам чувствуешь, верно?»

Слушайте – все есть, все слагаемые успеха: и личные данные, и стечение обстоятельств, и качество делаемого им дела. Но. Пройдет время, и человек убедится: да, в том же месте успеха достигли люди менее способные и подходящие, и не в лучших условиях. Что было? Это можно назвать заниженной самооценкой, можно – неадекватной оценкой ситуации, можно – неуверенностью в себе и своих силах. Единственное, чего бедолаге не хватало – умения дожимать ситуацию, верить в себя, переть вперед безрассудно, тем более что все складывалось в его пользу.

Но. Он вдруг начинает совершать неадекватные, необъяснимые поступки. Он начинает выдвигать какие-то странные, глупые, неожиданные условия. Он вдруг по «необъяснимому внутреннему импульсу» нарушает сроки. Медлит, когда надо срочно действовать. По странной робости перепускает кого-то вперед себя, объясняя себе это своей моральностью. А фактически – он ищет поводов к поражению.

Зачем ему поражение? Для спокойствия. Какого спокойствия, он же потом всю жизнь будет страдать? Будет. Что с того. Он полагал, что все равно «не потянет уровень победы» – не выдержит, сверзится с вершины, слишком трудно это для него.

Он боялся своей победы. Хотел, мечтал, стремился – но это пахло таким количеством постоянных трудностей и беспокойств, что он предпочел свалиться на бок и прекратить головокружительную езду. Его нервная система потребовала равновесия с окружающей средой на более низком уровне.

И еще один аспект. Стремление к страданию. Многие люди стремятся к поражению – вроде как чем-то на всю жизнь огорченный человек (а кто ж ничем не огорчен?..) в воображении присутствует на собственных похоронах: он уже умер, теперь все хорошо и спокойно, процессия, венки, его все любят, ну – сожалеют хотя бы, понимают ценность его достоинств: такой отрадный и в горечи сладкий трагизм. С высот жизни и здоровья

приятно щекочет нервы и бередит чувства такая картина.

Вот так и с высот еще возможной и даже наклевывающейся удачи отрадно – горько! сладко! остро! отрадно! – вообразить себе всю глубину своего поражения: зато все в жизни познал, много перестрадал и перечувствовал, что-то в этом очень значительное и манкое ощущается. В мыслях и чувствах уже всего достиг и все потерял, всем насладился и от всего перестрадал: огромную и богатую жизнь прожил… хорошо.

И бес толкает под ребро: давай! давай! сделай, чтоб так оно и было! И делает. Оно и спокойно, и надежно, и отрадно, и богато для мыслей и чувств.

Если мы посмотрим на тех, кто долез в жизни до самых вершин, то без труда убедимся, что за редчайшими исключениями не отличаются сверхудачники и сверхпобедители ничем незаурядным, кроме огромного самомнения, нерассуждающей уверенности в своих возможностях, неотклонимой последовательности в спокойных шагах к цели. Да, неглупы, работоспособны, упорны, но таких немало. Победителей же отличает то, что они абсолютно не хотят поражений. Они делают для победы все, для поражения – ничего.

Пока не дойдут до вершины – они раздражают людей своей наглостью, безапелляционностью, самоуверенностью, отсутствием сомнений в правильности своих суждений и действий. Ясное дело, таких людей меньшинство. Это та цельность, которая граничит с тупостью чувств.

И – и – вспомните теперь о Цезаре и Наполеоне. Добравшись до самого верха и полностью реализовав свои притязания, они впадают (синдром достигнутой цели) в некоторую растерянность: а что теперь? Где великая цель, к чему прилагать все силы? Это не машины для жизни на вершине – это машины для достижения вершины. А поскольку с вершины все тропы ведут вниз – они начинают стремиться к поражению: ибо только в поражении могут обрести то максимальное действие, которое требуется их мощным натурам. В победе они уже обрели все возможное и мыслимое.

Избранники богов умирают рано – да, но по своей собственной воле, даже если не сознают ее.

Резюме хочется вынести, хотя уже и так все понятно. Стремление к поражению – это стремление свалиться набок, чтоб не тяпнуться со всей скорости и избавить себя от мучительного и рискованного труда лететь по круче; а лететь все-таки хочется, натура требует самореализации и самоутверждения.

Самоубийство

Вот они – толпы «вернувших билет»; похороненных у дорог и за оградами освященных кладбищ; молодых и старых, женщин и мужчин, богатых и бедных, умных и глупых, здоровых и больных, красивых и уродливых; одни не добились в жизни ничего, другие – всего, кроме счастья; зачем торопились они в вечность небытия, которая все равно никого не минует?..

Среди множества классификаций людей по разным признакам возможно и такое разделение: на тех, кому самоубийство в принципе понятно, они не раз задумывались, – и тех, кто всегда пытается узнать конкретную причину чьего-то ухода: «так почему все-таки он (богатый, знаменитый) застрелился?». Как будто повод для сильного недовольства жизнью все объясняет (или таки действительно объясняет?..).

Мы говорим: человеку потребны ощущения и действия, через то и проявляется инстинкт жизни, то и есть жизнь. Не опрокидывает ли самоубийство всю нашу систему? – вот, пожалуйста, по своей доброй воле человек отказывается чувствовать, действовать, быть.

Не новая и основательная наука суицидология рассматривает самоубийство как психическую патологию. Спасибо за лэйбл. А что такое патология? А это какие-то признаки, явления, процессы вышли за свои «нормальные» размеры, их интенсивность стала слишком мала (или велика), и все здание психики перекосилось: там сильно, сям слабо, этого много, этого мало, – динамическое равновесие чувств нарушено, и вся постройка, произрастающая и базирующаяся на инстинкте жизни, заваливается и погребает под собой этот самый инстинкт.

Но эти общие слова нормальному человеку ничего не объясняют. Ему понять требуется: фиг ли не жить, если живется, да еще неплохо? Ерундить-то с чего, это ведь не шуточки – себя убить.

1. Мотивы. Их можно разделить на рациональные и нерациональные.

Человек смертельно болен и не хочет умирать беспомощным и в муках, вдобавок доставляя долгие страдания близким. Мотив понятен и логичен. (Хотя обычно человек мучится до конца, цепляясь за жизнь до последней минуты, выжимая из своего индивидуального бытия максимум.)

Или кончает с собой, чтоб покончить с непереносимыми пытками. Тоже понятно. Нет уже ни сил, ни смысла такие муки переносить. Тут смерть воспринимается как благо.

Или кончает с собой, чтоб не попасть в плен. Ненависть и презрение к врагу, победа или смерть, честь и долг велят. Понимаем.

Смертью человек может добиваться конкретной цели, если ее уже никак не добиться иначе: уйти от мук или, скажем, от позора, который ему непереносим. Все поймут, и даже могут одобрить и уважать за это, объективно глядя на вещи.

А вот субъективная рациональность мотива: девушка вешается из-за несчастной любви, да еще оставив записку с указанием, кого следует винить в ее смерти. Ход рассуждений прост и логичен: страдания мои сильны и труднопереносимы, жизнь не в радость, а сплошная мука, надежды на взаимность нет, – но вот когда он узнает, он оценит меня лучше, поймет, жалко ему станет, раскается, помнить всю жизнь будет, пожалуй что и полюбит даже хоть как-то в душе, да поздно будет. На деле-то ему, может, и плевать на нее будет, но в ее воображении дело обстоит так. Просто сместились ценности: взаимно любить, добиться его любви – важнее, чем жить, ага.

Поэтому самоубийство из-за несчастной любви всегда людям было тоже понятно. Обычное дело. Не смог без нее жить, страдал страшно, покончил. И это даже внушает уважение к силе чувства.

Заметьте, здесь генеральный мотив тот же: уход от страданий. Но всегда некоторые скажут: дур-рак, из-за какой-то юбки!.. Если, значит, враги пытают – здесь страдания объективно непереносимы, ничего не поделать, наркоза тебе палач не дает. А если, значит, из-за любви – ну, можно перетерпеть, перебороть, пережить – и жить дальше: живут же люди, ничего; твои страдания со стороны, объективно, рассматриваются как переносимые – хотя когда ты лезешь в петлю, ты их уже не переносишь субъективно.

В суициде есть множество субъективно рациональных мотивов – которые объективно могут выглядеть ерундой. Большинство их сводится к одному: недостижение уровня притязаний, облом цели, неудовлетворение желания.

Разорился. Не получил премию. Потерпел неудачу в главном деле всей жизни. И так далее.

И если желание было огромное, то облом доставляет огромное страдание, и оно уже не «уравновешивается» силами и надеждой: где мой черный пистолет? и – он лежал к дверям ногами. Уход от страдания.

Субъективно это понятно, но объективно – может раздражать. Жить же можно!!

Что это лишний раз подтверждает? Что жизнь человека не замыкается на индивидуальное бытие, но – у человека могут быть

желания делать что-то более сильные, чем желание жить. Человек как бы сам себя превращает в инструмент для чего-то, и это «что-то» становится целью и смыслом его жизни: скорее умрет, чем от своего откажется.

Положительное ощущение от деланья дела, от стремления к нему было столь сильным, что отрицательное ощущение от невозможности этого дела оказывается сильнее инстинкта жизни.

Как так?! Бред! А жить-то, жить?! А очень просто:

– инстинкт жизни в человеке сильнее, чем потребно для простого выживания. И он требует ощущать и действовать не на столько, сколько потребно для выживания – везде, всегда, любой ценой! – но больше: ощущать настолько сильно, действовать настолько активно, чтобы, через ощущения свои и реализацию желаний, употреблять в дело все силы без остатка, делать дело даже ценой жизни, а иначе и жить тебе незачем.

Жизненная энергия в человеке, превосходя животную меру, готова отрицать саму биологическую жизнь человека – лишь бы он энергопреобразовывал как можно больше.

Не для того человек живет, чтобы жить, а для того, чтобы действовать, дела делать, мир преобразовывать – кладя на это свою жизнь.

Еще раз. Любое субъективно мотивированное самоубийство – это уход от отрицательных ощущений, вызванных отрицательным внешним фактором. Сам фактор условен и возможности жизни не противоречит, совместим с ней. Значение фактору придает сам человек. Избыток энергии делает человека самосожженцем. Избыток энергии говорит: черт с ним, с тобой, с твоим телом и сознанием, ты мне дело сделай! Не сделал?.. так и жить уже незачем.

Количественное нарастание энергии в биологическом организме переходит в качественное и в некоторых условиях начинает отрицать себя, перейдя меру.

Но для понятности – о немотивированных самоубийствах и их причинах.

2. Массовые самоубийства тундровых леммингов в годы пиков размножения – факт давно и широко известный, однако до сих пор не получивший у биологов внятного объяснения. Сплошной ковер этих мелких грызунов прет в каком-то направлении, пока не доходит до реки, где они все и тонут дружным хором. Совсем с ума сошли, что ли?..

Объяснение первое: инстинкт им говорит, что всем на имеющейся территории не прокормиться, надо мигрировать на новые земли, ну а река – просто препятствие, которое они очень хотят преодолеть, но не могут, силенок и соображения не хватает.

Объяснение второе: инстинкт им говорит, что всем на имеющейся территории не прокормиться, и столь же мудрая, сколь беспощадная, природа-мать топит их, как лишних в хозяйстве щенков.

Возражение на первое и второе: грызуны воду терпеть не могут, боятся, избегают, плавают плоховато и только в самых крайних случаях, так что покуда в зоне досягаемости есть корм, инстинкт самосохранения должен их в реку не пущать. А прокормиться самоубийцам покуда всегда есть еще чем.

На этом мысли у науки по данному поводу кончаются, и начинается «тайна природы».

Сводится эта нехитрая «тайна» вот к чему. Взаимозависимость всей биосферы и зависимость ее от солнечной активности (и других менее известных и более спорных факторов) сегодня понятна. Что значит, что раз в сколько-то лет (семь – десять в среднем) у леммингов наблюдается «ни с того ни с сего» демографический взрыв? Что повышена энергетика популяции и каждой отдельной особи. Это шутка старая – когда ожидается много корма, самки зачинают и рожают больше детенышей. «Ка-ак природа предвидит?!» Она не предвидит. То же самое повышение энергетики биосферы (пик-скачок), которое дает/сказывает себя, реализует себя, обеспечивает увеличение корма – дает увеличение энергетики всего живого, в комплексе, не изолированно друг от друга. Травы, антилоп и тигров рождается в плодоносный год больше по одной и той же причине, а не одно вследствие другого. Причинная связь здесь параллельная, а не цепная.

Плодовитые лемминги в сумме популяции получают больше энергии, чем им необходимо для жизни. А делать им с этой энергией нечего, даже сытые песцы, волки и совы их больше не едят, не лезет.

Инстинктивная попытка миграции куда ни попадя – верно. Стихийное самоограничение популяции – верно. Это имеет место. Хотя: инстинкт жизни может гнать в реку, но не может гнать в океан! а это тоже случается – в море топятся толпами! и кроме того, тундра могла бы прокормить больше леммингов, чем кормит, – ан «они не хочут».

Мы имеем регулярные массовые самоубийства, которые не являются строго необходимыми, в том и «загадка».

Принципиальная разгадка в том, что избыток инстинкта жизни (который иными словами есть избыток энергии живой массы) переходит свою меру и ведет к самоубийству. Каковое самоубийство есть с одной стороны противоположность инстинкта жизни через его «продолжение сверх/через меру». А с

другой – максимальное действие (отрицательное)! А какое еще действие может совершить миллион леммингов – город построить? Утопиться может – вот они были, и нету! Вот вам изменение мира.

Стоп-стоп-стоп. Какое ж это максимальное? Они же могут размножиться и покрыть всю Землю!

Да? Так они это и стараются. Потому что валя толпой через тундру, они еще при этом беспрерывно и бешено совокупляются. То-то ученые и ломают головы: что ж это они трахаются и топятся одновременно-то, что ж это за конец света такой по-лемминговски?..

Избыток энергии сказывается в произведении чисто механической работы: масса перемещается на расстояние, в чем нет необходимости с точки зрения выживания. Избыток энергии сказывается и в отчаянной сексуальной деятельности. И этот самый – этот самый!!! – избыток энергии сказывается в массовом самоубийстве. Ну не потянуть этим грызунам с их небольшим ресурсом нервноэнергетической мощности такого заряда. Требует заряд реализации, действий требует.

Так избыток энергии разрушает двигатель – ну не тянет он таких оборотов.

(Господа. Я никого не в силах заставить или научить понимать. Понимание определяется исключительно качеством думанья, а этому нужно и можно учиться с детства, сейчас уже поздно, разве что взяться всерьез, но это сильно отвлекает от практических сторон жизни. Поэтому кто не понимает истинность диалектики – плюньте: можете знать, помнить, верить. Большинство даже так называемых ученых знают, помнят и верят без понимания. Оно весьма трудоемко и не всем по мозгам.)

Избыток жизненной энергии ведет к самоубийству. Через свое естественное продолжение – к своей естественной диалектической противоположности.

3. Есть прелюбопытная аналогия с совокупляющимся и самотопящимся леммингом. Это эрекция висельника.

Механизм-то можно свести к механическому воздействию на проводящие нервные пути, да принципиальная суть-то от этого не меняется. Максимальное отрицательное действие – насильственное умирание – сопровождается максимальным положительным: инстинктивной попыткой отправления репродуктивной функции.

Здесь возможна натяжка. Есть ведь разные способы умерщвления, и ничего подобного при них не происходит. Кровопотеря, шок, рауш, и никакой эрекции. Если кто тонет в

теплой воде в вертикальном положении – про эрекцию также ничего не известно. Равно как насчет признаков полового возбуждения у повешенных-женщин. Все-таки мы относимся друг к другу не вовсе как к подопытным кроликам.

Конечно: начальное возбуждение сердечной деятельности, повышение кровяного давления и выброс адреналина при одновременном перекрытии путей питания головного мозга: вот кровь и бросается куда может, а все сфинктеры расслабляются, потому что перестают поступать из мозга команды на напряжение их мышц, так что извержения семяизвержением не ограничиваются.

И однако факт примечательный, не стоящий обходить вниманием.

4. Среди кого больше всего самоубийц? Мужчины 25 – 40 лет. Самая рабочая половозрастная группа. Максимум действий производятся именно в этом возрасте. Не хилые страдающие старики, отнюдь не.

А среди кого больше всего попыток к самоубийству? Женщины 16 – 30 лет. Но их попытки гораздо реже завершаются.

И что из этого следует? Умная и скорбная наука суицидология принципиального анализа этому факту не дает. Но сильно думает о частностях; что тоже невредно.

А следует из этого нехитрое вот что.

Максимум дел жизни мужчины приходится на этот самый возраст. Максимум передела мира, максимум реального энергопреобразования. Здесь и плато «максимального энергопреобразования» собственной жизни, увы…

Максимум дел жизни женщины приходится на тот же – соответствующий плато суицидных попыток – период: создание семьи, рождение детей, завершение главного – по простой природе – периода жизни.

В силу своей меньшей жизненной активности, меньшей энергии вообще – женщина, во-первых, чаще склонна решать неразрешимый конфликт образом субъективным, внутренним, отрицательным, – уход от страданий через уход из жизни. Решать конфликт между ощущениями на уровне разборки с ощущениями без передела внешнего мира. Ее арсенал средств воздействий на мир меньше, слабее, чем у мужчины, и в этом арсенале такое средство переделки системы «я – мир», как самоубийство, занимает большее место, имеет больший удельный вес, вот она чаще к нему и обращается.

А во-вторых, та же меньшесть энергии по сравнению с мужчиной, которая чаще заставляет ее искать разрешения конфликта через самоубийство – реже позволяет довести

намерение до конца.

Понятно ли? Более частое обращение как к средству субъективного решения при невозможности объективного решения – от слабости. (Как-никак в плане взаимодействий с миром, самоубийство – оружие слабости.) И от слабости же – более частая невозможность это самоубийство совершить.

Более энергичный мужчина чаще идет на экстравертное решение проблемы – но уж идя на суицид, гораздо чаще доводит его до конца.

Вот такая антиномия. Нет противоречий. Из этого же никак не следует, что мужчина в 16 – 30 лет думает о самоубийстве в среднем реже женщины, верно. Просто он чаще норовит решить вопрос путем передела внешних факторов, чем женщина.

5. А в какое время совершается больше всего самоубийств? О, это хорошо знает «скорая помощь». Хотя тоже не всегда…

Весной. В полнолуние. Вечером.

Весна – это период гормональной перестройки организма. Энергия подпрыгивает. А уровень ее за зиму понизился. Подпрыг во многом осуществляется за счет внутренних ресурсов. Сил меньше – а активность организма больше. Психика активизируется внешней средой – и ей потребны более сильные ощущения и действия.

Время любви и время самоубийства – одно время: повышенной возбужденности.

Полнолуние весной – это влюбленные, это мечты, а еще – это рецидивы и обострения психических заболеваний, беспокойство и возбуждение психов. Время приливов и особенно страстного волчьего воя на луну.

Возбуждение можно снять (понизить) медикаментозно. Можно снять излишек энергии тяжелой работой. И тогда самоубийства не будет. Потому что в основе его лежат избыточные ощущения – а что с ними делать, человек не знает. Избыток энергии никак не может найти точку приложения – а делать что-то потребно.

Опять же можно сказать: максимальное ощущение требует максимального действия. Но никакого адекватного действия вне себя человек не находит. И идет на максимальное субъективное действие, предельно изменяя систему «я – мир» путем вообще устранения себя.

6. В каких условиях человек чаще всего склонен покончить с собой? Когда его нервная энергия рассредоточена, «распылена», когда нет никакой постоянной нужды направлять ее на выживание.

В концлагерях, свидетельствуют очевидцы, в тяжелейших

условиях выживания на грани смерти – самоубийства были крайне редки. Хотя и мук, и безнадежности хватало выше головы. Корка хлеба, час отдыха, теплая рубашка становились огромными ценностями. Все силы и помыслы замордованного донельзя человека сосредоточивались на выживании, весь инстинкт жизни, задавленный тяжелейшими условиями, обострялся и заставлял человека использовать любую возможность для выживания. Мерли толпами, энергии для жизни не хватало. Какие излишки!.. Любую крошку топлива – в топку жизни, образно выражаясь.

Опять же – противодействие действию. Жизнь решила меня уконтропупить – не дамся, не стану, цель огромна, трудна, желанна – выжить. Умереть здесь – проще простого: лег – и помер, можно даже и не делать ничего; не говоря о карцере, конвоире, который рад при случае пристрелить за любое нарушение, тяжелой работе, которая убьет в пару месяцев, если не исхитришься как-то устроиться полегче. Выжить – цель, смысл; предельная самореализация, предельное самоутверждение.

Тот случай, когда жить труднее, чем умереть. Смерть и так всегда рядом; и уж если пришла неминуемая – встречали с покорностью и даже равнодушием: а что поделаешь… и нет уже никакого ресурса сил, чтоб дергаться, сопротивляться и даже переживать особенно. Все-таки она победила, значит… а все силы в борьбе с ней уже исчерпаны.

Всем своим существом и каждым усилием борясь со смертью – чего ж это вдруг кончать с собой, своей рукою ей помогать, на то немало чужих рук есть.

Концлагерник поставлен в условия, когда борьба за выживание берет все его силы без остатка, еще и не хватает. Цель ясная, огромная.

Излишка нереализуемой энергии, потребного для самоубийства, у концлагерника нет. Вся энергия концентрируется в дело выживания.

Так. А если исполнить его «малую мечту» – теплая камера, сытная еда, вольный распорядок в этой одиночной камере, безделье? А вот тогда кое-кто может и повеситься, что в тюрьмах всегда регулярно и происходило.

Нет, вы понимаете? Тот, кто изо всех сил выживал на ледяной Колыме – может повеситься в камере, где выживание гарантировано! Вот тут уже чувства и мысли нахлынут: зачем жить, все ужасно, все равно не выйдешь… безнадежность, тоска, депрессия, петля.

У него высвободился излишек энергии, а приспособить его не к чему, нет для этого условий: ни бежать, ни работать, заживо похоронен. И теперь этот излишек энергии раскачивает его

психику, «из головы» возбуждаются сильнейшие «субъективные» (физическими муками не вызванные) отрицательные ощущения, достигают критической массы – и он идет на максимальный шаг: уничтожить себя и весь мир в себе.

А теперь вспомним благополучную Швецию с ее высоким уровнем самоубийств. Чего не хватает?! Жестокого диктата насчет необходимости приложения всей энергии к чему-либо. Можно чего делать, можно ничего не делать и тоже жить нормально. Тоска и бессмысленность. Жизнь перестает быть драгоценностью – а хрен ли с ней особенно делать.

Чуете? Процент самоубийств в процветающем обществе – выше, чем в зверском концлагере.

Ибо ощущения томят, энергии излишек, свобода действий – и ничего строго обязательного. И инстинкт жизни, который концлагерника заставляет выживать – благополучного человека толкает: чувствуй больше и круче, делай что-то, делай, ну, ну!!! Боже, а что делать, зачем жить…

Та же сила, которая позволяет выжить в тяжелейших, невозможных условиях – в легких и свободных от обязательности условиях может принять форму толчка к смерти.

7. И ведь иногда удивительную изобретательность, удивительное мужество являют самоубийцы! Способы ухода из жизни очень многочисленны и порой крайне болезненны. Снотворное или морфий – это уход по-царски, комфортное засыпание. Вены резать, даже в теплой ванне – все-таки менее приятно. Курок спускать – это смерть мгновенная, а из окна выбрасываться? А эссенцию пить, сжигая горло и пищевод? А в петле плясать, задыхаясь? А нож в себя воткнуть?

Но уж когда человек твердо хочет уйти – он над собой такое делает, чего человек в нормальном состоянии и представить не может. Под поезд и под автобус, головой об стенку и косой по шее, в омут и за борт, на высоковольтные провода и к выхлопной трубе автомобиля в запертом гараже.

Это краткое и излишнее перечисление – только для пущей понятности: что самоубийство – это действительно максимальное субъективное действие человека, и ощущения, которые заставляют его делать это – действительно максимальные ощущения, сильнее боли, ужаса, отвращения и страха смерти.

8. И вот теперь легче понять «немотивированное самоубийство». Что означает – понять механизм возникновения «безмотивного» желания покончить с собой.

У художников, кстати, процент самоубийств выше среднего по населению. Чего? Понятно. Нервная система активнее и подвижнее, все эти поэты и музыканты чувствуют остро,

возбуждаются легко и сильно, их способность к ощущениям и потребность в них выше, чем у среднего гражданина.

Немотивированное самоубийство сродни поискам смысла жизни (см.).

Вот у человека все есть. Здоровье, ум, сила, деньги, внешность. И даже талант и слава. Маяковский. Мерлин Монро. Генеральная цель достигнута, генеральное желание удовлетворено.

Но сила ощущений осталась. Но желание «чего-то» осталось. Тот самый избыток энергии, который возвел к успеху, требует: действуй, свершай, преодолевай, ощущай! А – куда, чего, как?

Наступает опустошенность. Разочарованность жизнью вообще. Гнетет бессмысленность бытия.

Собственные силы и собственный интеллект играют с человеком дурную шутку – с человеком, который добивался счастья экстенсивным методом, через внешние действия. «Я все могу!» – говорят силы. «А на кой черт?..» – возражает интеллект.

Добившийся успеха человек возвращается в первоначальное состояние – ощущения требуют действий, желание томит – но исчезла точка внешней прицепки: она уже достигнута, ан изменения внутреннего состояния, т.е. того самого счастья, оказывается, не произошло. Ты тот же самый, что и был, и мир вокруг тебя точно тот же самый, изменился только антураж, но он, оказывается, никакого такого особого значения не имеет. Интеллект анализирует нажитый опыт и услужливо сообщает, что понятия не имеет, как сделать тебя счастливым.

А еще интеллект сообщает, что мир несправедлив, сволочизм торжествует, человечество смертно и по большому счету любые действия не имеют никакого смысла. Посредством такой интеллектуальной самоуслуги человек впадает в страдание. Этим «через-интеллектуальным» страданием природа подталкивает его к действиям: неприятно страдать, неохота – так избавляйся, надо что-то делать. А вот что делать – он не знает! бессмысленно же все!

Творческих людей острее, чем прочих, томит этот милый комплекс. У них психоэнергетика выше. Можно пить, колоться, играть, распутничать, метаться по миру, – творческие люди это делают больше средних людей. А можно работать. Втягиваешься в дело, увлекаешься, и пока работаешь – оно и легче, не думаешь о бессмысленном гадстве мира.

«Творческие» и «духовные» «кризисы» художников – это именно такие вот состояния. (Достигнув в тридцать лет успеха и славы, всю жизнь страдал этим комплексом Хемингуэй – человек сильный, глубокий и не шибко интеллектуальный. Не понимал,

почему мучится. Пока мог работать – спасался работой. Стал стар и болен – покончил с собой. Отвлечься работой уже невозможно, а ради чего что-то делать в жизни – непонятно.)

То есть:

– Если человеку вовсе не из-за чего страдать. То страдание приходит через интеллект. И принимает абстрактную форму недовольства устройством мира. Избавиться от этого страдания внешним действием невозможно – мир в принципе непеределываем, говорит интеллект. Остается только субъективное, внутреннее действие – убрать себя, только так избавишься от такого рода страдания.

Страдание ослабляется алкоголем или наркотой. Это помогает в «несмертельных», не очень сильных случаях. Или временно помогает, а потом человек все равно кончает с собой. Или наркомания есть сравнительно осознанная форма постепенного самоубийства.

9. Тот самый разум (мы употребляли сейчас слово «интеллект» в этом смысле), энергия второго рода, посредством которой человек и перелопачивает мир с такой страшной интенсивностью, играет подчас с человеком, повторяем, скверную шутку. Он доставляет человеку страдание (см. «Страдание»), дабы побудить его к действию – и он же сообщает, что действие не поможет. А сознание того, что действие не поможет – сознанием воспринимается как причина страдания.

Вот где закавыка! Причина страдания на самом деле не в том, что мир плох – а в том, что природа заставляет тебя его переделывать, кнутом страдания подстегивает к действию. Страдание твое такое – безмотивно. Оно означает: Боже, я хочу жить в полную силу, интересно и напряженно – или, иными словами: хочу ощущать, хочу действовать! но не к чему же силы приложить, ничего конкретного неохота, все необязательно, бессмысленно… пусто мне, тоска меня томит и давит!..

Интенсивный способ ухода – алкоголь, наркотики.

Экстенсивный способ ухода – авантюры, драки и сражения, приключения (на свою ж…) и путешествия.

Но еще – оформленный в разум избыток энергии отчаянно ищет себе применения: и принимает все это вид усиленного думанья, анализа, постижения мира. Это стимулирует познание мира. Энергия хотения обретает вид энергии познания. «Как же устроен мир, если мне в нем плохо неизвестно почему? Как он устроен, как? что мне в нем делать?»

Чем интеллектуальнее и образованнее человек, тем бóльшим объемом информации он оперирует в своих безвыходных размышлениях, тем глубже мир ему открывается – куда глубже,

чем незатейливому пахарю. Но суть одна и итог один: все хреново и бессмысленно. Он и полагает обычно: ему хреново, потому что все бессмысленно, и он понимает тщету и бессмысленность любых действий. А на самом деле все обстоит как раз наоборот: все представляется ему бессмысленным, потому что ему хреново. А хреново ему потому, что железной рукой жестокой жизненной необходимости он не пристегнут ни к какому обязательному делу. Его излишек энергии киснет, пропадает, бунтует, перегорает – а разум пытается найти этому объяснение. А раз в частностях все неплохо – то разум объясняет это состояние причиной глобальной, всеобщей: а нет в жизни смысла и счастья. Кому-то есть, может, им почему-то в охотку и интерес что-то делать, так они глуповаты, не понимают общей бессмысленности… а может, секрет какой-то знают? мне бы его узнать!..

10. Что делает экстраверт? Орет, рыдает, дерется, пьет.

Что делает интраверт? Думает, вздыхает, ворошит мысли и бередит чувства.

Может ли экстраверт (по преимуществу, чистых односторонних типов не бывает) впасть в интравертное состояние? Запросто, что регулярно и происходит. Синдром достигнутой цели. А теперь чего делать?.. Мучится без толку.

Безмотивное самоубийство всегда происходит в интравертном состоянии. Чувства чего-то требуют, а с действиями напряженка: неохота.

Это состояние понимателя. Ощущения возбуждают мысли, а выхода во внешние действия не происходит.

Безмотивное самоубийство есть акт неудовлетворенности устройством мира.

Безмотивное самоубийство есть акт «зашкаливания» познания, которое со всей силой стремится к некоему идеальному познанию мира, высшему, конечному, абсолютному, – чего, конечно, не может произойти в реальности, ибо никакой конечный идеал познания не существует; но вообще на пути этого стремления человек ведь действительно познает черт знает что и много до чего додумывается.

Безмотивное самоубийство есть акт ухода от мук познания – которые могут быть куда как сильны, если все ощущения (ну, не все, так очень много) суммируются в возбуждение мыслительного процесса. Мышление на какой-то период становится главным делом. А поскольку познание мира неисчерпаемо и бесконечно – то невозможность достичь того самого предела, при напряжении всех-то сил, доставляет муки немалые.

Безмотивное самоубийство есть акт капитуляции перед

невозможностью перевести свои ощущения в адекватные действия. Взрыв парового котла при неотводе пара в машину и недостаточности предохранительно-спускных клапанов.

Безмотивное самоубийство есть акт невозможности перевести свои ощущения в осознанное желание конкретной цели.

То есть. Избыток энергетики ведет к прямому саморазрушению.

Скорпион жалит себя в голову. Он храбр, агрессивен, энергичен, а выбраться из банки невозможно: так делай что можешь.

11. Безмотивное самоубийство совершается в состоянии депрессии. А депрессия – это и есть состояние чувственной и интеллектуальной безвыходности: мне плохо, и все, что я знаю, говорит, что лучше не будет. Нежелательные ощущения и невозможность избежать их через изменение ситуации.

12. Но стоик живет там, где депрессант вешается. Стоику тоже плохо и безвыходно, но он – мужествен, да?

Всем бывает плохо, но почему одни вешаются, а другие – нет?

Это все равно что спросить: а почему не все люди такие, как я? А потому что разные. Разные нервные системы. Разный энергетический уровень. Разная степень трансформации энергии в мышление и в реальные действия.

«Я бы на его месте не застрелился» означает: я не такой, как он. Еще бы, кто ж спорит. Но еще это означает: «Я его не понимаю». А потому что по себе все меришь. Человек редко способен влезть в чужую шкуру.

13. В состоянии кризиса, т.е. когда ощущения не переходят в конкретные желания, любой внешний фактор может стать роковым, превращаясь в субъективный мотив к самоубийству. Хотя в уравновешенном и активном состоянии на это было бы наплевать. Самоубийства из-за разного рода неудач, деловых или личных, чаще всего совершаются именно в таком состоянии. Видимая причина на самом деле была лишь поводом, толчком.

14. Многие очень энергичные и деятельные люди подвержены периодическим приступам депрессии. Что есть реакция на сверх-деятельность. Сильные положительные ощущения регулярно переходят в свою противоположность – сильные отрицательные (см. «Все о жзни», Ч. I, гл. 2, п. 5 «Полнота жизни»). Безмотивные самоубийства многих великих людей – это максимальный шаг в области отрицательных ощущений, которые также требуются их нервной системе.

15. Если подкачать депрессанта энергией – через химию, через экстрасенса, – он ведь с известной вероятностью уже не станет с собой кончать? Как же так: энергии больше, а поступок –

меньше?

Э. Тот, кто годами лежит на диване, не в силах умыться, и тихо плачет – через самоубийство уходит от безмотивного страдания. Поддав ему энергетики – мы меняем ситуацию: он уже меньше страдает, потому что начинает что-то делать: мы сдвигаем психическую доминанту в сторону простых действий, и доминирующий очаг возбуждения коры подчиняет себе и подавляет соседний. Человек уже способен не только на интенсивное действие, но и на экстенсивное. Он уже может преобразовывать мир не только субъективно, но и объективно.

Поддать человеку энергии – означает: а) у него есть силы разрешить ситуацию через действия или хоть стремление и надежду, желание этих действий; б) ему делается плевать на эту ситуацию, т.е. он разрешает ее субъективно – а и так появляется желание что-то делать.

Самоубийство же есть разрешение ситуации, которая мучит и нет сил разрешить ее иначе.

А вот другой ход: загоните депрессанта в лес и оставьте одного; ну, дайте нож и спички. Взбодрится! зашевелится! выживать начнет, плакать бросит. Что он обрел? точку приложения для концентрации сил. Нашел, наконец, что делать. Энергия инстинкта жизни пришла в динамическое равновесие с условиями жизни – что и требовалось.

16. «Слой состояния» безмотивных самоубийств – как бы горизонтальная полоса, ниже которой – все силы идут на решение задач, ощущаемых и понимаемых как необходимые, а выше которой – сил столько, что сам процесс жизни так или иначе идет в кайф, хоть и с трудностями, с мучениями, но и с радостями.

Опустят тебя обстоятельства ниже – семью кормить, за родину воевать, от наводнения спасаться – и пока нужда есть, о самоубийстве думать забудешь. Поднимешься выше – будь стимулом витамины, или счастливая любовь, или неизвестно какая нежданная удача – и жить тоже можно становится, аж обмен веществ улучшается.

Почти все люди исправно живут в нижней половине, постоянно создавая себе искусственные нужды и стимулы. Напрягаются, стараются. Устают. И – достижение целей, излишнее благополучие – им бывает вредно и опасно. «Вдруг» понимается, что усилия необязательны, потребность в ощущениях теряет конкретную направленность желаний, и тяга к самоубийству ассоциируется с «душевной опустошенностью» и отсутствием смысла жизни.

А отчаянное жизнелюбие, позволяющее просто жить, плюя на все и даже вопреки мыслям о бессмысленности всего – от

рождения дано далеко не всем. Преобладание витального момента над рациональным.

17. Еще раз. Субъективно мотивированное самоубийство означает: некие условные ценности могут быть важнее жизни; необязательное и излишнее объективно действие может быть важнее жизни.

А безмотивное самоубийство означает: возможности ощущать и действовать резко превышают уровень, необходимый для желаемых действий. Можно говорить об ослаблении мотивации к избыточным действиям. А поскольку избыточные действия и составляют суть жизни собственно человеческой, иногда это формулируют как ослабление воли к жизни.

Иногда это механизм усталости. Человек больше не тянет нагрузок – но отказываться от них не хочет! Он мечтает отдохнуть – но категорически не согласен стать веселым нищим, беззаботным бродягой, жить потихоньку, не перенапрягаясь. Это подобно смерти в бою, где командир-инстинкт-жизни ставит задачу на достижение цели любой ценой: умереть, но не отступить. (Обычный выход из состояния носит обычно форму: да черт с ним со всем, лучше жить хоть как-нибудь, чем стреляться… можно даже что-нибудь делать еще будет… и даже немало… собственно, меня никто под дулом не заставляет, могу в любой момент бросить все… ладно уж, поделаю еще немного… пока еще я могу тянуть дальше, ничего страшного, ведь бросить все к черту никогда не поздно, у меня есть этот выход… едем дальше.)

Ослабление мотивов к избыточным действиям может быть следствием усталости. Или достижения цели. Или недостаточности сопротивления среды: если человек полагает, что без особого труда все может, так не очень и охота, он не испытывает давления внешней среды, которая рефлекторно побуждает действовать в ответ, как бы сжимая его внутреннюю пружину-энергию.

Здесь дело в известном равновесии витального и интеллектуального начал: интеллект понимает условность и конечную бессмысленность любых действий, а витальность недостаточно сильна, чтоб заглушить голос интеллекта и заставить все равно действовать «просто так», из безусловной потребности.

Это равновесие может иметь место на более низком уровне – у людей вялых и не шибко умных, на более высоком – у энергичных и умных. Кончают с собой и те, и другие, дело только в равновесии.

Равновесие может быть нарушено как утяжелением условий жизни, которое мобилизует и концентрирует энергию и ставит

конкретную задачу (к выживанию), чем приглушается голос интеллекта, – так и подкачкой энергии или ее стимуляцией, т.е. поддергом витальности, которая начинает «нормальным образом» преобладать над интеллектом.

Доброта

«Брат мой, если подданные говорят, что король добр – это означает, что царствование не удалось…» – писал Наполеон Жозефу, которого пристроил мелким королем. Жозеф пытался оправдывать свои малые успехи тем, что зато он хороший человек, любимый народом.

Все знают, что быть добрым – хорошо. Еще все знают, что добрым людям живется плохо и трудно. Пользуются и часто злоупотребляют окружающие их добротой. Несправедливость жизни, понимаешь.

Что такое доброта? Это способность принимать чужую нужду в сферу собственных интересов и действовать добровольно и бескорыстно в интересах другого человека. Как бы чужая нужда становится своей собственной.

Понятно, что есть разные степени доброты. Попросту говоря, любая доброта имеет свои границы.

Легко быть добрым, если чужая нужда никак не ущемляет твою собственную. Ты богат, а явно нуждающийся человек робко просит у тебя десять рублей. И ты даешь – не чтоб он от тебя отцепился, а из искреннего сочувствия. Недельную зарплату ты уже незнакомому человеку просто так не дашь, самому надо сводить концы с концами. Эта мелкая бытовая доброта твоих интересов, в общем, никак не ущемляет – даже наоборот, наряду с вежливостью и приличными манерами облегчает общение с окружающими, подобно смазке детали в механизме. Они довольны, ты собой доволен, жить лучше и легче. Здесь не приходится делать выбор «или – или» между своим интересом и чужим.

Поэтому говорят часто о доброте сильных и талантливых. Да отчего ж не сделать добро другому, если у самого и так все круто в порядке. Даже приятно лишний раз ощутить свою значительность, решив трудные для другого проблемы «почти без отрыва от производства»: знай наших, будь здоров. Набить кому морду, помочь в работе, подкинуть деньжат: вот такой я хороший и здоровый парень, если что – обращайся, все в жизни сделать можно. Здесь доброта не лишена отчасти аспекта самоутверждения: «могу и делаю, я значительнее тебя». А потери времени и труда сравнительно невелики, не принципиальны. От такой доброты у тебя, в общем, ничего не убыло.

Поэтому, кстати, и существует старая поговорка «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным». Человека самолюбивого может ущемлять, что он оказался менее значителен, чем его

благодетель, и по ситуации зависим от него. И, мелкопузый, не в силах отплатить равной мерой добра – он может стремиться (даже подсознательно) освободиться от психологической зависимости и доказать свою значительность, отплатив за добро злом. Я не могу тебя спасти, как ты спас меня – зато смогу тебе такую подломаку устроить или вообще погубить, что и тебе, и мне ясно будет, что я тоже очень значителен и даже значительнее тебя. Ты за меня поручился и устроил на работу в свой отдел – я на тебя напишу донос и сяду на твое место. Боже, сколько было подобных случаев! Так что если ты силен, талантлив, богат, – твори добро с оглядкой, милый… смотри, с кем имеешь дело.

От десятирублевой доброты перейдем к сторублевой – то есть к такой, где уже размеры чужой нужды соизмеримы со своей собственной; здесь ты уже поступаешься чем-то ощутимым. Вместо того, чтоб отдохнуть выходные на рыбалке, скажем, вкалываешь за камрада, у него жутко важное любовное свидание.

Тут что получается? От того, что в эти самые минуты в Африке неизвестный тебе человек умирает от голода, ты от обеда не отказываешься. Всех не накормишь, а самому кушать надо. Но если голодающий рядом, а больше кругом никого, то свой обед ты ему безусловно отдашь: ему нужнее. Ты и так обойдешься, ничего страшного.

Так вот, значит. «Условно недобрый» человек всех окружающих с их нуждами норовит зачислить в разряд безвестных голодающих Африки: всех не пережалеешь и не облагодетельствуешь, а своя жизнь одна, и прожить ее надо так, чтоб всего ухватить. А «условно добрый» к нужде всякого встречного-поперечного, коли она серьезна, готов подойти с меркой: «кому это нужнее – ему или мне?». Друг, товарищ и брат.

Истинно добрый человек способен уступить другому очередь на бесплатную квартиру, лучшее рабочее место, вообще что-то нужное и важное, что существует только в одном экземпляре на них двоих – если сочтет, что другой имеет на это больше прав или более нуждается. Он честно взвешивает нужду другого и собственную на одних весах – и честно делает выбор в пользу справедливости. Он вообще привык брать себе за столом меньший кусок.

Вот тут ему и хана. Вот тут его и взнуздают, оседлают, затянут подпруги и начнут ездить верхом. Потому что всех, да, не пережалеешь. Всегда найдется тот, кто беднее и несчастнее тебя. И чем выше ты поднялся – тем шире толпа более нуждающихся. Но опасение это напрасно – добрый человек не поднимется высоко нигде, где есть какая-то конкуренция – а она есть везде. Богат? – разорят. Сильный? – уговорят. Талантливый? – ограбят.

Доброго человека всегда используют менее нравственные окружающие, которых всегда полно. И чем ты добрее и честнее – тем менее нравственны окружающие относительно твоего совершенства.

А «условный идеал» доброты – это вообще отдавать все по первой просьбе и без просьб. Вот Святой Мартин отрезал прокаженному нищему половину своего плаща – а ведь мог бы отдать весь. Был бы, вероятно, еще святее. Но даже отцы церкви сочли, что половины плаща достаточно.

И вот добрый человек часть своей жизни (в форме времени, денег, труда, имущества или еще чего) отдает просителю (вымогателю, проходимцу, нищему, сослуживцу, другу). Он, может, и не собирался это делать, но он же добрый, его уговорили, объяснили, доказали, разжалобили – он проникся и поставил чужую нужду выше своей. То есть – доброта отчасти сродни слабохарактерности. Очень часто добрыми называют людей, которых легко уговорить поступить вопреки своим интересам в интересах других.

Есть ли грань и различие между добротой и слабохарактерностью? Различие есть – грани нет. Все-таки добрый человек в разбойники не пойдет и прохожих резать не будет, а слабохарактерного друзья могут уговорить. (Потом мать на суде рыдает: «Да он всегда был такой добрый, мухи не обидит, это дружки все сбили с пути!..») Слабохарактерный человек легко уступает внешнему давлению, и тогда уже может поступать против собственных интересов. Слабохарактерность можно считать «наведенной», «локальной» добротой – убедили человека принять чужую нужду как собственную, а фактически – подчинили.

Слабохарактерный идет по линии наименьшего сопротивления: ему легче отдать свое, чем отстаивать. Добрый отдает добровольно – но границы этой добровольности не существует: его можно разжалобить, убедить опять же, да и просто ему непереносим вид чужих страданий, а изобразить страдания всегда можно («пользоваться добротой»). Суть одна – принятие чужой нужды как собственной.

Слабохарактерный человек способен на зло – а добрый, очевидно, нет, даже если его будут очень просить, плакать и умолять, например, поступить в палачи. Да?

Внимание! Добрый человек вписывается в ситуацию: из двух зол надо выбрать меньшее. А это в жизни на каждом шагу, тут никуда.

Чистый опыт: надо оставить на смерть арьергард, чтобы связать противника боем и спасти, увести остальных солдат. Как

нельзя более обычная на войне ситуация. Сам с арьергардом остаться и умереть не можешь: обязан командовать остальными. Арьергард помирать не хочет, жить всем охота. Будь ты трижды добрый, а людей на смерть посылать надо. Можно, конечно, застрелиться и тем снять с себя груз проблемы, но это ничего не изменит.

Что сделает «идеально добрый» человек, идеально свободный в своих действиях? Он договорится с противником: ребята, хрен с вами, мы отдаем вам такую-то территорию, принимаем такие-то ваши условия, платим репарации, но убивать больше никого не надо, уж очень это ужасно, неприемлемо. Лучше уж будем мирно и по возможности дружно жить под вами, лады? Хана армии, хана государству, ужо в рабстве нахлебаетесь счастливой жизни.

В жизни разные нужды разных людей вечно противоречат друг другу, и быть добрым для всех невозможно. И противоречия решаются через того или иного рода суд, от внутреннего до уголовного. И суд этот руководствуется справедливостью, оформленной в закон. А закон отнюдь не добр – «закон суров, но это закон», чеканно и на тысячелетия сформулировали римляне. И в этом суде, как ни верти, добрый человек – адвокат, а не прокурор.

И возникает другая сентенция: «Добро должно быть с кулаками». Знакомо, да? И маузеры добрых чекистов начинают работать по подвалам, потому что чекисты очень-очень добрые и сжигают себя на тяжкой и грязной расстрельной работе, ставя выше своей личной нужды в хорошей жизни – счастливую жизнь всего грядущего человечества.

Как только мы оправдываем конкретное сегодняшнее зло стремлением к абстрактному завтрашнему добру – само понятие доброты теряет смысл и превращается в пустую софистику и словоблудие. Можно ли назвать добрым палача, который не мучит казнимого, а убивает сразу и безболезненно? Не будет добрый человек палачом, и все всегда это знали, и отношение к этой профессии всегда было соответствующее. Добрый человек скажет: «Не могу я его, беззащитного, хоть и гада, убивать… ну его к черту, пусть живет, скотина». И что? И гады будут дальше резать невинных и жить себе.

Я не противник смертной казни. Я противник того лишь, чтобы считать смертную казнь актом доброты. Справедливости – да, целесообразности – да, но доброта тут ни при чем.

А если тебя семьи убиенных просят казнить убийцу – как же их праведная нужда в справедливости, противоречащая отчаянной нужде осужденного пожить еще? Что делать в такой ситуации доброму человеку? Отвечаю: добрый человек в такой

ситуации сойдет с ума. Но таких добрых людей практически нет, и с ума тут сходят весьма редко. А человек «нормально» добрый пусть выдаст убийцу родне убитого – казните сами, ваше святое право. Что часто и делалось.

Я гну вот к чему. Любое действие в жизни рождает противодействие. Все новое рождается в борьбе со старым и так далее. И что бы ты ни делал – обязательно наступишь кому-нибудь на хвост. Уже самим фактом своей удачи, открытия, нового слова, красивого и хорошего супруга, интересной работы, богатого дома – у тебя есть то, что могло бы принадлежать другому, или принижает другого. Твое мнение чьему-то противоречит, твой глоток воздуха мог бы вдохнуть другой.

И всегда найдутся люди, которые скажут: я не хуже тебя, дай мне то, помоги мне в этом, уступи мне се, поступи по-моему, иначе мне плохо. «На», – скажет добрый человек, и останется никем и ни с чем.

Доброта есть аспект слабости. Ибо добрый человек все противоречия между собой и окружающими решает в пользу окружающих – он принимает их нужды как свои и следует им.

Вся история прогресса в определенном аспекте есть история подавления победителями интересов побежденных. Централизованные государства, без которых невозможно развитие культуры и цивилизации, давили интересы отдельных людей: плати налоги! иди в армию! строй пирамиды! подчиняйся власти! не противоречь! а для несогласных – тюрьма и плаха. А иначе невозможно… Добрый же король, кот Леопольд, призывающий жить дружно, – открывает народу амбары, распускает рекрутов из армии, уменьшает налоги до предела – и захиревшее государство погружается в смуту, разруху, исчезает. Вот зараза.

Учтем и запомним простую вещь:

делать добро не означает быть добрым.

Как? А вот так. От государя, скажем, требуется, чтобы подданные процветали – вот его задача, вот его добро. А для этого необходимо ему железной рукой сокрушать захватчиков, давить заговорщиков, вешать воров и понукать бездельников, чтоб общее добро зря не прожирали. А иначе ухватистые авантюристы растащат все по своим уделам, и корми голодных своей добротой, пока не вымрут.

На пять веков заложил Цезарь все основы процветающей Римской империи – а был взяточником, клятвопреступником, карьеристом и головорезом. Добрым людям в больших делах ловить нечего.

Привет от всех крупных политиков – крутые были ребята, и

пробы на них ставить негде.

Тут вот еще какая штука. Если человеку ничего такого особенного в жизни не надо – ему легче быть добрым, т.е. следовать нужде другого, отдавать ему свое время и силы. А если он горит своей целью – отвлечения от пути к цели ему несносны, цель ему дорога, он ей всю жизнь подчинил, и поступаться ею ох не хочет.

Доброта – обычно аспект вялости и бесцельности. Тот, кому безразлично, что делать – при прочих равных скорее откликнется на нужду другого, чем фанат своей идеи, пашущий на нее день и ночь. Обычно добрые, истинно добрые люди – весьма заурядны и ничего такого в жизни не добиваются. Не шибко хотят, не очень и могут: энергетический заряд не тот.

Добрые (и слабохарактерные) люди – обычно таковы большинство алкоголиков. По трезвянке – славные и порядочные. Да вот ничего им особенно неохота.

Такие люди, помогая другим, даже приободряются, подзаряжаются энергией других, мелкая промежуточная цель в жизни появляется, жить им делается интереснее.

Если человека распирает энергия свершений и он отчаянно самореализуется через свои дела – ему как бы некогда быть особенно добрым. Поделиться без ущерба для себя еще можно, а ход свой замедлять ему несносно. Может, он телефон изобретает, или лекарство от СПИДа – для блага человечества. А сам сука честолюбивая и жадная, – талантливая, правда. А начнет быть добрым и всем помогать – и ни хрена не изобретет.

Доброта – это собственная энергия, пущенная в чужие русла. Излишек – пожалуйста, а если много выходит – задумайся о том, что твоя жизнь неполноценна, что ты не знаешь, чем толком в жизни заняться.

А сила действующая и созидательная вечно отдавливает пальцы тем, кто оказывается рядом. Такое дело…

Но. Но. Но…

Всегда, однако, добрые люди ценились и почитались. На частном житейском уровне, вне политики и великих свершений, доброта всегда была вещью хорошей и желанной. Э?

Первое. Каждый хотел бы иметь вокруг себя побольше добрых людей. Добрый человек – благо для тебя, с тем и ассоциируется.

Второе. Добрый человек увеличивает твои силы и возможности своей помощью. Еще бы он тебе не нравился.

Третье. Доброта окружающих смягчает их же эгоистичность, противоположностью которой является. Среди стопроцентных эгоистов жить уж вовсе мерзко и непереносимо, ну до костей же обгрызут. Если вовсе никак не вникать в нужды друг друга, так и

вообще выжить невозможно. Человек все-таки существо стайное.

Четвертое. С точки зрения уже доброго человека. Через доброту (а она сродни великодушию) человек внутренне самоутверждается: я могу сделать другому то-то и то-то, я могу другого осчастливить, я могу сделать другому то, чего он не может сделать сам, или даже вообще никто не может, – я довольно значительный человек. Мне это приятно, желанно.

Пятое. Я хороший человек. А это не каждому по плечу. Я могу то, что довольно трудно: оторвать от себя и дать другому, это значительный поступок; и ощущения от этого неслабы и приятны, опять же.

Шестое. В человеке, которому я делаю сейчас добро, я люблю это самое добро, и жизнь моя от этого в общем делается богаче и лучше. Недаром же мы обычно лучше относимся к тем, кого облагодетельствовали, чем к тем, кто облагодетельствовал нас.

Все то же, что всегда: эмоции и поступки, и стремление к ним. Отнять у себя и дать другому – это и отрицательные ощущения потери, и положительные ощущения своей значительности, и поступок как результат и одновременно источник ощущений. Ведь если двое делают что-то каждый для себя – или каждый для другого, – это не одно и то же. Внешний результат один, а внутренний – разный: дать и принять – гораздо больше, чем сделать себе.

Доброта – это распространение «напрямую» своих ощущений, помыслов и действий на других людей, – т.е. все то же самое пресловутое увеличение своей значимости в этом мире.

Доброта – это то, что как бы скрепляет и цементирует отдельных людей в человечество – не на уровне конкретных и реальных связей через поступки и взаимные услуги и их действия (я охочусь – ты варишь, я пашу – ты строишь), а на базовом и исходном уровне ощущений (ты мне, я тебе, мы вместе). В услугах и действиях-то можно ведь и автономии достичь – вот те натуральное хозяйство, и провались все пропадом, как вы мне надоели. Единство человеческой цивилизации организовано не механистически – оно базируется на уровне психологической структуры, к ней восходит.

Понятно ли? Не потому вместе, что иначе не выжить; не потому вместе, что это продуктивнее; но – выживание и дальнейший рост цивилизации сообщества обусловлены и обеспечены, на уровне индивидуальной психологии человеческой особи, способностью самостоятельно и добровольно принимать нужду другого как свою собственную – и испытывать от этого положительные эмоции. Ага.

Остается только пустячок: как же совместить доброту как

слабость и доброту как силу, да?

Во-первых, ясно, дело в пропорции: не отдавай другим много, но если вовсе ничего давать не будешь – заплюют, отвернутся, в лес изгонят или убьют в закоулке дворца.

Во-вторых, сила индивидуума не означает силы народа или страны: крутых и сильных сейчас, скажем, в России много, а страна слаба (все всех и гложут).

И в-третьих: чтоб сильные строили свои высотные за́мки, нужны добрые, чтоб внизу тоже была человеческая жизнь: в пустыне-то замки никому не нужны.

И четвертое: если все будут очень сильными, будет сплошная анархия, резня и развал; для общей силы сообщества излишек индивидуальной силы необходимо сбрасывать, а то котел взорвется и осколки полетят; в ту же доброту, в этом нашем конкретном разговоре, определенный излишек силы и сбрасывается, пускается: кирпичам необходима связка раствором.

А уж блок ты гранитный, кирпич, цемент в растворе или вода для него – это вопрос личностный, кто на что годен, кому что.

Одни делают свое. И они необходимы.

А другие, подобрей и попроще, обеспечивают им возможность делать свое, и тоже живут посильно, и часто даже не так плохо, часто даже лучше по-человечески-то, чем эти сильные, многодеятельные и малодобрые. Такие дела.

Добро и зло

В неживой природе есть лишь естественные процессы, идущие по естественным законам, и не имеющие отношения к морали вообще и к добру и злу в частности. Извержение вулкана, рождение и гибель галактики – при чем здесь мораль.

Добро и зло могут существовать лишь для субъекта – в его восприятии, отношении, оценке чего-то: будь то сторонний процесс или объект, конкретное событие или какой-то общий аспект бытия, или же какие-то собственные черты и особенности.

Если извержение вулкана накрывает город – это страшное зло для жителей. А влажная теплая весна и сухая осень – большое добро для крестьян. Если же изъять из этих зон всех людей – плевать тогда на природные катаклизмы и особенности, нет в них ни добра ни зла, природа она природа и есть.

Если изъять из мироздания разумную жизнь (отчасти разумными придется счесть и животных…), то вместе с нею исчезнет добро и зло – ибо какая, в сущности, разница, что и как происходит?.. ну, вспыхивают и гаснут звезды, разлетается и усложняется материя – сплошная физика. Вот одна звезда столкнулась с другой звездой – взрыв ужасный! это что, добро? или зло? для кого-чего, с какой точки зрения? А нет никакой точки зрения.

В неодушевленной природе, никак не воспринимаемой разумным субъектом, добра и зла не больше, чем в учебнике физики, который вдобавок некому читать.

Если попробовать перечислить основные формы добра, получится примерно: справедливость, гуманность, доброта, любовь, счастье, благодарность, богатство, здоровье, радость… Если же к каждому слову прилепить приставку «не», то получатся формы зла.

Обычно принято считать, что добро и зло – категории моральные. На самом деле они шире, выходят за пределы морали. Ум, красота, сила, богатство, слава, удача, – эти понятия (добра) выходят вообще за пределы этики. Добро и зло могут принимать совершенно вещественные формы чемодана с деньгами или пистолета.

Но сами по себе и деньги, и оружие – ничего не значащие предметы. Добро и зло возникают тогда, когда появляется человек, для которого эти деньги и оружие что-то значат. То есть: они могут как-то изменить его жизнь, будь то объективно – построить дворец и убить врага, или субъективно – наслаждаться сознанием возможностей, которые даются деньгами, и перестать

бояться врага.

Короче – добро и зло существуют лишь постольку, поскольку они имеют какое-то значение для человека. Добро – это то, что должно быть, для того, чтобы жизнь была хорошей.

А что значит «хорошей»? Это не только чтоб мои личные эгоистические интересы были удовлетворены – но и чтоб всем было хорошо, причем чтобы это было справедливо.

Можно сказать так: Добро – это счастье плюс справедливость. (Ибо нам могут сейчас заметить, что порядочный человек не может быть счастлив, творя несправедливость или просто мирясь с нею, хотя Толстой честно сказал, что «можно зарезать, украсть, и все-таки быть счастливым», но последнее трудно счесть добром; вот мы и ставим знак «плюс».)

Добро – это торжество справедливого счастья.

А теперь просьба перелистнуть разделы «Стремление к счастью» и «Справедливость» – и еще раз понять и повторить себе, что ни счастье, ни справедливость не достижимы «вообще»: они достижимы в конкретных случаях и на какое-то время, но «принципиальное торжество» их невозможно, потому что они – идеал состояния и идеал отношений, а суть идеала в том, что он отстоит от реальности, «работает маяком», диалектически противопоставляется действительности.

Почти любое конкретное добро достижимо, и почти любое конкретное зло можно побороть; разумеется. Победить врага, наказать преступника, освободить родину, добиться любви, заработать денег, накачать мышцы и сделать пластическую операцию. И увенчать себя венцом царя природы, если не будет сильно голову жать.

Но. Добро «вообще» – это все то в жизни, что человек полагает хорошим и справедливым. А Зло «вообще» – все в жизни нехорошее и несправедливое. И вот есть в жизни вещи, с которыми ничего нельзя поделать, а человеку они категорически не нравятся.

В конечном итоге ему нравится жить и не нравится умирать. А поскольку поделать со смертью ничего все-таки нельзя, то уже по одному этому Зло получается неискоренимо.

В принципе само существование понятий добра и зла говорит лишь о неравнодушии человека к миру: что-то ему нравится, хочется, потребно, и в самой общей и абстрактной форме он называет это добром, а что-то не нравится, не хочется, представляется скверным и несправедливым, и он называет это злом.

Из чего следует вечное сосуществование и борьба диалектической пары «добро и зло», обсуждение какового тезиса

обычно принимает тупую и раздражающую форму обывательского сюсюканья.

Предположение возможности «окончательной победы Добра» означает, что таки все уже хорошо, нет больше того, с чем нельзя мириться, нет причин для страданий: ну так можно кончать переделывать мир, чего упираться-то помногу. А конфликты будут только между хорошим и лучшим, ага.

«Полная победа Зла» означает то же самое с обратным знаком: просто меняем розовую краску на черную.

Подобный наивный бред мы с чистой совестью оставим тупым массам, которые ничего не в состоянии понимать на абстрактном уровне и поэтому нуждаются в простых готовых формулах, служащих им вместо объяснений на все случаи жизни. Догматы религии и официальной морали как раз являются такими формулами.

Но почему вообще постоянно заходит речь о «силах Добра и Зла», которые борются в мире, причем человек является ареной борьбы этих сил? То есть Добро и Зло абстрагируются, отделяются от человека и выступают самостоятельно, как бы вне сознательных желаний человека.

Во-первых, потому что человек способен творить добро вопреки личным чисто эгоистическим интересам. Значит, делает вывод незатейливый мыслитель, есть какая-то сторонняя сила Добра, которая может захватить, увлечь, подчинить себе человека и побудить его действовать в интересах стороннего, общего, лично ему кровно не-необходимого и даже вредного (жизнь отдать!) Добра.

Во-вторых – и это основательнее и весомее! – человек способен творить зло, хотя при этом понимает, что творит зло, и более того – этого зла, вроде бы, никто особенно не хотел и никому оно необходимо-то не было. Это относится прежде всего к захватническим войнам, без которых захватчик мог прожить неплохо, к разным формам грабежей, когда грабитель не помирал с голода, и вообще к гадостям, которые не диктовались насущными потребностями гадящего. Значит, заключает незатейливый мыслитель, есть отдельная от человека сила Зла.

Так возникают абстрактные понятия, которые при повторении быстро и легко превращаются из понятий в неанализируемые и обессмысленные фетиши, догмы.

Так возникает самое простое и понятное объяснение мира: религиозно-идеалистическая космогония с борьбой сил Добра и Зла, которые могут для пущей понятности и простоты персонифицироваться в Боге и Дьяволе и т.п.

А религия тут хороша и эффективна тем, что выступает в

качестве потребной человеку психотерапии. Первое: человек перестает мучиться непонятным – он получил пару этикеток в качестве объяснения и обрел душевное равновесие, снял нервное напряжение и раздражение: о, вот как устроен мир, ясно, логично, я познал, чего мне и требовалось – оказывается, людьми владеют борющиеся силы добра и зла. Второе: теперь человек может свое желание «всего хорошего» реализовывать в какие-то действия – молиться, совершать обряды, накладывать на себя ограничения, побуждать себя к каким-то усилиям: и ему делается легче, увереннее, спокойнее, а то раньше – желание есть, а что делать для добра (удачи, счастья) – непонятно, это нежелательное, дискомфортное состояние, оно ведет к неврозу.

Религия как космогония и психотерапия одновременно.

Философия тоже, кстати.

Познание вообще имеет психотерапевтический аспект: понять, успокоиться, и знать теперь, что можно делать дальше, чтоб получилось в жизни так, как ты хочешь.

Психотерапевтическая функция познанной истины.

Чем же плоха религия? Да нет, для верующих ничем не плоха. Но для тех, кто все желает проверить и пощупать, кто решительно предпочитает вере знание, есть одна закавыка.

Мы и так-то имеем дело не с миром, строго говоря, а так или иначе с нашим представлением о мире. В религиях же, как и в тех философиях, которые принято называть идеалистическими, мы имеем дело даже не с нашим представлением о реальном мире, а с нашим представлением о мире, который есть отражение и порождение другого мира, «Горнего», «Высшего» – т.е. мы имеем дело с нашим представлением лишь об отражении реального мира, главного и первичного мира, который есть мир идей. И этот высший и первичный мир идей непознаваем непосредственно нашими органами чувств. Органы чувств, воспринимая наш мир, воспринимают лишь следствия и отражения высшего мира – а мы посредством интуиции и разума делаем выводы: что же там, за гранью нашего мира, как выглядит то, что и управляет нашим миром.

И вот тут – свобода для фантазий. Философ выбирает те точки в реальном мире, на которых и строит основание своей философской конструкции – которая уходит вверх, в свободу и пустоту «непознаваемого чувствами». Любая философия вполне логична, стройна и законченна. От науки ее отличает то, что хрен ее опытом проверишь и физикой-математикой подтвердишь.

Поэтому и астроном, и физиолог, и психиатр могут быть верующими людьми (см. «Вера и религия»), но когда речь заходит о сфере их компетенции, они только прощающе улыбаются: не

дело религии лезть в то, чем занимаются они, здесь они сами с усами.

А поскольку психология и космогония есть два края одной линейки – то в том, что начинается наукой и кончается наукой, нет места религии и идеалистической философии. Мир веры не пересекается с нашим реальным миром. Мир идей – это качественно иной мир, который может существовать только в сознании человека и с точки зрения человека.

Наша же задача – показать человека в связях именно с реальным миром и реальной Вселенной, и понять и объяснить человека именно как естественную, органичную, неотъемлемую часть реального мира, реальной Вселенной. И в этом понимании мы не нуждаемся в искусственных подпорках, условных величинах и спекулятивных умопостроениях религий и идеалистических философий. Человек – он от мира сего, и все его мысли, чувства, поступки – от мира сего.

А в мире сем устройство и функция человека: чувствователь – понимать – делатель. А понимание включает в себя: осознать, проанализировать, уловить связи и закономерности, причины и следствия, связать с общей картиной мира, сделать выводы для практических действий.

Познавая мир, человек и столкнулся давно с тем, что вроде бы все хотят одного, а получается то и дело другое. Все хотят счастливо жить и в общем представляют себе, как именно. А почему-то, из мелких и частных неистребимых желаний отдельных индивидуумов, получаются войны, убийства, разорения и прочее зло.

Потому что Бог и Дьявол, сказали религии.

Потому что борьба идей, сказали философы.

Потому что зов любви, зов смерти, сублимация и замещение эмоций, сказали психоаналитики.

Потому что человек энергоизбыточен и переделывает мир, сказал я.

Добро и Зло означают: человек считает, что вот так должно быть, а вот так не должно быть. Это он считает на уровне своего разума и осознаваемых чувств. И вот все должное по уму и чувствам он в самой общей форме называет Добром, а недолжное – Злом.

Но поскольку он энергоизбыточен и резко неравновесен с окружающим миром – он всегда сочтет что-то недолжным.

Поскольку он энергоизбыточен и принципиально неравновесен с окружающим миром – он принципиально считает недолжным кое-что неотъемлемо присущее этому миру. Он принципиально несогласен кое с чем в этом мире – ибо он

вечный переделыватель, в любых условиях и на все времена, пока не уничтожит эту Вселенную и не создаст тем самым следующую.

Этот его инстинкт не контролируется разумом. Сам разум и есть этот инстинкт в его конечном и крайнем (на сегодняшний день) развитии, и призван именно обслуживать, реализовывать этот инстинкт – переделывать мир все активнее и эффективнее.

Но преобразует Вселенную человек не потому, что выполняет долг. Преобразование Вселенной – побочный эффект его деятельности, с точки зрения человека. А действует он в своих интересах и из своих побуждений: голод, любовь, честолюбие, и вообще самореализация и самоутверждение.

(См. «Всеобщая теория всего», гл. 2, п.п. 3 – 6.)

И Добро, и Зло имеют своим основанием стремление человека к максимальным ощущениям и максимальным действиям. Стремление это имеет единую природу – инстинкт жизни, принимающий вид инстинкта действия, – а форму добра или зла принимает в зависимости от многих объективных и субъективных обстоятельств: кому что по плечу, какая историческая погода на дворе, каково соотношение рацио и вита в индивиде, как его воспитывали, куда он попал и т.д.

Человек хочет и делает не то, что он по своему разумению должен был бы хотеть и делать, а то, что ему в результате и в сумме необходимо для получения максимальных ощущений и совершения максимальных действий.

Как созидание и разрушение есть две стороны одной и той же потребности в действиях и изменениях, так добро и зло есть оценочное отношение к одной и той же деятельности человека – мироизменяющей.

Человек разграничивает и противопоставляет добро и зло, как идеал и антиидеал бытия в совокупности его конкретных проявлений по отношению к себе.

Понятно, что и добро и зло коренится в природе человека.

Представление же о добре и зле коренится в несогласии человека с имеющимся миром – и в потребности иметь ориентиры в этом мире: для выживания, познания, сосуществования в общежитии, уяснении для себя мотивов своих действий и объяснении для себя самих своих желаний, которые разуму могут «не нравиться».

Надличностные ценности

Может показаться удивительным, но похоже на то, что до сих в аксиологии, «подфилософской» науке о ценностях, не было выделено и не существовало самого понятия ценностей личностных и надличностных. Впрочем, эта подробность может интересовать только профессиональных изучателей философии.

Ценность – это то, чего человеку хочется, чем он стремится обладать, чему придает значение, что ему нужно, от чего он получает любого рода удовлетворение, ради чего согласен добровольно трудиться, преодолевать препятствия и терпеть неудобства. Дорожит этим, неравнодушен, имеет в виду, не отмахивается.

Подразделов здесь куча: ценности моральные, социальные, материальные, физиологические, психологические, можно набрать еще. Деньги, слава, власть, здоровье, любовь, покой, уважение; добро, честность, благородство; приключения, познание, творчество. И т. д.

Личностные ценности – это чтобы личности было хорошо. Отношение к ним потребительское. Это человек хочет и делает во имя себя самого. Можно перечислить:

материальные блага;
физические и физиологические;
чувственные (разнообразно);
социальные (карьерные);
престижные;
профессиональные;
эстетические;
творческие;
интеллектуальные,

– можно выделить больше, можно каждый пункт развернуть, но все и так понятно.

Эти ценности (вещи, занятия, качества, достижения) обогащают жизнь, разнообразят ее, украшают, делают полнее и лучше, интереснее. Но. Но. Жизнь дороже них. Ориентация на них – или эгоистична, направлена на себя и для себя, – или вторична, является средством для достижения большей (субъективно) ценности: сколотить миллион и совершить подвиг – чтобы добиться любви и славы.

Личностная ценность находится в подчиненном отношении к жизни индивидуума. Она для жизни, а не жизнь для нее. Во главу

угла поставлены счастье и благополучие индивидуальной личности. Ради личностной ценности можно пожертвовать даже многим, но в результате тебе все равно должно стать лучше и благополучнее.

Но есть ценности, которые жизни конкретного индивидуума могут противоречить. Вопрос: что это за ценности, и второй вопрос, более существенный – на фига такие ценности человеку нужны?

(О морали мы сейчас говорить не будем – см. главу «Мораль» в книге «Всё о жизни».)

Есть надличностные ценности биологического порядка – видовые, групповые, семейные. Кабан-секач выходит навстречу хищнику, чтобы защитить семью со своим потомством, самцы-шимпанзе бросаются на тигра, если это поможет скрыться стаду с детенышами. Короче – вооруженный самец готов пожертвовать собой в борьбе с врагом, чтобы его семья (род, племя, вид, генофонд) продолжилась. Тут все просто и целесообразно. Жертва собственной личностью ради выживания вида. У человека то же самое. Понятнее всего – мать жертвует собой ради детей. Дети как надличностная ценность.

Но есть ценности куда менее внятные, целесообразность которых так просто не просматривается.

Любовь. Вот две семейные пары, идиллически ладящие. И вот злой рок (измена, охлаждение, катастрофа, война, преступление) их разлучает. Один муж (берем мужчину как более активную сторону) огорчается сильно, переживает, утешается, женится на другой и живет с ней не хуже. Другой сходит с ума, смириться не может, убивает ее, или вешается сам, или то и другое. Или горюет всю жизнь бобылем, предаваясь воспоминаниям. Поведение первого целесообразно, второго – отнюдь. А ведь именно его чувство оказалось сильнее, именно он любил. Пока все было благополучно – разнице в силе чувства не в чем было проявиться. Разница высветилась в экстремальной ситуации.

В первом случае – жизнь главнее любви, любовь в нее входит как хорошая, желаемая, комфортная, важная ценность – составляющая. Во втором – любовь получается главнее жизни, дороже, жизнь подчинена ей. В первом человек любит ради себя, себе во благо, во втором уже как бы и не известно, во имя чего: эта некая абстрактная «любовь» оказывается ценнее его жизни, стоит выше интересов собственно его личности.

И вот в этом втором случае человеку склонны многое прощать. И даже складывать о нем легенды, баллады и мифы. И в некоей табели о рангах ставят его безоговорочно выше первого. Ибо у него есть то, чего у первого нет. Высшая ценность, которая

выше жизни. По сравнению с ним – первый недочеловек. Обделили его боги высокой душой.

Любящий готов на все на свете. Уподобляющийся любящему – не готов. Чувство не то, стимул не тот – ценность не та. Любящий крупнее, сильнее, значительнее, перевернет горы и пожертвует собой. Может быть слаб, неказист, неумен – но нутром крепок.

Нелюбящий ограничен объемом своей шкуры. Любящий не ограничен ничем, кроме предела всех своих возможностей, и этот предел может отодвигаться любовью удивительно далеко.

Нелюбящий есть не более, чем он сам. Любящий есть более, чем он сам. Он подстегнут и причастен к большему, чем он сам. Да он существо более высокого порядка. Он первосортен по сравнению с второсортным, который не способен так любить.

Его уважают и ему завидуют. Даже если жалеют и посмеиваются. В его жизни больше горя, но и счастья может быть больше. Он являет свое превосходство. Он обладает ценностью большей, чем он сам.

Предательство. Предателей используют, но не уважают – а почему, собственно? Мало того, что он, допустим, принес много пользы – он может быть храбр и силен; и более того – он мог предать своих по убеждению, а не из шкурных интересов. И все равно – клеймо.

Предатель «отстегивается» от своей системы, с которой был связан – присягой, честью, клятвой, кодексом: доверием. Система имела его за часть себя, и он таковой частью являлся.

Человек системы больше себя самого и имеет ценности дороже себя самого со своей единственной жизнью. Предав, он являет: я не таков, я индивидуал, ваших системных ценностей у меня нет. И тут же и тем самым обнаруживается как человек второго сорта.

Предатель не обладает надличностной ценностью – вот у прочих в обеих армиях она есть, а у него нет. Поэтому врага можно ненавидеть, но и уважать – а его нет, и даже самый зачуханный солдатик может коситься на него с презрением.

Отсутствие надличностной ценности умаляет человека.

Надличностная ценность означает обладание большим, чем собственно твоя жизнь.

Если личностная ценность – составляющая жизни, то жизнь – составляющая надличностной ценности.

Жизнь выступает в подчиненном отношении к надличностной ценности. «Нечто» оказывается выше, дороже, ценнее жизни – хотя вернее сказать, что с жизнью оно, конечно, неразрывно, но и жизнь-то воспринимается как данная для того, чтобы сделать,

достичь, обладать этим «нечто».

Вариант: вот два юноши жаждут денег и славы и решают стать писателями. Выражаясь бытовым языком, «решают попробовать свои силы в литературе» – но это пошлое выражение применимо только к тому, кто готов бросить это занятие, если не получается. Не так уж больно и нужно. Можно стать телезвездой, или банкиром, или менеджером. Могут быть удачи, они приносят удовлетворение, они так обогащают жизнь, и вообще это интересное занятие, и «писателя-раз» не покидает чувство удовольствия от того, как он интересно и неплохо живет. Литература для человека, а не наоборот.

Второй упирается рогом. Неудачи ему нестерпимы. Он готов пахать как карла, что и делает. Прочие ценности отступают на второй план. Он гробит здоровье и проигрывает в деньгах. Он не согласен писать абы что ради успеха, он жаждет довести творчество до уровня некоего представляемого им себе идеала. Он говорит себе: «Сделаю или сдохну». Если он полагает, что написал то, что хотел, никакая критика его самооценки не поколеблет. И оказывается, что не литература для него, а он для литературы, и он не просто занимается делом, оказавшимся любимым, но и, выражаясь высоким штилем, служит этому делу.

Самое забавное, что у первого может получаться иногда даже лучше, чем у второго. Но ценности у них разного порядка: личностная и надличностная. Старое «любить искусство в себе, а не себя в искусстве».

Но искусство относится к тем вещам, которые забирают человека целиком, а дело любит профессионалов, и практически всегда, практически всегда добравшийся до вершин человек обнаруживает, что его дело стало для него надличностной ценностью. Он, может, и сам не собирался ему служить, но вот развил энергию и направил ее дальше и за пределы себя самого: стал больше себя самого, и вне своего дела как-то уже и сам себя не воспринимает.

Наличие надличностной ценности – знак качества на человеке. Марка высокого дома. Она означает: этот больше, чем просто он, он лишь видимая часть ого-го чего.

Если пытаться классифицировать, надличностные ценности могут быть:

семейные:
групповые;
национальные, государственные, этнические;
профессиональные;
религиозные;

общечеловеческие; – к ним очень близки моральные;
творческие; – они же в широком смысле созидательные.

То есть – о-па: надличностная ценность – это системообразующий фактор. Обладание ею подключает человека к системе и в систему – будь то группа, народ, религия, наука или искусство. Не сам по себе, но часть целого. А в системе человек развивает большую энергию и больше делает.

Обладание надличностной ценностью удовлетворяет потребности человека в максимальных ощущениях и максимальных действиях. Система – она тебе нервишки напряжет и крутиться заставит – на пределе твоих возможностей и за пределами тоже.

Идеал надличностной ценности – это Бог. Всемогущий, всеблагой и всеобъемлющий, которого верующий причащается.

Надличностная ценность – это дело, которому ты служишь, если выражаться самым простым образом.

Надличностная ценность – это то единое с тобой, что больше тебя. Можно и так сказать.

Поиск смысла жизни – это, строго говоря, стремление обрести надличностную ценность высшего порядка. Человеку присуще стремление осознавать свою жизнь как часть чего-то большого, общего, безусловно хорошего и нужного.

Самопожертвование – показатель наличия надличностной ценности.

Естественный вопрос: а если человек гробит себя, и осознает это, ради денег, барахла, личной карьеры? Переходит ли от этого личностная ценность в ранг надличностной? Бандюк идет под дулю конкурента ради дохода – это что, стремление к надличностной ценности? Нет – профессиональный риск. Рассчитывает все же и на жизнь с удачей, и на бабки. А вот благородный мститель, идущий под пулю бандюка без всякой корысти, а из чувства и идеи, надличностной ценностью обладает: справедливости жаждет.

Надличностная ценность может приносить житейскую выгоду, но не может быть предметом потребления. Ты для нее, а не она для тебя. Казалось бы, так.

Хоп: банкир пашет по пятнадцать часов в сутки, служа своему капиталу, и умирает от инфаркта, если банк лопнул, хотя деньги на жизнь у него остались. Личностная ценность достигает силы и уровня надличностной.

И что это доказывает? Что человеку потребны надличностные

ценности, и за их отсутствием он поднимает до их значения личностные. Потому что в общем твои бабки никому, кроме тебя, хорошего не приносят.

Если тебе нечему служить – ты будешь служить тому, что должно было служить тебе. И смысл это будет иметь только для тебя, и ни для кого больше. Вот и прет бандюк под пулю.

Основные функции надличностной ценности примерно таковы:

обеспечение максимальных ощущений;

стимул к максимальным действиям;

стимул к полноте самореализации и самоутверждения;

импульс к системообразованию.

Объединение в народ и государство, оформление общности религии и этики – имеют психологическим основанием потребность человека иметь нечто большее, чем нужно для личного потребления, что позволит ощутить и осознать себя как часть единого общего: это дает человеку ощущение своей силы и значимости большее, чем он может иметь «сам по себе». Тогда он воспринимает собственную жизнь не как конечное индивидуальное, но как неотъемлемую часть мощного и бесконечного общего потока. То, что происходит с другими, и то, что будет происходить после него, начинает иметь к нему кровное и прямое отношение.

Следует упомянуть также о всевозможных табу – отрицательных, негативных надличностных ценностях, без которых невозможно структурирование никакого социума.

Размывание, ослабление, уменьшение надличностных ценностей говорит о снижении энергетики этноса и угасании. Подъем их – соответственно о подъеме этноса: патриотизм, фанатизм, самопожертвование, экспансия – объединяют народ и гарантируют завтрашние успехи.

Надличностная ценность представляется главным психологическим показателем социальных процессов.

Человек в послойном срезе

Полжизни я повторяю гениальную строчку Фитцджеральда: «Признаком первоклассных мозгов является способность держать в голове две взаимоисключающие мысли одновременно, не теряя при этом способности думать». Может, он был и не сильно образованный американкашка, но диалектику понимал правильно.

Если бы все ученые, социологи и биологи, а также экономисты и философы, понимали суть понимания подобно… « – Если бы все? А как вы здесь, собственно, очутились? – Я? Приехал поездом шесть тридцать пять с Черинг-Кросс… – А если бы в с е приехали сюда поездом шесть тридцать пять с Черинг-Кросс?! Так что не говорите глупостей! Все…» Пристли. Тоже не лишенный понимания был мужчина.

Этот блиц-парад сокровищницы мировой мысли закончим еще одной убойной цитатой – из мово любимого Блейка: «Если бы дураками не были окружающие – волей-неволей дураками оказались бы мы».

01. Как говорил в финале старого советского фильма «Две жизни» блестящий офицер, ставший седым парижским официантом: «Страшная мысль приходит иногда мне в голову…»

Мне тоже, как застенчиво признаются девушки.

Гениальность – это когда кругом с каждым годом становится все больше идиотов, не понимающих элементарных вещей. Вот. Серьезно.

1. Человек есть существо разумное.

А также биологическое, живое то есть, организм.

А также существо социальное, общественное.

А также материально-энергетическая структура из тех же частиц с их полями, что и остальные объекты Вселенной.

А также он духовный, носитель моральных ценностей.

А также деятельный, производитель, работник.

А также… гм, в основном все.

Ну. И что? Это понятно, это известно, это просто.

2. А то, что эти его уровни существования давайте сейчас выстроим последовательно, так сказать. От самого нижнего уровня, базового, вселенского, – до самого высшего, как бы истинно человеческого в высоком и красивом смысле этого слова. Тогда:

– Самый *общий уровень – материально-энергетический*. И он есть всегда. На этом уровне человек существует всегда. Материальные частицы, из которых он состоит, были до него, будут и после. А в нем они были собраны вот в такую

комбинацию. В такую систему сложнейшую. И эта система преобразовывала огромное, по сравнению со своим собственным составом, количество энергии.

– Следующий уровень – биологический. И он тоже функционирует всегда. Пока человек существует как единое целое.

– Следующий уровень… пожалуй, деятельный. Деятельность – она впереди ума идет. Бобры строят плотины, термиты – термитники, барсук роет потрясающие норы, белка делает склады на зиму. Строительство гнезда – это труд по улучшению и обеспечению своей жизни и потомства. В конце концов, любой биологический организм живет во взаимодействии с окружающей средой, и чем сложнее организм – тем сложнее и активнее взаимодействие.

– Дальше появляется уровень разумный. Думать много стал. И посредством этого своего разума резко усилил и усложнил всю свою деятельность. А также организацию своей стаи, – и:

– Следующий – социальный, политический уровень. Структуризация многофункционального высокопроизводительного общества.

– А превыше всего – дух человеческий: благородные порывы, поклонение Красоте, тяга к Истине, служение Добру, борьба со Злом.

3. Так вот весь фокус в иерархии этих уровней. А это вещь не такая простая, как кажется. Потому что надо договориться о системе отсчета. Что считать за более главное, нужное, принципиальное, характерное, показательное. Что есть в первую очередь определяющее для человека?

От винта отойдите, пожалуйста. Студентов пропустите вперед, они наше интеллектуальное будущее.

Последовательный физик мыслит категориями системными, кибернетическими, где принципиальной разницы между системами живыми и неживыми нет. Системные, кибернетические расчеты и закономерности ему понятны, но результаты могут не нравиться. Тогда он вспоминает о разуме и духе человека, и говорит, что на них надо уповать и напирать, чтоб было с человечеством не ужасно завтра, а как надо. Типа умом и духом подправить физическую природу.

Биолог видит везде биологию. Он норовит из биологии вывести все остальное. Биология первична. Физика объясняет биологию. Из биологических инстинктов происходит все общество и его деятельность. Или иначе – из потребностей организма и из обучения получается человеческая личность и ее поведение. Иногда получается ужасно. И тогда надо призвать на

помощь разум и дух, потому что мы умные и знаем, в чем добро, а природа наша хорошая биологическая просто искажена гадостями цивилизации: немного по неправильному пути пошла (как-то…) наша цивилизация.

Социологи вообще и экономисты в частности цель всего мироздания видят в удовлетворении потребностей человека. Устройство общества и его производственная деятельность имеют целью осчастливить человечество. Это и есть главная цель Истории, чего ж еще. А борьба разных групп объясняется жаждой захапать больше благ. А дух и разум – это конечно, это хорошо, но это вторично: было бы меньше корма, как в прошлом, – и никакого искусства, ничего высокого. Жратва всему голова! В сущности, пан-экономическая теория человеческой истории – это вульгарный биологизм, оснащенный научно-техническим прогрессом.

Истинные и последовательные рационалисты утверждают, что разум – главное и принципиальное отличие чел-ка от волка. И поскольку чел-к не дурак же, он понимает, как жить лучше, он и должен стремиться к этому лучшему для всех. К добродетели, выражаясь по-древнегречески. Но поскольку несовершенен бродяга чел-к, нужны, конечно, законы, в том числе и суровые. Доверяй, но заставляй.

Лица же духовные, склонные к мировоззрению божественному, те полагают Дух Божий, вдунутый в нас, всего главней. На все воля Божья. Вся история – воплощение замысла Его. Если Он может раздвинуть воды морские и остановить солнце на небе – довольно глупо искать более главные силы в мироздании. И к таковым духовным людям примыкают поборники морали, служители Добра, которые полагают Мораль, Добро и Справедливость главными движущими силами. Моральный Императив превыше всего! В этом и сущность человеческая, в отличие от звериной, что духом своим мы поднимаемся над биологией, преодолеваем ее и делаемся Человеками с Большой Буквы. Это и есть цель. Счастье. Но не потребительское, а духовное. Тоже хорошо. Дешевле обойдется. Сольемся в Боге. Вечный кайф!

…Это напоминает Соломонов суд, где преданные матери хотят разорвать младенца на шесть частей. Почему шесть? Потому что на Седьмой день Бог отдыхал. Больше у нас нет для вас основных уровней человеческого бытия.

4. *Основная ошибка существующих концепций человека в том, что полагается постоянное и принципиальное доминирование одного базового уровня.*

Постоянства доминанты какого-либо уровня существования

человека нет.

ЧЕЛОВЕК – МНОГОУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА С ПЕРЕМЕННОЙ ДОМИНАНТОЙ

5. Это что значит?

Это значит, что ради удовлетворения биологических инстинктов человек может наплевать на доводы Духа и Морали. А может наоборот – руководствуясь душой благородной, наплевать на пользу телесную!

Руководствуясь разумом – откажется от благородного порыва души. Или наоборот – совесть повелевает наплевать на доводы разума.

Что бы ни делал человек – это все равно энергопреобразование среды. Но под доводом духа человек может пожертвовать собой – и самому разрушить ту совершеннейшую материально-энергетическую систему, которой является. И поступить вопреки самому базовому из базовых уровней – энергопреобразовательному. Перейдут его атомы порознь в разную дрянь земную.

Он производил-производил – а потом в общественном механизме разладилось всякое-разное, и стал меньше производить, и толком не может объяснить почему. А экономисты ищут этому чисто экономические причины. А под другими столбами им темно, там для них фонарей не повешено.

6. Если нарушено руководство Духа – полезно объяснить Дьяволом. Рогатый жутко изощрен. Им можно объяснить все, что не нравится.

Если нарушено руководство Разума – инстинкт жадности обуял, или похоти, или Злу предался, или голову перетрудил.

Если нарушен уровень биологического руководства и биологической целесообразности – это экономика с социологией навредили.

То есть:

Адепт любого направления полагает свое направление основополагающим, а отклонения от него вызваны помехами, нежелательными и необязательными. Помехи необходимо устранить, и тогда все будет правильно и хорошо. Помехи есть вмешательства других направлений. Другие направления – второстепенны, и занимают подчиненное положение к главному.

Нет-нет, адепт понимает, что и разум, и дух, и экономика, и биология – очень даже взаимосвязаны и влияют друг на друга в положительном и необходимом смысле. Но – «мой уровень главнее!» – и все тут.

Для «экономиста-материалиста» Энгельса – человека создал труд! Разум и культура в их развитии – следствие растущей

экономики.

Для рационалиста-«разумника» – вся культура и уровень экономики есть следствие развития разума.

Для христианства – все дело в Духе. Правда, дальше протестантизм и православие расходятся насчет значения труда и его угодности Господу.

Для биолога – культурные наслоения на хорошую и главную биологическую основу бывают хорошие (живут дольше), а бывают плохие (двигаются меньше). И задача культуры – работать в унисон с биологией, ей помогая, или где надо подправляя.

7. То есть:

Плохого здесь что? – плохого здесь то, что «нужное» направление развития – к счастью! хотя это счастье и атрибутируют разные специалисты по-разному! – хотят проследить на одном базовом уровне. И регулярно сталкиваются с парадоксами: вместо того чтобы дружно стремиться к счастью (на уровне духа, или тела, или разума, или производства) – человек вдруг начинает делать не то. И эту ошибку – о ш и б к у ! – необходимо исправить.

Но:

В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОШИБОК НЕТ

и —

в человеческой жизни ошибок нет.

Случайности есть. Закономерности есть. Точки бифуркации, то бишь решающие и неустойчивые моменты – есть. Но ошибок – нет.

Ибо:

Ошибка предполагает неправильность действия только в одной, избранной, системе координат; системе отсчета.

Но! —

У ЧЕЛОВЕКА ШЕСТЬ СИСТЕМ КООРДИНАТ

Шесть измерений, если хотите. Может, больше? Пока вроде получается так. Повторить?

Материально-энергетическое, биологическое, деятельно-экономическое, социально-политическое, разумное и духовное.

И то, что явно противоречит интересам человека в одной системе координат – может быть безразлично в других трех и полезно в других двух.

Но чаще всего, и явнее всего, вред в одной системе обуславливает пользу в другой. Что упрощает картину на первый взгляд. Может показаться, что речь о простой дилемме.

8. Дилеммный подход к проблематике человека вполне хорош с практической точки зрения: или – или, делай так. Но с точки понимания всей сложности человеческой структуры – это

примитивное упрощение дает принципиальную ошибку.

Дилеммный подход к проблематике человека неверен и не позволяет понять суть.

9. Как говорит мой друг и тезка сатирик и юморист Михаил Задорнов: ну? вы готовы? приготовились? все готовы? Тогда слушайте:

ЧЕЛОВЕК – ШЕСТИУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА

– и каждый уровень имеет свою систему координат, свою систему измерений, свою шкалу ценностей. Свою пользу и вред, свое развитие и регресс. Свое лучше-хуже и больше-меньше.

Совокупная деятельность этого всего и есть человеческая деятельность. Совокупная деятельность этого всего и определяет объективную и субъективную мотивацию всей деятельности человека как такового.

Еще раз и в более общей форме:

ЧЕЛОВЕК – ЭТО МНОГОУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА

с многоуровневыми шкалами измерений и ценностей.

10. Пример. Для наглядности. Смены форм понимания. Голография. Типа фильма ДДД.

Представьте себе такую бескрайнюю темную пустоту. Это наша вселенная. Наш мир. Бытие. По окраинам пустота черная, к центру светлеет. Цвет посветления от бело-желтых иголочек к плотно-зеленоватому ядру. Шар в центре туманный, облачно-пупыристый, светится изнутри глухо-зеленым. Из этой безмерной черной пустоты, вверх и по направлению к нам, этот светящийся шар вытягивается постепенно в конус. Конус такой формы, будто из клубничины хвостик вырвали. Он тоже зеленоватый, и от основания своего шарообразного он светлеет и светлеет. Ярче и ярче. Светло-насыщенно-зеленый, салатовый, беловато-голубые трещинки-прожилки в нем, и все выше и тоньше светится ярче, как бенгальский огонь, как сварка, а внутри переливается ослепительный живой свет. И самое острие конуса – как кончик иглы, ослепительно белый, и свет внутри бежит единой сетью внутри всего конуса.

Это иллюстрация Вселенной, Бытия, Материи, Природы, Жизни, – а на самом кончике тонком ослепительном – Человечество.

А так. Для зрительного впечатления.

11. Есть у Брэдбери гениальный среди прочих рассказ «Уснувший в Армагеддоне». Как сознание человека является полем боя для двух армий, и победа любой – его смерть.

Как художественный гений, Брэдбери часто сам не понимал, что написал. А то бы оно не соседствовало с рассказами сравнительно… менее.

12. Для нас важно следующее:

Противоречия между ценностями и потребностями разных уровней и есть суть человеческой парадоксальности.

Или иначе:

Противоречивость многоуровневой ценностной ориентации человека и есть его пресловутая сложность.

Или:

Результирующий импульс всех уровней человеческого существования и определяет конечную мотивацию конкретного действия.

Короче, человеческая натура вечно раздирается между противоречивыми желаниями и потребностями. Это из-вестно.

Руководствуется в поступках эта натура потребностями и желаниями то одного уровня, то другого, то третьего. Это тоже не очень сложно, да?

Но. Ни один из этих уровней не является главным, основным, какового только и надо в первую очередь слушаться. Вот что интереснее и важнее для нас сейчас.

13. У Лондона в «Дороге» есть дивная сцена: сплавляющиеся на лодках к Вашингтону безработные проходят перекат. Мелко, порожисто, лодки то и дело садятся на мель, стаскивать их долго и трудно. И только команда морячка Джека лихо прет вперед, обгоняя армаду и снимая сливки с береговых припасов, заготовленных ждущими жителями. А Джек применил китайскую речную технологию: две лодки связаны нос к корме гуськом короткой цепью. И когда передняя лодка садится на мель – ее экипаж перелезает в заднюю. Та еле держит двойной груз, зато передняя облегченно приподнимается – и проскакивает над кучкой камней. Зато в свою очередь на этом же месте садится вторая, задняя. Раз-два! – оба экипажа из задней перелезают в переднюю, уже сошедшую с камней на нормальную глубину, – задняя облегченно поднимается: и обе несутся дальше; задний экипаж занимает свое место. Генерал Келли был просто в ярости от наглой пронырливости этого мальчишки!

14. Человек плывет в своей лодке по реке жизни и истории. Время от времени его лодка садится на мель или наталкивается на препятствие. Он переходит на другую! И эта другая движется дальше. А застрявшая может мешать движению этой другой своей массой, затруднять сопротивлением, и вообще иногда казаться балластом. Тем более что в связке целых шесть, предположим, лодок! Которые порой кажутся маловажными. Но в каждой лежит груз, абсолютно необходимый для жизни и движения в какие-то моменты. Еда, одежда, Библия, ружье, лекарства, одеяло, – все это необходимо. Но используется не одновременно, а в разные

моменты и в разных условиях. Довольно глупо спорить ружью, еде и пенициллину. «Кто важней…»

Время от времени Цивилизация переходит с одной лодки на другую.

Связка неразъемна, потому что в одну лодку всего не нагрузить. Она застрянет, утонет, не пройдет, растрескается.

15. Теперь – о масштабе.

Человек, конечно, мера всех вещей. И Протагор был чистокровный грек, кто спорит. Но мерить мерой тоже нужно с умом.

Результат зависит от масштаба измерения. В масштабах Вселенной муравья не существует, в масштабах муравья расстояние от Москвы до Петербурга равно бесконечности.

Закономерности десяти лет человеческой жизни и десяти веков цивилизации необходимо мерить разным масштабом.

А чтобы понять все, надо настраивать микроскоп на индивидуально нужное разрешение – но постоянно соотносить результаты с результатами телескопа, также настроенного на нужное разрешение – но уже в другую, так сказать, сторону.

Мы не сможем понять сути человека, не соотнося его со Вселенной и его законами. Но если вот так перенести законы Вселенной на жизнь человека, а да хоть бы и жизнь страны за двадцать лет, – результат будет некорректным. Ошибочным, неполным, невразумительным, ненаучным, глупым, бредовым. (Хотя там могут быть формулы и графики!)

Произвольно малый отрезок процесса может противоречить общему направлению процесса.

Ну, петляющая в горах дорога. Путь стекающей по стеклу капли. Взметенный ветром палый лист.

Путь Вселенной – усложнение структур и повышение энергопреобразования.

Путь жизни на Земле – то же самое с бешено возрастающей скоростью.

Путь человеческой цивилизации – энергопреобразование окружающей среды с сумасшедшим ускорением и в сумасшедшем объеме. Это цивилизации в общем смысле, от кроманьонцев до нас.

Путь отдельной цивилизации – оп… вот тут масштаб уже меняется.

Не забудьте только пока, пожалуйста, о человеческой шестиуровневости и джеклондоновской двойной лодке.

16. Как квантовая механика действует в пустотах громоздкой ньютоновской, можно сказать. Так закономерности конкретной цивилизации или тем более отдельного человека действуют то и

дело в пустотах Главного Общевселенского Закона – мощных, общих и громоздких. Чем сложнее система – тем больше в ней разных мелочей и побочных следствий. Ибо каждой мелкой деталькe сложной системы чего-то надо своего. В результате она, деталька, работает на общее главное, – но в разные моменты может просто делать черт знает что в узких личных интересах.

Для человеческой деятельности безмерной нужен разум. А разум этот начинает заниматься всем подряд. Он для себя имеет самоценность. И иногда ему глубоко плевать на замысел Создателя – чтоб разум этот энергопреобразовывал Мир до максимального и последнего предела. Это только один момент…

…Представим инопланетного наблюдателя, который живет в миллион раз быстрее нас. Он прилетел в тарелке наблюдать нашу войну. И поражен! Солдаты не воюют. Они жрут! Уж жизнь его, наблюдательская, кончается, а они все жрут! Кашу! Из котелков! У них явный сбой программ на Земле! Они всю жизнь только жрут кашу! Это дебилы, тупик эволюции, моноэнцефалопрограмма. Заводи, летим отсюда.

Конкретно нас интересует следующее:

Поступок отдельного человека в отдельный момент может не соотноситься с общей тенденцией повышения энергопреобразования Вселенной или противоречить ей. Скисает конкретный человек, сдыхает, работает на энтропию.

Так же и конкретная цивилизация. Может слабеть, разрушаться, действовать во вред себе, сменяться непроизводительным варварством.

Что есть человек? И что есть цивилизация? Родился – вырос – поработал – состарился – умер.

Что есть человек или цивилизация с точки зрения Вселенной? *Дискретная подсистема*. Точка во времени и пространстве. Вот она есть – вот ее нет. Разве можно требовать от каждой точки отражения целого?

Для себя и человек, и цивилизация – системы. По мере усложнения системы множатся и усложняются обеспечивающие, вторичные подсистемы, обеспечивающие подсистемы начинают оттягивать на себя все больше энергии и времени основной, командной, материнской системы. Оная материнская начинает метаться туда-сюда, поскольку и платье купить надо, и пол подмести, и в магазин сбегать, и некогда уже работать, спать с мужем и радоваться жизни. Тогда материнская пьет и плачет… но мы далеко зашли в сравнениях.

С Вселенской точки зрения – все, что делает человек помимо повышения энергопреобразования через работу, думанье или потребление, а также размножение, и все чтобы с целью

перелопачивать мир, – вот все прочее, поэзия и любовь, религия и эстетика – все это побочные следствия.

А с гуманистической точки зрения – цель это совершенство и счастье человека, а энергопреобразование – это так, получилось, может, лучше не надо бы, побочный эффект.

Законы дискретной подсистемы принципиально отличны от законов Общей Системы. Количество переходит в качество. Очень маленький существует не так, как очень большой.

17. Резюме.

Существование человечества соответствует Закону структуризации Вселенной и энергоэволюции Бытия.

Но.

Частные отрезки существования конкретных цивилизаций неизбежно противоречат Закону структуризации Вселенной и энергоэволюции Бытия.

А также.

Жизнь отдельного человека, целиком или в частностях, может противоречить этим законам.

И более того.

Жизнь полностью или частные поступки отдельных людей неизбежно противоречат этим законам.

18. Почему противоречат, и почему неизбежно?

Потому что улитка к пище ползет зигзагами.

Потому что парусник зигзагами против ветра галсирует на курсе.

Потому что для эволюции «преодолевать сопротивление инерционного материала» – нелегкое дело. Зигзаг, колебание, цикл, – это Высшая технология, чтоб захватить и испробовать на пути к цели больше вариантов, мест, комбинаций.

Цикл рождение-смерть уже включает в себя как антиэнтропийный, так и энтропийный момент. А без этого нет замены худшего на лучшее, в смысле более энергетичное.

ЭНТРОПИЯ ЕСТЬ НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭВОЛЮЦИОННОГО ЦИКЛА

19. Так что когда человек вполне в развитие энтропии умирает или убивает другого – это необходимый цикл общей эволюции. Для него самого это кранты. Но в масштабах мировой революции – жизнь отдал за святое дело.

20. И когда цивилизация деградирует перед смертью – это тоже вклад самоубийцы в улучшение генофонда. Она подохнет от ожирения и жадности, забыв старые идеалы и вершины, чтобы через тысячу лет, или пять тысяч и три промежуточные цивилизации, другая стала еще мощнее, совершеннее и – всегда! – энергетичнее.

21. Итак, с парой энтропия – антиэнтропия нам понятнее.

Но дальше – нужна другая линейка и другой масштаб.

Вот человек движется по дуге своей жизни, от рождения через буйства молодости, труды зрелости и опыт старости к смерти. И един он в шести своих ипостасях – как матэнергоструктура, биосистема, производитель, разумный, социальный, духовный.

И дуга его жизни проложена по маршруту *максимальных действий*.

И для этого *стремится он к максимальным ощущениям*, ждущим его на этом маршруте.

Он самореализуется. Энергия, воплощенная в нем, ищет и требует выхода и реализации. Во всех аспектах его бытия. Все узлы сложной системы получают свою долю энергии, иначе бы эта система и не возникла, и не существовала. Доли разные, переменные, индивидуальные.

Шесть узлов-аспектов между собой спорят. Ссорятся. Тянут одеяло на себя. Но ни расстаться, ни уравновеситься надолго не могут. Жизнь. Динамичная система.

Определить границы и территории каждого из этих шести аспектов. Найти между ними оптимальное соотношение в конкретный момент. Накормить волков и овец сытыми и целыми. Как-то к общему благу с ними договариваться. Вот что нам остается.

И, двигаясь зигзагами по дуге своей жизни, человек вскакивает то в лодку духа, то разума, то труда, то биологии, то общества, а то плевать как, но перелопачивать все максимально. Остальные лодки здесь же в связке.

Противоречие между одной ипостасью человека и равноправной другой – вот главный человеческий конфликт и парадокс. В этой же биполярности энергоприложения – движущая сила и развитие.

Необычайно наивно искать единственное и верное решение исключительно в системе координат разума. Или духа. Или труда. Или чего угодно одного остального.

Путь человеческий – совокупное, компромиссное, максимально эффективное для совокупности аспектов, существование.

И если в одном из аспектов возникает сильная доминанта – она подчиняет другие себе жестоко и безоговорочно. Тогда в быту говорят о целеустремленности, или самоограничении, или жертвенности. Или гадстве.

22. Литературой начали – почему ею же и не кончить.

С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой.

Вот через эту головную боль – к звездам.

К небу наш путь!

. . . . . .

(*Пометка на полях*:) В спектакле жизни человек играет несколько ролей. Он и мужчина, и муж и отец, и строитель по профессии, и член клуба собаководов в качестве хобби, и язвенник как больной на учете в поликлинике, и поклонник «Машины времени» как фанат и меломан, и сержант запаса с военно-учетной специальностью. В зависимости от свободного времени, или количества свободных денег, или самочувствия, или любви, – он делает то одно, то другое, то третье. Предпочтение действий в одном уровне действиям в другом – зависит не только от важности и значимости. Но и просто от желания, вспышки сильной чувств! В блокадном голоде он весь сосредоточится на корме для семьи. Но в нормальной жизни он наорет на семью и даст в глаз жене, если эти дубины не понимают его высокой страсти к музыке и собакам! При этом он может быть умным, и прекрасным работником. Но требует понимания своей сложной натуры, и не позволит сводить ее к чему-то одному!

Психическая константа

Вот есть мозг. Центральная нервная система. Кора и подкорка. Нейроны и сосуды.

И вот есть мощность человеческого организма. Которую в сущности можно измерить. Надо взять потребляемую энергию на килограмм веса – и суммарную производимую работу на килограмм веса в сутки в среднем. А также максимальные значения.

Потребление энергии на кило – в пять раз выше обезьяны. Общая работа – по перемещению себя и все усилия на срывание плодов, копание корешков и т.п. – тоже выше, хотя и не в пять раз. Время бодрствования в сутки – тоже больше, чем у животных. «Человек активный» и «человек энергоизбыточный».

Коли: объем и устройство мозга то же самое, что и 30 – 50 тысяч лет назад у человека современного; энергопотребление то же самое; размер и масса те же самые; потребляемая энергия на природном уровне «подразумевает» тот же расход энергии, тот же объем энергопреобразования у того же самого организма в тех же планетных условиях; а мозг, этот штаб организма, должен так же командовать этим перераспределением энергии и контролировать его, то – следует предположить, и исследовательскими данными это подтверждается:

1. Мощность мозга, то есть суммарная активность очагов возбуждения центральной нервной системы животного вида хомо сапиенс, есть величина постоянная.

2. В зависимости от подпрограмм, вписанных в «обучаемые емкости» генетически заданной мозговой программы при адаптации и обучении младенца-ребенка тому или иному образу жизни, – в зависимости от воспитания, от усвоенной культуры, мозговая деятельность человека принимает форму деятельности Эйнштейна или Маугли. Но! – но: активность коры головного мозга и управляемой ею эндокринной системы есть в среднем величина постоянная, не меняющаяся с уровнем культуры и образом жизни. Для всех времен и народов. Если человек не дебил, разумеется.

3. Если младенца вырастить в инкубаторе, без общения с людьми и даже животными, без каких бы то ни было форм передачи культуры – мы получим человекоподобное существо, обладающее инстинктами, но не умеющее их удовлетворить.

Его необходимо хоть как-то научить, пусть машинным способом, есть и пить, хоть соску подсунуть, задействуя сосательный рефлекс. Он будет в своей комнате-клетке-

лаборатории «знать» только основные инстинкты – есть-пить, жарко-холодно, испражняться и сексуально разряжаться.

Абсолютно необученный человек тупее любого животного. Генетические инстинктивные программы у него выражены слабее и детализированы куда меньше, чем у животного. А культурной программы, обучения в своей среде он не получил.

Вот у этого унтерменша вся заложенная мощь мозга сосредоточится на этих нескольких желаниях. Удовольствие при получении пищи и ярость при поломке кормушки будут достигать огромной силы. Величайшее счастье и величайшее горе, эти внутренние состояния психики, будут иметь точками внешней привязки примитивное удовлетворение базовых потребностей.

3-А. Силу и объем мускулов можно накачивать, а при безделье они дрябнут, однако объем и форма мышц заданы и наследственностью и могут впечатлять даже у физически не напрягающихся людей. При нужде – поднимет мешок или даст в рог. Аналогично способности мозга можно развивать или нет, но генетически заданный уровень сохраняется.

4. Анатомическое строение и физиологический уровень функционирования мозга есть величина постоянная.

Уровень возбуждения мозга, то есть мощность эмоциональной деятельности центральной нервной системы, есть производная от анатомического и физиологического уровня.

Из чего следует:

С уменьшением внешних раздражителей эмоциональная деятельность центральной нервной системы сосредотачивается на остающихся раздражителях.

Или:

Вся эмоциональная деятельность мозга, будучи величиной постоянной, сосредотачивается на имеющемся количестве внешних раздражителей независимо от их силы и масштаба.

Чуть точнее и короче:

Эмоциональная сфера как константа распределяется между наличными раздражителями независимо от их количества и масштаба.

5. Маугли не умеет говорить, читать-писать, готовить пищу и работать. Зато: он быстро скачет на четвереньках, по-обезьяньи взлетает на деревья, переваривает сырое мясо и коренья, чует запахи, улавливает тихие звуки и понимает значение следов. Обучаемые емкости генетической программы инстинктов заполнены протокультурой волков и обезьян (нет, я помню про Бандер-Логов, Маугли враждовал с обезьянами, но это Маугли в широком смысле слова у нас).

Физически человеку чудовищно трудно вести образ жизни

волка. Но энергетика и мощь мозга компенсируют телесную немочь.

Мощь мозга Маугли идет на дифференциацию неразличимых для нас деталей жизни и адаптации к ним.

6. Младенцу показывают пять золотистых хомячков, неразличимых меж собой, как игрушки из-под одного штампа. И, каждый день играя с ними, малыш вскоре отлично их различает! Он нашел отличительные признаки, не видные взрослым.

А потом хомячков забрали. А через полгода подросший ребенок различить их уже не смог. Его распознавательная система формируется в другом секторе объектов.

7. Аналогично европейцы и азиаты затрудняются различать друг друга в среде подобных. Европеец удивляется, что у европейцев же разные волосы, глаза, носы, подбородки. «А у вас глаза одинаковые, волосы черные, носы… тоже похожие». Азиат недоумевает: как можно, это не главные признаки, мы же такие разные!

Один и тот же участок мозга у нас и у них словно настроен на разную резкость. Но ни одни не глупее и не рассеяннее других.

…Распознавание суть один мелкий аспект деятельности одного маленького участка мозга. Но показательный. Для толпы, не знакомой с другой расой, не только все представители другой расы одинаковы. Но и любой из них, попавший в инорасовую среду и не различающий «нас» – немного дурак. Не, нормальный, но кое в чем каплю идиот.

8. «Умность» и «глупость» человек понимает по собственному трафарету.

Аналогично *значимость и незначимость поводов и причин для сильного проявления эмоций человек расценивает по своему трафарету*.

А трафарет зависит от его группы. Возрастной, исторической, социальной, культурной, профессиональной и т.д.

9. *Значимость повода для проявления эмоций относительна.*

Средняя суммарная мощь проявления эмоций абсолютна.

(Хотя понятно, что если пытать человека в подвале Святой Инквизиции, то эмоции будут – откуда что взялось! Но боль в экстремальной ситуации – это уже другое дело. Это не душевные муки, это тело вопиет от муки. Дай Бог всю жизнь не испытать.)

(А вот ночь с Клеопатрой – либо же деревенскому парубку с первой деревенской же красавицей – это объем и класс эмоций один, хотя уровень исполнения может быть очень даже разный.)

10. Можем сказать иначе:

Сила и объем эмоций – первичны.

Причины и поводы для эмоций – вторичны.

11. Более того!

Сила и объем эмоций изначально заданы.

Поводы для объективизации эмоций человек находит.

12. У людей обычно паршивая память. А кроме того, родители часто подавляют детей, руководимые древним животным инстинктом перворанговых особей в стаде, охраняющим свои привилегии. В результате большинство родителей строго подавляет детские плачи по мелким поводам: надеть ту или иную одежду, идти или нет сегодня в детский сад или в гости, ехать на дачу или играть с друзьями во дворе.

Обычно родители не отдают себе отчет, что ребенок, маленький человек с мощной растущей эмоциональной сферой, *всю силу отпущенных ему переживаний привязывает к доступным ему поводам*. Брать или не брать с собой котенка – может быть так же важно, как получить давно мечтаемую работу или тебя несправедливо обойдут по службе. Надеть одежду, которая девочке почему-то не нравится – точно то же самое, что украсть у мамы на улице только что купленную шубу, на которую она два года копила деньги, мечтая о ней и отказывая себе во всем.

Горький плач ребенка по тому, что его не взяли в гости – может быть равен твоему рыданию по обманутой любви.

13. Поэтому в примитивных культурах дикарей малейшие отличия в украшении, татуировке, обряде – играют огромную роль, несоразмерную для таких мелочей по мнению цивилизованного европейца. Но в скудном быте туземцев – деталей и разнообразия быта гораздо меньше, чем у нас!

Вся сфера семантики и психики, то бишь весь объем имеющихся у людей смысловых восприятий и эмоций – по факту привязываются к очень ограниченному числу внешних объектов! Ездить в «майбахе» или носить повязку из орлиных перьев – эти два объекта равны по эмоционально-семантическому значению. Публично обматерить человека или стереть одну линию на праздничной раскраске – равновеликие знаки оскорбления.

Чем примитивнее и скуднее культура – тем выше эмоционально-семантическая нагрузка на ее единицу-элемент.

Могут убить за то, что зашел на территорию табу, или тронул чужую вещь, или еще неведомо как нарушил обычай: который покажется тебе неразличимо мелким. Могут прийти в ярость из-за непонятной тебе мелочи.

14. *Форма оскорбления условна. Сущность оскорбления абсолютна* – в смысле всегда сходна по содержанию, направлению, тяжести.

Можно вложить большой палец руки между указательным и средним. А можно стукнуть ребром ладони по локтевому сгибу

другой руки. А можно похлопать себя по гениталиям. Или показать ягодицы. Или произнести различные фонетические сочетания, которые сами по себе есть не более чем разной частоты колебания воздушной среды.

То есть. Оформление этики условно. Содержание знака условно. Знаковое оформление любой культуры условно. В координатах одной знаковой системы – знаки другой системы воспринимаются как мелкие детали, не несущие смысловой и эмоциональной нагрузки. Что всегда служило источником многих недоразумений, опасностей и бед при контакте цивилизаций.

Когда молниеносным броском змея вонзает ядовитые зубы тебе в ногу – это не потому, что она сволочь. Лишнего яда для тебя у нее нет. И как добыча ты для нее непомерно велик. Но твое приближение есть для нее знак смертельной опасности, знак прямой угрозы ее жизни! Если бы ты заметил ее вовремя и знал ее повадки – ты бы обошел ее за пределами той территории, которую она полагает необходимой для своей спокойной жизни.

Когда японец в гостях у англичанки стряхнет со своего стула хозяйского кота – больше этого хама в дом не пригласят.

Некогда в Италии грызть ноготь большого пальца, глядя на человека, было знаком выказывания ему оскорбления.

И т.д. без числа.

То есть:

Если условна форма знака, выражающего оскорбление и вызывающего сильнейшие эмоции, как обида, гнев, ярость.

То не менее условен масштаб знака, несущего ту же смысловую и эмоциональную нагрузку.

В системе координат богатой развитой культуры знаки культуры бедной кажутся мелкими несообразно силе вызываемых эмоций.

В системе координат бедной культуры мощные семантико-эмоциональные знаки богатой культуры – тоже не читаются! – и выглядят просто нелепой ерундой как поводы к злобе, ярости и мести. Хотя предметно и ритуально эти знаки могут быть обильно атрибутированы. Но для дикаря это просто невинные и бессмысленные предметы и действия, из-за которых абсолютно не стоит дергаться!

15. Да, чтоб было понятно, о чем речь.

Оскорбление есть агрессивный акт иерархической структуризации группы, где оскорбляемого пытаются опустить на самое низкое место.

Оскорбление – это ритуальная форма социального опускания.

Социальный инстинкт человека противится этому! Социальный инстинкт повелевает занимать и защищать как

можно более высокое место в иерархии! Социальный инстинкт включает боевой механизм: адреналин, сахар, антикоагулянты, – бей гада! Дерись за свое место! Это – твой корм, твоя самка, твои гены, переданные дальше! Это твой инстинкт жизни!

А уж рычать, или бить копытом, или глядеть в глаза, или мочиться на голову, – не суть важно.

16. Мы потому заговорили об оскорблении, что это наиболее понятный и расхожий повод для сильных эмоций. И здесь условность формы оскорбления наиболее понятна.

Потому что положительные эмоции – они и послабее, и поразнообразнее в поводах, и менее очевидны в причинах.

17. В подводной лодке в поход ушла муха. Муха жила на камбузе и любила отдыхать в центральном посту. Муху любили всем экипажем и подкармливали сахарной водичкой. Однажды замполит сел на муху. Его чуть не убили. До конца похода экипаж с замом не разговаривал, нарушая субординацию.

18. Мало вы слышали о зеках старых времен, которые сидели в отдельных камерах, питались так, что не умрешь, и мучились бездельем, не подвергаясь работам? Общества вот не хватало. И они привязывались к мышам и крысам, воробьям и паукам, кормя их, дрессируя, разговаривая с ними, и жутко переживали, если с теми что-нибудь случалось.

Чувства-то надо кому-то отдавать!

18-А. А какое значение придают нынешние российские зеки – месту в камере, чтоб внизу у окна, робе, чтоб новая и черная, татуировкам, которые есть послужной список, погоны и ордена блатного.

И каждое слово, каждый жест, невиннейший внешне поступок – могут послужить к серьезнейшим разборкам с тяжкими последствиями.

Все богатейшие смысловые и эмоциональные отношения современной культуры – блатная, тюремная культура словно кодирует, сворачивает компактно, и перемещает в масштаб мельчайших деталей и жестов скупого камерного бытия.

А поскольку вор – человек повышенной энергетики: нонконформист, антисоциален, рисков, агрессивен по жизни. А жизнь замкнутого мужского коллектива ведет к повышению агрессии. То эмоциональную насыщенность тюремной жизни – при внешней ее скудости! – вы можете себе представить.

Когда шлепают в «очко» клееными из газеты картами, а на кону стоит жизнь – отдыхает ваш вонючий Лас-Вегас с его гламурными страстями!.. А сколько счастья от банки сгущенки. А кружки водки! А от письма. А от свитера зимой…

19. Слушайте – хрен ли солдату с того, что генерал объявил

ему благодарность? А от цветных узоров в дембельском альбоме?

Какой гигантской ценностью становится для закрученного службой солдата половой акт! Вам и не снилось… Солдат может измордовать сослуживца, если тот спер у него крысятнически значок классности, например.

Солдат как ребенок: придает огромное значение каким-то фантикам, железкам, лишней печенке или конфетке, стакану компота, похвале или выговору старшего.

Все эмоции при нем, да еще как! – но Боже мой, на какую фигню они обращены! Кто не служил – тот не поймет значение этой фигни.

20. И наиболее ярко: любовь зла – полюбишь и козла. Где берет природа столько ужасных козлов, чтоб их любили так преданно и беззаветно?! Где-где – везде.

«Замуж хочу – трубу сворочу». Самое яркое чувство – дифференциация и окультурнивание инстинкта размножения, выполнение природной репродуктивной функции. Приходит пора – и гормоны зашкаливает, глаза блестят, кожа на лице светится, походка играет невыразимо, и неподконтрольные горячечные сны мучат ночами. Какой же тут «объективный взгляд», когда наличествует объективная потребность и объективно мощная эмоция, судорожно ищущая предмет привязки и реализации!

И замухрышка сделает блестящую партию в сплошь мужском коллективе, где она единственная. И плюгавый мозгляк будет объектом соперничества бригады оголодавших сезонниц-рыбораздельщиц?

Старая дева отдаст все свои инстинктом заготовленные запасы любви, заботы и нежности поганой истеричной болонке. И если вы ненароком придавите эту суку, горе бедной женщины будет безмерным.

О любви отшельника к козе мы вообще говорить не будем, у нас приличная книга.

21. И то мы затянули. А все коротко и просто.

Сила эмоций по какому-либо поводу – определяется не объективной значимостью этого повода, но нашим субъективным к нему отношением.

Важность же повода для нас определяется не объективной его ценностью – но активностью нашей эмоциональной сферы, нуждающейся во внешней объективации.

Когда внешняя объективация вовсе не найдена, принято говорить о беспричинной радости, или беспричинной грусти, и т.п.

Психология роли

Психологическое обеспечение социальной роли.

Собственно, в этом и заключается весь предмет социальной психологии.

Социальную психологию следует понимать как *индивидуальное психологическое обеспечение структурированного социального инстинкта*. Или в конкретном случае – индивидуальное психологическое обеспечение локально обозначенного социального инстинкта. Или:

Социальная психология – это изучение психологической мотивации социальной роли.

Переводим с доступного, но специального языка – на нормальный человеческий:

Почему на самые поганые и ужасные работы – всегда находятся люди? Не только под страхом расстрела или умирая с голоду – но и добровольно, и находя в своем деле грязном и ужасном какой-то интерес, профессиональные детали, кайф даже? Откуда берутся ассенизаторы, убойщики скота, палачи?

И второе. И как это получилось, что бандиты и проститутки были нормальными мальчиками и девочками? И будешь где-нибудь рядом с ними пить кофе, скажем, так и не подумаешь о нормальных внешне людях ничего такого.

И третье. Вот люди, которые правят, власть, – они что, не понимают, сколько эгоистичного вреда в их действиях для страны и народа? Их крышевание коррупции, сколачивание миллиардных состояний, публичная ложь, – зачем она? Неужели совсем совести нет, или вправду врагам продались? Кстати: если у тебя есть миллиард – ну сколько же тебе надо, ведь не истратишь, правнукам останется: так хватит же воровать и жульничать, ну отдохни, или живи честно, или уйди на покой, да что ж ты все хапаешь, прорва?..

Для начала констатируем, что разные социальные группы плохо понимают друг друга. И:

Психологическое обеспечение групповых противоречий составляет единое целое с индивидуальным психологическим обеспечением социальной роли.

1. Когда в детстве мы играли в войну, быть фашистом никто не хотел, конечно, все хотели быть нашими: спорили. Но когда фашисты были уже назначены – в них мгновенно просыпалась нехорошая, но искренняя злодейская радость. Мы засучивали рукава, делали зверские рожи, выкрикивали пять известных немецких слов и старались глумиться над партизанами и

патриотами, наслаждаясь своей властью, и страшностью, и гнусностью, садизмом и беспощадностью. Подчеркиваю: искренне получали удовольствие от того, что было нам не просто чуждо – было враждебно и ненавидимо! Э?

2. А вот студенческий стройотряд едет в эшелоне на Мангышлак. И мы, кончившие первый курс шесть орлов, едем в штабном вагоне как «опергруппа» – типа патруля, красные повязки. И раз в час мы, добровольно, по собственной инициативе, из рвения молодого служебного, проходим в оба конца весь эшелон, пробираясь меж полок, и властно смотрим, не нарушил ли кто «сухой закон»: за выпивку – высаживание из эшелона и возможные неприятности с комсомольскими выговорами и т.п. Мы не трезвенники, и не любим начальство, и не гады, мы нормальные, мы как все. Чего мы пытаемся поймать кого-нибудь на выпивке? Зачем оно нам? Пока начальство эшелона, ребята уже по 25 – 30, не уняли наше рвение, чтоб сидели себе тише.

3. И тогда вспоминается опыт знаменитый и страшный. Отобранные добровольцы-испытуемые делятся на две группы: тюремщики и заключенные. Все – здоровые, психически устойчивые, без дурной наследственности, с приличным ай-кью и неагрессивные. И вот одни должны сидеть за решеткой, а другие следить за соблюдением тюремного режима. Срок – два месяца. В любой момент можно отказаться от участия. Опыт прекратили через месяц. Две группы приятелей-однокашников люто ненавидели друг друга, вредя друг другу всеми доступными способами. Тюремщики уже почти увечили заключенных, а заключенные были близки к убийству сук-тюремщиков.

4. А теперь вспомним опыт, когда актер за стеклом изображает приговоренного преступника, а доброволец должен дать рубильником напряжение, причем доброволец думает, что его никто не видит, а шкала рубильника имеет полукруг делений несмертельного напряжения. И почти все не «убивают» преступника сразу, а медленно проходят контактом всю шкалу, и «преступник» корчится от изображаемых мук. Боже. Добропорядочные граждане почти все оказались любознательными садистами!

5. Ну, и в заключение вспомним еще более знаменитый опыт, и совсем не страшный. Про длинную и короткую линии и девять подговоренных участников из десяти. Девять называют короткую линию длинной, а длинную короткой. И десятый не просто колеблется. Но в большинстве случаев не хочет верить собственным глазам, не верит очевидному, а верит большинству мнений.

За каждым из вышеописанных случаев и опытов стоит огромное количество подобных. Большие числа позволяют говорить о закономерностях.

А закономерности таковы.

6. Имеет место правило первое. Социальный инстинкт в человеке часто подавляет и подчиняет себе индивидуальный. Человек *совершенно искренне* предпочитает верить своему окружению, нежели своим органам чувств.

Про это и была сказочка про голого короля, которую мы играем сегодня и ежедневно.

Человек – существо групповое. Быть членом группы – означает придерживаться мнений группы, мировоззрения группы, ценностей группы. Это не приспособленчество, не лицемерие! Это могучий и главный социальный инстинкт сплавляет человеков в группу как единый надорганизм.

Группа должна действовать воедино. Информация – основание для принятия адекватного решения и действия. Группа должна воспринимать и раскодировать информацию единым образом. *Для группы верно то, что ведет к достижению нужного результата.* Единство – первейшее необходимое условие группы для достижения желаемого результата. Поэтому для группы раскодирование информации должно быть в первую очередь единым. Это как принцип единоначалия в бою и беспрекословного выполнения приказа.

Если ты вожак группы – ты можешь трактовать информацию по-своему вопреки всем, и группа обязана послушаться. Если ты рядовой член группы – ты должен думать как все. Так для всех легче, проще, и группа остается единой. Еще раз: это не притворство! не лицемерие! Это – инстинкт.

Рядовой член группы искренне принимает любое мнение всей группы за истинное.

Групповой конформизм – это проявление социального инстинкта.

Групповое единомыслие – это проявление социального инстинкта.

Член группы читает информацию иначе, чем чужой.

Член группы видит мир иначе, чем чужой.

Групповая истина субъективна.

Групповая истина корпоративна.

Я не знаю, как еще доходчивее и проще выразить важнейшую и основополагающую мысль о субъективности корпоративной истины. Здесь необходимо понять последовательность:

Не потому истина, что она отвечает их интересам – а потому и отвечает их интересам, что она истина! и они ее познали и

применили.

7. Стремление к выживанию группы – это закон природы.

Стремление к единству группы – это закон природы.

Стремление к единомыслию группы – это закон природы.

Групповая истина служит групповому выживанию.

Истинность групповой истины определяется ее полезностью для группы. Истинно то, что ведет к результату. (Да: здесь мы имеем дело с прагматизмом в чистом виде, Чарли Пирсу привет.)

Социальный групповой инстинкт мы можем сейчас назвать инстинктом единства. А индивидуальный инстинкт выживания можем сейчас назвать инстинктом самосохранения и инстинктом информационного ориентирования в пространстве, скажем условно. Так и вот:

Инстинкт единства сильнее инстинкта индивидуального выживания. Подумай сам: их много, у них много умов и много опыта, и они все выжили вполне успешно, и ты тоже выживешь среди них, а один, вне группы, без них, ты не выживешь, это смерть. И тогда для тебя *жизнь, истина и общее мнение – сливаются воедино*.

Инстинкт повелевает разумом. Разум обслуживает инстинкт.

Если инстинкт приказывает признать длинное коротким – разум ищет доказательства тому, что длинное коротко.

Групповой конформизм – залог выживания.

Групповое единство видения мира – база конформизма.

8. У группы только одна пара глаз.

У группы только одна пара ушей.

У группы только одна голова.

Много рук, ртов и гениталий.

В этом ее сущность и сила.

9. Влюбленный видит любимую не теми глазами, что все. Так и член группы видит истину. Группа существует в своем измерении, в своей системе координат. Общечеловеческие ценности, мораль, ментальность в группе подвергаются корпоративному искажению. Коррекции. Довороту.

Корпоративное рассмотрение информации отличается от «общегуманитарного». Корпоративное зрение выборочно, как у орла на дальность, змеи на движение и пчелы на цвет. Одно приближается, другое удаляется; одно ярко освещается, другое притемняется. В этом нет злого умысла или индивидуального эгоизма! Это следствие и аспект самого существования группы, ибо и существует она как единый надорганизм для выполнения определенных функций, существует группа только в динамике своего группового действия!

Сущность группы – групповая функция.

Групповая функция определяет отбор и трактовку информации.

Групповое ориентирование в информации – функционально.

Сытый голодного не разумеет.

10. Представьте себя на берегу речки: луг, рощица, небо в облачках, даль безбрежная, и переходит та даль непосредственно в Космос бескрайний, черный и звездный, сейчас не видный сквозь атмосферу. И теперь представьте себе комнату объемом в кубический километр, выгороженную вокруг вас в этом пейзаже. Стены площадью в квадратный километр – не то зеркало, не то картина, повторяющая пейзаж: трава зеленая, рощи, небо в облачках. Потолок в небо расписан. То есть живая природа переходит в выгородку, в декорации неотличимые, отражающие и продолжающие природу. Даже похоже, что стены километровые – это стекло, сквозь которое просвечивает дальше натуральная природа. Но на самом деле – это такое отражение в замкнутом километровом кубе. Но – ощущение простора. Вам этого куба для жизни вполне хватает, вы в середине его находитесь.

Это – ваша зона, обиталище, здесь дом и работа.

Ваше зрение, ваш слух и обоняние, ваши планы построить дачу и половить рыбу, работа ваша и друзья иногда в гости – оно все здесь, в этом километровом кубе. Вся ваша энергия и ваши эмоции – внутри этих стен. Ваши чувства и интеллект – они способны контролировать этот километр, вы снимаете информацию с этого пространства. И все ваши психические реакции и вся значимая для вас информация – в пределах этой кубокилометровой комнаты: за ее стенами другой мир, отграниченный от вас, не касающийся вас, вы по жизни отвечаете только за свой участок, не за всю Вселенную.

Человек – не ограничен своим телом. Человек – открытая система, функционирующая заедино с окружающим пространством обитания. Все окружающее влияет на нас, а мы – на него. Геосфера, биосфера, ноосфера и т.д. – аспекты и срезы того же пространства. И вот ваши эмоции, силы, разум, чувства, – они распределены по этому километру и существуют заедино с ним. Это такой ограниченный кусок мира, объект – где вы субъект.

Вы чувствуете? этот кубический километр – это вы и есть, он наполнен вашей энергетикой, воспринят вашими чувствами. Ваше восприятие, ваше мышление – они имеют форму кубического объема.

Так вот:

Мы не можем одновременно всех помнить, обо всех заботиться, всех слушать. Не можем одновременно всем

заниматься. Не можем одновременно все делать и везде быть.

Мы переходим из одной комнаты в другую. И у каждой комнаты – свой размер и форма, там своя температура и там делаются свои дела. И, заходя в комнату, мы очень быстро адаптируемся к ее условиям. Буквально переключаемся.

Большая комната или крошечная – наше зрение мгновенно настраивается на даль или близь. Жарко или холодно – организм потеет или отводит кровь от поверхностей. В тихой – слух обостряется, а где гремит музыка – слух тупеет, зато ритмы сердца и мозга реагируют. В спальне расслабляемся, у станка напрягаемся.

С жизненными ситуациями, с групповым поведением, с психологией социальной роли – происходит то же самое. Очень быстрая перенастройка психики. Смена психологии со сменой социальной роли. Как костюм переодеть.

Мы переходим из одной социальной комнаты в другую. И психика мигом адаптируется к климату в новой комнате.

Каждой социальной комнате соответствует свой психологический стереотип. Входя в другую социальную комнату, мы меняем психологический стереотип быстро и легко, как костюм. Таков человек с его емкой и мощной лабильной психикой, с его чудовищным адаптационным ресурсом.

11. Человеческая психика подобна конструктору «Лего». Комплекты могут состоять из разного количества деталей, и прочность материала тоже может быть разная. Но в принципе из любого конструктора можно быстро собрать что угодно, вновь разобрать и перемонтировать.

Смена, перемонтирование психологического стереотипа происходит быстро, легко, безболезненно и как бы незаметно для самого субъекта.

12. Обычная цепь такова:

Чтоб что-то делать, надо хотеть. И полагать, что это стоит хотеть, оно неплохо. Или: желание – рассмотрение и одобрение желания – действие. Или оно же: желание – анализ – действие.

Теперь смотрим в ином порядке, очень даже жизненном: сначала – действие. Из меркантильных побуждений, по жизни так вышло, надо чем-то кормиться и т.п., но вообще это кормящее занятие я в гробу видал. Но: если ты что-то делаешь – твой глубинный инстинкт включает и налаживает всю цепь! И тогда уже желание следует за действием: стерпится – слюбится, любым делом можно увлечься, профессиональный интерес можно найти во всем. И тогда разум создает и подбивает под твои действия и желания рациональные обоснования; ибо во всем можно найти положительные, полезные стороны, и всему можно построить

оправдания.

И тогда действие сует впереди себя желание, как платформу перед паровозом на заминированном пути. А за желанием прицепляет перед собой вагон с рациональным обоснованием. А само едет сзади. И сознанию тогда хорошо и спокойно. Потому что все как надо.

Это вроде как улыбайся через не хочу – и настроение улучшится, ибо ощущение напряга тех мышц подсознательно связано с хорошим настроением. Вот и народный рецепт: делай через не хочу – глядишь, оно и захочется.

Наши действия, желания и обоснования связаны устройством нашей психики. Триада.

13. Если человек хочет одно, а должен делать другое, – это называется конфликт между чувством и долгом. Оно же психологическая сшибка. Опять же:

Если он считает разумом, что должен поступить вот так, – ну так он х о ч е т так поступить, испытывает стремление, тягу поступить так. Хотя это и опосредованное желание: он не хочет самого такого поступка – но он хочет, испытывает психическую потребность исполнить свой долг, т.е. поступить согласно разуму, анализу. Психика требует совмещения анализа и желания!

Разлад анализа и желания – это разлад двух желаний разной степени опосредования. Это что? – причина и база невроза. Это мешает действовать, т.е. жить. Психологическая сшибка нарушает функции организма, снижает иммунитет, ввергает в депрессию, провоцирует болезни, и резко снижает вероятность успеха, лишая человека уверенности и сил. То есть: это состояние организму нежелательно. Противоестественно даже. И нормальная психика устроена так, что от этого избавляется. Она принимает конкретное решение! И тогда одно желание утверждается, а другое выбрасывается.

Ликвидация психологических сшибок – это гаечный ключ, которым быстро и крепко свинчивается конструкция психологии социальной роли. Любой роли: лакея, палача, шлюхи.

14. В любых социальных условиях человеком владеют два стремления: самосохранение – и выполнение системной задачи в той роли, которую он занимает в системе.

Фокус в том, что *это двуединая задача*. Ибо сохранить себя можно только в рамках системы, а выполнение системной роли и есть сущность твоего индивидуального существования.

Но это вообще. В больших числах. В социальном и историческом аспекте. На уровне эволюции и прогресса.

А в частности – человек монада самообеспечивающаяся, с огромным индивидуальным адаптационным ресурсом и большим

радиусом свободы воли. Это многовариабельность и автономность монады сообщают социальной системе гигантский запас устойчивости – и гигантские возможности самонастройки.

И в массе частностей индивидуальное самосохранение противоречит выполнению системной задачи. Не хочу на войну, хочу кушать и жениться. Это всем видно и понятно. Явное и конкретное системное противоречие «монада – система» заслоняет итоговое единство «монада – система». Стр-роем, в ногу, запе-вай!! Если только система защитит тебя при опасности – то будь любезен являться полноценным членом системы. Не то все сдохнем, если не сейчас – то при первой же опасности. И:

Стремясь к самосохранению, организм стремится как минимум к самосохранению (какова максима?!). К здоровому нормальному функционированию всех органов.

Поэтому организм стремится к здоровью психики, она всем рулит.

Психика стремится сохранить свою нормальную структуру, нормальный стереотип функционирования. А именно, в рамках нормы:

Восприятие, отбор и оценка информации по важности – сортировка и анализ информации, необходимой для ориентирования и функционирования во внешней среде – выводы и рекомендации к действиям – планирование действий – совершение действий.

Образ действий диктует нашему зрению.

Цель действий определяет, какую информацию мы воспринимаем, а какую сознание отбрасывает. Отбрасывает всерьез, как горох от стенки: психика самосохраняется, избегая уродования.

15. В состоянии аффекта человек неадекватен: психически другой. Он может геройствовать или злодействовать, идти на костер или резать беззащитных. Картина его эмоционального мира искажена, окружающая информация читается им не так, как здоровым человеком. Суд, экспертиза, врач, лечение. И никто не спрашивает: «Как же он мог?» Его эмоции, энергетика и шкала желаний продиктовали ему вот такие выводы из картины мира.

Но он не сумасшедший! Он видит все правильно. Просто акценты сменились. Масштабы разных участков информации изменились. Карта желаний там вздулась, а там опала.

Состоянием аффекта мы считаем такое возбуждение, когда срывает сдерживающие центры. И сознание не властно над желанием. Гормонов и сахара столько, что боль и труд нипочем.

Но. Возбуждение той или иной силы и направленности присутствует у нас всегда. Карта мира и карта наших эмоций

всегда искажена в каких-то участках и направлениях.

Человек в с е г д а видит окружающий мир необъективно, но под углом своих желаний и целей. А также лабильности и мощности своей психики, своего темперамента. Поэтому часто даже дружески настроенным людям нелегко понимать друг друга.

16. Позавтракать в анатомичке, облокотясь на вскрытый труп – шик медика первокурсника. Эмоции страха, брезгливости, суеверия, отвращения – подавляются, вытесняются цинизмом и бравадой, обрести профессионализм врача нелегко. Патологоанатомы – такие же нормальные отличные ребята, как все. Вот только в своем деле не такие, как все: другие в обморок падают и тошнят, а они работают. Ничего. Обвыкли, насмотрелись, принюхались.

А сунь им на вскрытие немедика в напарники – тот лучше в подметалы пойдет.

17. Работая в молодости на промысловой охоте и разделывая туши, я вдруг поймал себя на остраненной мысли, что точно так же можно разделать человека. Тем же ножиком, те же разрезы, тот же спуск крови и вынимание потрохов. Ничего особенного. То же мясо и хрящи. Палач, мясник, охотник за разделкой – один черт, работа. Первый-то раз страшновато. И курице голову отрубить страшно, и барана зарезать. А потом – нормально.

Тогда я и вспомнил бытовой роман Садриддина Айни «Бухарские палачи». Усталые рабочие люди…

Психика быстро прилаживается к обстановке, сохраняя нормальный стереотип эмоций и реакций при любых привычных действиях.

Сознание? А сознание словно блокируется. Работа и работа, делаешь свое дело. Да ножик поточить, да руки в ведре с водой ополоснуть от крови и лимфы, да перекурить раз в час, а то поясница устает. А потом помыться, поесть горячего и попить чифирку через затяжку.

18. Все смертны, всем родных хоронить в свой час приходится. Не дай Боже никому, а куда денешься. И вот эта анестезия чувств знакома с возрастом всякому. Сам делаешь, а сам до конца не осознаешь, а сам как со стороны смотришь. А потом все года вспоминаешь и сам немного не понимаешь того своего остраненного состояния.

И непривычная это роль, да инстинктом запрограммированная. И психологическое ее обеспечение инстинктом запрограммировано. И состояние свое, не совсем адекватное, ты помнишь. И делал ты то, что надо, иногда вспоминая свою деревянную выдержку и покой.

19. В любой ситуации, где можно выжить и функционировать,

психика обретает устойчивый стереотип состояния. Любая экстремальная информация, входя обычной составляющей в эту ситуацию, перестает восприниматься как экстремальная, но будничная.

В расстрельном 38-м году в страшных сталинских концлагерях зачитывание в бараке расстрельного списка воспринималось как еще один пункт распорядка. Расстрел так расстрел.

В 1793 году французские аристократы шутили и рассказывали истории, прощаясь перед гильотиной. Большой террор. Палач был шокирован столь безответственным отношением к смерти.

20. Надо ли удивляться, что в любой постоянной житейской ситуации, в составе абсолютно любой социальной группы, психика человеческая «полагает, что все в порядке»?

Жить захочешь – привыкнешь, и все тебе будет в порядке.

21. Стремление психики к устойчивому, уравновешенному состоянию – это инстинктивная самонастройка организма и избавление от стрессовой ситуации.

Если ты не можешь изменить положение – измени свое восприятие этого положения.

Если ты не делаешь то, что тебе нравится – тебе понравится то, что ты делаешь.

22. И наконец: что такое Истина в этом нашем конкретном, социопсихологическом плане? Не физико-математи-ческая, не археологическая или естественнонаучная. А Истина в плане человеческого общежития?

Вообще: соответствие наших представлений о действительности самой действительности.

В нашей частности: соответствие наших представлений о благе, справедливости, морали, счастье, – им, родимым, какие они есть в действительности. Оп: а в действительности они относительны и субъективны. Корректируются социумом и группой. Не считая индивидуальных различий.

Социальный инстинкт повелевает члену группы видеть благо, справедливость и мораль в том, что приносит наибольшую желаемую пользу наибольшему количеству членов группы и группе в целом. И ему самому! – поскольку он тоже член группы!

И этот феномен, простой, как мычание, и древний, как земля, этот феномен, известный на уровне факта всем нормальным людям, – тем же людям все-таки непонятен. «Ну почему они так… гады?»

23. Вот рухнул СССР, настала рыночная Россия. И это же поразительно – сколько умных образованных людей

отождествляют благо страны с собственным!!! Нет – не политики, не бизнесмены, хрен бы с ними. Режиссеры, журналисты, художники: «Вот тогда я ничего не мог, а теперь я вот как хорошо живу, так что все хорошо в стране». Пенсионеры, официальные писатели, офицеры: «Раньше я был человек, и жил достойно, и труд мой ценился, а теперь все воровство, нищета и дерьмо».

Они не тупы. Они не жлобы. Они искренни! Они эгоисты не больше других. Они мерят мир критериями своей группы. Это инстинкт.

24. Стадный инстинкт – это пг'еинтег'еснейшая разновидность социального инстинкта. Сформулировал это выражение в научном смысле впервые британский хирург в I Мировую войну.

На миру и смерть красна. За компанию и жид повесился.

Стадная истина решается голосованием.

И:

Вся эмоциональная сфера человека сообразуется таким образом, что стадная истина эмоционально обслуживается точно так же, как религиозная священнику, научная ученому, моральная интеллигенту.

То есть: это Истина! – и все тут.

25. Что такое социальная истина? А-А-А-А!!!:

Социальная истина – это Категорический Императив.

26. Для того, чтобы группа могла существовать, ей нужна не просто единая система взглядов, – ей нужен Категорический Императив. Жестко повелевающий по ряду моментов придерживаться вот таких единых взглядов, и никак иначе.

Категорический Императив – есть необходимый системообразующий элемент любого социума. Стержень. Игла Кащея.

27. Разные социальные группы естественно необходимы для культурной эволюции социума, повышения его энергопреобразовательной деятельности. Разность групп повышает социальный энергопотенциал.

Противоречия и борьба между социальными группами – они источник социального развития, прогресса культуры и всякого такого.

Разность категорических императивов, т.е. идеологических стержней социальных групп, есть объективная заданность.

Групповая истина – это развертывание группового категорического императива.

Групповая психология – это реализация группового категорического императива через психологию членов группы.

Психологическое устройство человека (с индивидуального

конца) – соответствует разногрупповому устройству социума (с общесоциального конца).

28. Таким образом, и шлюха, и палач, и банкир, и бомж живут в нормальном мире, который в принципе ничем не отличается от твоего. Деталями отличается. А чувства те же, и отношение то же. И каждый познал н о р м а л ь н о с т ь с в о е й ж и з н и.

29. И. И. И. Каждый средненормальный *человек рассматривает интересы страны и народа только и исключительно в том секторе, где расположены его собственные интересы*. Там его эмоции и мысли. Там его категорический императив. Там живет его группа, и края ее обитания – это границы его сферы достижения.

Поэтому.

Главвор во власти – искренний патриот! Он любит родину и работает на ее благо день и ночь. Но! Только в том секторе, где лежит интерес и польза его группы и его лично. За пределами этого сектора он не видит ни родины, ни ее пользы. Это – далеко, туманно, абстрактно, необязательно, и совершенно непринципиально, и невозможно по целому ряду объективных причин.

Истина вора – зона воровства. А патриотизм – это пожалуйста.

Поэтому миллиардер кует бабки. Этим занято все его окружение! Они это обсуждают, завидуют успехам друг друга, сравнивают яхты и замки. И чтоб ощущение дела! – а это уже только от движения миллионных потоков. Ну, есть такая профессия – миллиарды воровать! И здесь – свой кайф, и профессионализм, и чувство власти, и самоутверждение, и все как у людей. А кушать можно бутерброды с колбасой, не в этом суть.

30. Вспомним кубокилометровую комнату с тобой посередине и сформулируем к завершению:

Весь эмоциональный ресурс человека распределяется по объему и форме его существования, действия, внутри их границ.

А также:

Весь интеллектуальный, рациональный ресурс человека распределяется по объему и форме сферы его существования, функционирования.

А также:

Весь физический, энергетический ресурс человека реализуется и расходуется в пределах объема и формы его сферы существования.

И то, о чем говорилось в этой главе:

Психологический ресурс человека,

в принципе принимая форму мотивировок его действий,

и в принципе выполняя функцию соединения поступающей информации с предпринимаемыми действиями,

в принципе диктует отбор и угол анализа информации и такой образ действий,

которые наиболее эффективны в пределах объема и сферы существования и функционирования человека.

Dixi.

Или оно же:

Психологический ресурс человека принимает форму системы психологических мотивировок для действий, целесообразных и эффективных в сфере группы и системе группы.

То есть:

Психология так выстраивается, чтобы в этой природной кубокилометровой комнате оптимально обслуживать органы чувств и удовлетворение всех потребностей в тех формах и объемах, что эта кубокилометровая комната может предоставить. То есть: психология подгоняет себя под жизнь в этом кубе, максимально пристраивается обслуживать все действия, которые к форме и объему этой комнаты наилучше подходят. И одновременно – обратной связью – психология пристраивается получать максимальное удовлетворение, максимальные потребные комплексы ощущений – от тех действий, которые в этой кубокилометровой комнате возможны, эффективны, получаются, необходимы.

Функция нуждается в психологическом обеспечении – функция диктует психологическое обеспечение.

Информационный стереотип, психологический стереотип и функциональный стереотип жестко коррелируют.

То есть:

31. В одной и той же окружающей среде две группы (системы) для выполнения двух разных функций – выбирают для анализа и ориентирования два разных информационных блока – и два разных соответствующих им психологических стереотипа, мотивирующих связь между избранной информацией и намеченным действием.

Обе группы (системы) испытывают те же отрицательные эмоции от недостижения цели и те же положительные от достижения. Психическая структура личности остается та же. Мотивационная модель остается та же.

Разница психологических стереотипов лишь в том, что избирается разная информация для загрузки на входе – и намечены разные действия для выгрузки на выходе. А суть механизма одна.

32. Разные действия и коррелируемые им разные психологические стереотипы – диктуют доминирование для них разных информационных блоков окружающей среды.

И если волку несравненно важнее и естественнее съесть зайца, нежели сдохнуть с голоду – то для зайца нет сомнений, что его спасение куда важнее смерти поганого волчары. При этом оба они патриоты родного леса и пацифисты.

Точно так же ты предпочитаешь выпить чашку кофе – не думая даже, что эти деньги можно дать на буханку хлеба для спасения умирающего ребенка в Африке. Африка далеко, всех не накормишь, а выпить кофе на свои трудовые ты имеешь право. А твой банкир имеет право в кризис кинуть тебя и заныкать твои деньги. Всех не пережалеешь, а поддерживать свой законный банковский бизнес надо.

33. Разность групповых интересов повышает возможности переделывания мира во все направления и всеми формами. Т.е. работает на повышение культурной эволюции и в конечном счете энергоэволюции.

Разность групповых интересов есть один из стимулов для большего напряга сил каждой группой и совершения бóльших дел каждой группой.

Разность групповых интересов – это конкуренция и естественный отбор, неотменимые факторы человеческой и культурной эволюции.

Разность групповых интересов повышает возможности выживания социума в катаклизмах.

Разность групповых интересов – это эволюционный ресурс социума: природа сама отберет, в какую сторону двигаться дальше; и природа сама отберет, что останется и пойдет в развитие при катаклизме, изменившем условия жизни и сгубившем многие другие группы.

34. Н-ну-с, а чтоб человек, член группы, монада системы, напрягал в группе все свои силы и пахал во всю мочь, – он должен быть свято убежден в ценностях своей группы! В истинности ее образа действия, в правильности ее целей и действий!

Вот он и убежден.

35. Похоже, что:

Психологическое обеспечение социальной роли – это проекция корпоративной модели на индивидуальную психологию;

это субъективная картина мира, определяемая корпоративным отбором и анализом информации;

это корпоративная целесообразность в качестве личной сферы достижимых целеположений, т.е.:

корпоративная целесообразность – это объективная цель корпорантов;

и психологический стереотип, свойственный группе, становится личной психологией человека.

36. Истина группы, как откорректированная информация об окружающем, – с принятием психологического стереотипа есть искренняя индивидуальная истина члена группы.

. . . . . .

(*Заметки на полях:*)

– Психическая сущность ценностной ориентации: что важно и что не важно, с чем считаться и с чем не считаться, что останавливает и что не останавливает.

Четкая связь:

нужность информации
желаемость информации
важность информации
истинность информации.

Нужность определяет желаемость.

Желаемость определяет ценность.

Ценность определяет истинность.

Информационная картина окружающего – комплексная и комбинированная: те же элементы разными группами воспринимаются в разном масштабе как разные массы и силы. – Мир зайца и мир волка – это два немножко разных мира.

Все групповые картины мира истинны. Но соотношение элементов этих картин масштабно разное. Как карты в проекции Меркатора и других. Как круг местности, приближенный биноклем. Заячья жизнь для зайца и волка – ценности разного масштаба, хотя в принципе сходны. Вообще ты любишь птичек, а в частности любишь цыпленка табака. Если, покупая сорочку, ты не думаешь о нищем индусе, который ее строчил за грош, – почему богач, покупая бриллианты, должен думать о пенсионере без лекарств?..

– Групповые противоречия – это разность социальных потенциалов, источник социального развития, аспект социальной энергии.

– Мораль – это групповая истина как ценностная система и шкала приоритетов. А групповая истина – это максимум пользы для максимального числа корпорантов.

. . . . . .

<Комментарии к информации:>

1. Канцлер Германии негодующе высказалась в адрес немецких солдат в Иране, которые фотографировались с

найденным черепом в руке. Осудить и наказать! За циничную аморальную браваду! Садистские прихваты, понимаешь… – Но, милые мои! Долг и профессия солдата – быть убийцей по приказу, и убивать указанного командиром умело, профессионально и эффективно! И психология солдата мигом формируется в психологический стереотип бойца, воина, вояки, – сильного, наводящего страх, смертоносного для врагов! – Уволившись из армии, солдат опять становится законопослушным гражданином, работником, заботливым родственником. Бравирование атрибутикой смерти и жестокости – неотъемлемый аспект солдатской психологии! Ей манко быть инфернальной. Дьявол, кости и череп, мы смертники и расходный материал, трепещите от ужаса перед нами! – это необходимая часть психологии бойца!

Человек не машина, его психологический стереотип целен, солдат – не святой, убивающий со вздохом и кающийся всю жизнь. Если солдату не нравится быть бойцом, не нравится наводить страх на врагов, реальных либо воображаемых, не нравится сеять смерть среди врагов, реальных либо воображаемых, – это не солдат, это психологический брак, это моральная эклектика, ошибка природы.

2. Тридцатилетним старшим лейтенантом запаса я был призван на двухмесячные офицерские сборы. Только приехав в гарнизон и переодевшись в х/б, курим мы в тени, полста учителей и инженеров, семейные интеллигенты. И вдруг! – через плац! – в просвечивающем платье! – проходит молодая женщина! И мы все дружно ведем ей вслед носами и восторженно тянем: «У-у-у!..» Ну, будто год бабы не видели, будто одичалые пацаны. Аж сами поразились. Мгновенная смена стереотипа: женщина через полк идет! Армия тут… И все здесь иначе. И женщина тут выглядит иначе, и отношение к ней иное. И ценности тут другие. И баба – ценность особая, огромная, редкая, завидная. Мало их, практически нет, не подкатишься. Не важно, что все только от жен, не важно, что не красавица. Ты в полку, ты в солдатской шкуре, и изнутри этой шкуры ты видишь мир солдатскими глазами. Стереотип уже в твоей сущности, как марсианин в твоем сознании!

И в столовой мы, как в детсадике, закатывали бенц повару, если порции казались маленькими или печенье (пять печенок самых дешевых, маленьких!) из офицерского доппайка забыли выдать. Взрослые мужчины с высшим образованием, насмешливо относящиеся, вроде, к этой «игре в солдатики». Ценности и поводы относительны – стереотип непреходящ, приняв форму ценностей солдатских, наличных, реально доступных.

3. Ничего приятного в том, чтобы отрезать барану голову, нет.

Есть захочешь – зарежешь. И вот мы, обычные мужички, скотогоны, раздобыв выкинутый кем-то дешевенький фотоаппарат «Смена-3», фотографируемся – позируя зверски с отрезанной головой в одной руке и ножом в другой, подражая «зверствам Иностранного Легиона» в советских газетах. Мы дебилы? Нет, вроде… Игра такая. Уж если все равно резать – и вдруг тебе весело и кайфово выглядеть крутым резателем, которому кровь нипочем, и жизнь чужая нипочем, и вообще ты головорез и оттого балдеешь. Тебе приятно шокировать этим слабонервных гуманистов. Нейтрально-неприятный поступок вдруг прорастает в тебе неким… нет, даже не желанием повторить его – но удовлетворением от роли совершателя этого поступка.

Желание испытывать удовлетворение от себя в качестве совершателя конкретных поступков – имманентное качество человеческой психологии. Оно остается основой, осью, несущим каркасом любых психологических стереотипов, меняющимся в деталях мгновенно и легко.

4. Проститутки разговаривают между собой – с чуть дополнительной ноткой взаимоуважения, взаимопонимания и взаимосочувствия (когда не ругаются, конечно). Опущенные другими. Их общение выткано по канве корпоративной солидарности. К уважительным профессиональным ценностям относится умение развести клиента и закосить оплаченное время. А клиенту подаются как достоинства, скажем, прибытие девочек этой фирмы точно в срок или высокий профессионализм процедур. Это обычный профессиональный кодекс! Он может быть наполнен дойкой коров или шитьем обуви. Просто в данном случае он наполнен проституцией. А стереотип тот же!

Вот и психологический стереотип проститутки тот же. Работа есть работа. Радости и неудачи в работе в принципе везде те же. Детали не принципиальны. Принципиальна сама структура ценностей и отношений.

(Хотя, конечно, поскольку группа нелегитимна и социально неравноправна, – присутствует не комплекс неполноценности даже, а комплекс именно социальной ущербности своей профессии…)

5. Милиционер может рассказать, сколько есть профессиональных способов изувечить или убить человека и остаться по суду безнаказанным. Упасть на землю, выстрелить в воздух, второй выстрел – в человека: чтоб траектория пули была снизу, из падения. Потом рвануть на себе одежду и дать себе по губе. При отсутствии свидетелей или равном их количестве с той

и другой стороны – по экспертизе ты был сбит с ног и защищался, произведя предупредительный выстрел. И т.д.д.д.д.

Мент – садист? Отнюдь. Нормальный парень. Он живет в ментовской группе корпоративных ценностей и взглядов.

6. Как омоновец бьет дубинкой по голове пенсионерку?! Молча, с размаху. Как учили. Работа есть работа, неслушающиеся люди есть неправильно себя ведущие, мешающие, не понимающие, выводящие из себя, враждебные, должные быть вразумлены, наказаны, приведены в надлежащее положение. И вся моя команда, взвод и рота, и командир полка, и министр Внутренних дел, государство и правительство так считают. Я – действую по Конституции, охраняю правопорядок, имею приказ, предупреждал мирно. А они – несанкционированно, беспорядки мутят, нарушают Закон. Сто раз не поняли!! Ну, врезал им, аж за жопы схватились – и мелкими скачками!

7. Прекрасно у Джером Джерома в «Троих в одной лодке». Трое друзей гребут на лодочке – и так и взорвали бы вонючие пароходы, которые нагло сгоняют их с фарватера! А потом едут на пароходе – и так и утопили бы пару лодчонок, нагло болтающихся под носом и мешающих! Шютка? А всерьез: смена ценностной ориентации диктует смену мировоззрения.

8. Друг-собутыльник. Боец-задира. Бригадир-трудяга, футбольный фанат. Сын. Муж. Отец. И каждой социальной роли соответствует свой стереотип поведения и ценностей. И свой психологический стереотип, диктующий свою систему отношений. Психологические стереотипы могут меняться мгновенно – с выражением лица. Суровому директору звонит внученька – подчиненные аж удивляются его лицу. Исполнитель-расстрельщик может до слез переживать, что друг-сослуживец на услугу ответил ему черной неблагодарностью.

9. Нервная система, получая информацию от органов чувств, мигом корректирует функции организма, адаптируя к холоду снаружи, или жаре внутри, или предмету вблизи, или пейзажу вдали, или напрягая мышцы под нагрузкой, и т.п. Тут же меняется физиологический режим, режим функционирования организма, так сказать. Жрешь больше или меньше – организм перенастраивается больше-меньше переваривать, запасать, пускать в энергию сразу.

Смена психологического стереотипа – это адаптация высшей нервной системы, адаптация разума и эмоций, к сменившемуся образу действий, к сменившейся информации и новой группе.

10. Блокадные ленинградцы знали, как изменяет голод сознание и мысли человека. Еда становится главной ценностью, все мысли вращаются вокруг доставания еды, сравнительных

достоинств разных продуктов, способов утолить голод. И без того ослабший интеллект дистрофика структурируется вокруг проблемы питания. Абстрактные ценности исчезают, интеллектуальные ценности растворяются. Сознание занято проблемой выживания, то бишь прокормления, и психика заточена на это.

11. Ипохондрия – это человек зациклен на своих болезнях, реальных и мнимых. Грань, за которой мнительность переходит в психопатологию, неопределима. Здоровому человеку ипохондрик несносен или смешон. У здорового человека – нормальная система ценностей.

Да? Вот ему доктор сказал такое, что он побелел. И – весь мир для него изменился! И ценности сменились. И суета тщеславия его больше не интересует. И смерти он больше не желает даже лютым врагам, пусть все живут… И к малейшим симптомам своим он прислушивается с надеждой и страхом. И теперь он живет своим здоровьем и своей болезнью. Друзья и родственники качают меж собой головами: что сталось с нашим железным и мудрым… Диссертацию забросил, а читать хочет забойные боевики, отвлекают и увлекают, и по телику боевики хочет.

Стресс меняет психологический стереотип как кузнечным молотом сминает. Человек становится не адекватен сам себе. И это всем понятно.

12. Вчерашний раб – худший хозяин. Со сменой стереотипа он превращается из угнетенного в сущую сволочь.

Как только Дон Кихот освободил каторжников, страдальцы стали гадами и показали ему кузькину мать.

В России любили жалеть арестантиков. Арестантики бежали, освобождались, и резали жалельщикам глотки и кошельки. А пока страдает – уж так мил!..

13. Русский человек угнетен чиновником. Вот он сам становится чиновником – и через два года эту сволочь невозможно узнать со стороны. Стереотип бесправного гражданина сменился стереотипом государственного вершителя, плюющего на мешающие конкретности.

14. Зулусское сальто: если бью я – это хорошо, если бьют меня – это плохо. Искренне!!! Вот обнаженный каркас смены психологического стереотипа.

Психологический стереотип преступника и жертвы взаимозаменяются особенно мгновенно. И тут же сопровождаются сменой всего мировоззрения!

15. Характерно: именно великие злодеи, впав в великие страдания, видели из глубин мир совсем иным, чем с вершин зла,

и порой становились великими святыми. Смена стереотипа – смена ценностей – смена видения мира – смена Истины.

Таки каждому свое…

Падение цивилизаций

Пища

«Человек есть то, что он ест», – шутка старая. Еда – не просто носитель энергии: энергия продукта в результате сказывается на том, что делает человечество, чего достигает, какой след оставляет в истории.

Цивилизация Двуречья и Ближнего Востока встала на пшенице и ячменном пиве.

Эллада – это пшеничный хлеб, виноградное вино и оливковое масло.

Дальний Восток – это рисовая цивилизация.

Рим – это греческое меню плюс свинина. А когда легионеры получали жареное мясо, но были перебои с хлебом, они бунтовали.

А вот сидевшие на кукурузе, картошке и помидорах обитатели Америки оказались тупиковой ветвью человечества и сошли со сцены. Колеса не знали, лука не имели, с письменностью тоже была большая напряженка, – весьма примитивные ребята, хотя были многочисленны, имели огромные государства и жили в хорошем климате.

Из этого напрашивается известный вывод, что состав питания сказывается на умственной и вообще нервной энергии. Боец жрет мясо и дерется здорово – таковы большинство кочевников свободных племен, но организоваться в стройное войско не может – либо ума мало, либо спеси много. Мясоед в конечном счете проигрывает рисовой или пшеничной цивилизации; когда она сгнила – он может сокрушить останки, но сам ничего не создаст – пока через века сам не станет хлебоедом.

Отдельный человек может пополнять энергию, питаясь хоть лягушками и дождевыми червями – и оставаться сам собой. Но посади на такую диету весь народ – и вскоре соседи обгонят его в развитии.

То есть состав белков, жиров, углеводов и витаминов – это еще не все. На больших свершениях всего народа, то есть на количестве общего конечного выхода энергии, обязательно сказывается, что именно народ сует в рот.

Рисовая цивилизация Дальнего Востока более тонка, изощренна, духовна и интровертна, чем европейская.

Пшеничная – интеллектуальна, агрессивна, экспансивна, в конечном итоге более созидательна, более преобразующая мир.

Могут возразить, что мудрец питается сухой корочкой, да и великий государь иногда ест скудно и просто. Да, но они – дети мощной цивилизации, энергия сидит в их генах, они от рождения

энергичны умственно, а корми их семь поколений капустой – и бери бедолаг голыми руками.

…Сегодняшняя проблема евроатлантической цивилизации – переедание. Медицина рекомендует: мучное, сладкое, соленое, жирное, тяжелое мясо – вон. Есть фрукты, овощи, простоквашу, рыбу.

Оно бы конечно. Живешь дольше, болеешь меньше, выглядишь лучше.

Но. Соль, хлеб, сахар – повышают энергопотенциал клеток. Мозг на них работает активнее. Для личного здоровья вредно, а для свершений человечества – полезно. XIX век, век великого научно-технического рывка Европы – век сахара. Да, кариес и ожирение, а компьютер изобрели и в космос летаем.

Соль всегда ценилась. Животные приходят за сотни километров, солончаки лижут. И вообще человек стал человеком на печеных корнях и жареном мясе.

Картошка, кукуруза, помидоры – «тупые» калории. Их поедатели пороха не изобрели. А на соленом сыре, лепешках и вине совершались великие походы и поднималась культура.

Так что на фиг все консерванты и любую синтетику, а также модные диеты и новшества типа «раздельного питания» (хлеб сегодня, сыр завтра, мясо вчера). Комбинации питательных веществ человечество отбирало тысячелетиями, и результат вполне впечатляющ, если глянуть вглубь истории, а потом – по сторонам.

Когда-то германцы ели исключительно бычье мясо и хлеб, и перед ними содрогалась Европа. А потом, забравшись на самый Север, стали сеять веками неприхотливую рожь и ловить морскую рыбу. Смотрите теперь на вялых исландцев и датчан – прямых потомков. А калорий и витаминов – выше крыши.

А французы ударились в изощрение своей кухни, развели сотни соусов, налегли на устриц с улитками, и теперь найти среди этого славного некогда и куртуазного народа красивого энергичного человека – задача для серьезной разведывательной сети. Есть несколько, так они кинозвезды. Кто не верит – пошляйтесь по Парижу или освидетельствуйте экскурсионную группу из Франции: парад уродов.

В чем тут дело – наука пока не в курсе. Но связь между питанием народа и значительностью его истории – несомненна. Собственно, всегда были рецепты: что кушать для силы, что – для любовных подвигов, что – для лучшего соображения. Но это частности. А базовые продукты – см. выше.

Аура у них такая. Или клетки так устроены. Или процесс переваривания и всасывания проходит чуть-чуть иначе, а это уже

влияет чуток на функционирование всех органов, на возбуждение центральной нервной системы, на нужное наличие или наоборот, отсутствие микромутаций – вот что-то в таком духе. Организм устроен сложно, сам человек внутри себя этих микроразностей обычно не замечает.

А и гурманы, и аскеты – вырожденцы. Историю делали люди, любившие есть вкусно и нормально. Пшеничный хлеб грубого помола, сыр (лучше козий или овечий), мясо, оливковое масло, натуральное виноградное вино (лучше с водой). Соль, сахар.

И еще – насчет не есть на ночь. Вы видели животное, которое скачет после еды? Или такое, которое проснется – и ну жрать?

С утра аппетита нет ни у кого, кроме отдельных крупных жвачных – им утробу постоянно набивать надо. Разминается, пьет воду, расхаживается. А наевшись – всегда отдыхает. Переваривает и усваивает.

Совет насчет плотного завтрака, а ужин отдать врагу – когда утром этот завтрак не лезет в глотку, а вечером сосет в животе – это не лучший совет. Это совет насиловать организм для его же, значит, блага.

Человек, который заботливо и педантично поступает вопреки физиологическим желаниям собственного организма, тщательно сберегая здоровье (под вопросом) и зацикливаясь на этом – тем самым уже отвлекается от сосредоточенности на главных делах жизни. Балерины не считаются, у них профессия такая.

Черчилль неукоснительно спал после обеда, был толст и дожил до девяноста.

Пищу можно рассматривать с точки зрения нужды для: здоровья и долголетия; физической мощи; удовольствия; любовного пыла; мудрости; максимальных свершений индивидуума; *максимальных свершений народа*.

Мы рассматриваем все с точки зрения **доминанты существования человечества.** Давно известно: для одного надо одно, для другого – другое (……) (лекарства, устрицы, белки и протеины, голодание для просветления духа и пр.) Генеральная линия, генеральная нужда – чем питались великие народы.

Еда, как говорил Мечников, это самое интимное общение с окружающей средой, а уж он-то понимал.

Жизнь крепко меня ударила, но сейчас я ударю по жратве еще крепче.

Метисы

Сегодняшняя наука не знает, почему одни гены являются рецессивными, а другие – доминантными. Она это только констатирует.

Так же наука не знает, почему гибриды от скрещения разных пород одного вида оказываются более жизнеспособными. Селекционеры лишь стараются, и часто очень успешно, путем скрещения пород одни признаки передать по наследству и усилить, а другие отбросить или нейтрализовать. На уровне анализа это может сводиться к изменению хромосомного набора – что на шаг вглубь проясняет механизм появления новой породы, но ничего не объясняет по сути.

Точно так же известно, что имбридинг ведет к дебилизации и вырождению – что у животных, что у людей. С вырождением свиного стада справиться легче – или плюнуть и съесть, или купить хряка со стороны. С вырождением царствующих фамилий сложнее. Лошадиные челюсти и идиотские глазки Габсбургов, скажем, неплохое тому подтверждение. Разветвилась фамилия по всем дворам Европы, а взять в родню прачку или охранника обычай, понимаешь, не позволяет и политика не рекомендует.

Свежая кровь! Влить свежую кровь! Подать сюда бродячего рыцаря, заморского принца, буйного варвара – проходной мотив в стонах аристократий, вырождавшихся в длинной череде династических браков с себе подобными.

Люди из опыта всегда знали, что от представителей двух разных народов рождаются хорошие дети – которые в среднем превосходят детей одного народа. Всегда были разговоры о красоте, или силе, или здоровье, или таланте «полукровок». Вот как-то получается, что от двух родителей такой ребенок наследует в общем скорее лучшие черты каждого, чем худшие. И более того: от двух хилых, но разных кровей, разных национальностей, родителей – рождаются дети, явно превосходящие обоих, – и откуда что берется, понимаешь. Это правило селекционеры тоже давно знают.

Шо мы имеем в таком браке смуглого темпераментного азиата с альбиносистой флегматичной скандинавкой? Здоровенную разницу мы имеем. А что такое здоровенная разница? Это разность потенциалов, это энергия – энергия содержится в самом совмещении различных частей, в потенциальной возможности произвести работу по стиранию этой разницы между двумя частями, по приведению двуполярной системы в состояние однородности. Здоровенный энергетический

заряд мы имеем, когда падают в койку две очень разные особи. (Сейчас мы имеем в виду разницу национально-расовую, а не половую, хотя и половая разница стреляет по тому же принципу, но об этом в другом месте.)

«Противоположности сходятся», – давно сказал народ, не вдаваясь в анализ этого явления. Так стремятся друг к другу разнозаряженные полюса! Каждый стремится обрести в другом то, чего нет у него самого, и реализацией этого природного стремления двоих к единству является ребенок.

И в этом ребенке больше энергии, чем было в каждом из родителей. Ибо энергия разнородной пары выше, чем однородной. Только и всего. Энергия эта и являет себя через ум, талант, красоту и пр.

Потому всегда и знали, что хороши бастарды, дети любви, – ломались перегородки, сильнее стремились друг к другу разные, не из одной корзинки, люди.

Такова суть – на самом общем уровне.

И поэтому, кстати, почти все великие цивилизации появились из встречи и смешения двух или более разных народов. Разница – дополнительная энергия – «улучшение породы» – развитие нового, мощного народа. Германцы с кельтами, славяне с германцами, ахейцы с дорийцами и т.д. На то есть отдельные исторические и этнографические исследования – которые констатировали, но не делали выводов. Энергетической основы природы они еще как-то не понимали.

Государство и ландшафт

Задолго до Шпенглера и Тойнби с их теоретическими анализами люди знали – всегда знали, собственно, тут и знать нечего, – что для приличного, перспективного поселения нужно такое место, где есть вода, и лес неподалеку не повредит для охоты, строительства и топлива, и морской берег для сообщений удобен, и кусок равнины нужен для пашни, и горы не повредят от соседей перекрыться на всякий случай. Вот цивилизации и возникали на совмещении двух или более ландшафтов: все государства Средиземноморья – это море, пашня, лес или тростник, обычно – гора для крепости; славяне – река, лес, пашня; и т.д. Средь бескрайней степи или сплошного леса много не наковыряешь.

А что означает разнородный ландшафт? Это означает его повышенную (по сравнению с однородным) энергетичность – то есть возможность его перемен уже самой природой, возможность произведения природных работ: степь зарастет лесом – или наоборот, лес отступит перед степью; море смоет и захватит берег – или наоборот, море обмелеет и берег наступит вперед; река пересохнет – или размоет огромное русло, ветвленую пойму. Разнородность и энергетичность – это ведь отчасти синонимы: одно может сравняться с другим, при этом происходит определенная работа, и система видоизменяется внутри себя в сторону уравнивания, однородности, энтропия ее увеличивается, а энергия, частью своей произведя изменение, уменьшается. Разнородный ландшафт в этом смысле подобен заряженной батарее с ее разностью потенциалов на полюсах, а однородный – разряженной батарее: потенциалы полюсов равны, и, считай, ничего она не может.

Если прибавить климатическую разность времен года и разницу дня-ночи в температуре и влажности, то энергетичность ландшафта становится еще понятнее и очевиднее.

По-простому получается так: разнородный ландшафт дает человеку больше возможностей. Начиная с того, что у него есть великая возможность произвольного маневрирования своей энергией в любом направлении, называемая свободой: хошь землю паши, хошь лес вали, хошь корабли строй, скот паси, по морю плавай. А разность занятий – это разность потенциалов цивилизации: растет ее энергетика!

Энергетика человека подключается к энергетике ландшафта – и тогда получается прущая энергетика цивилизации; вот к чему мы гнем.

Народы однородного ландшафта – степи, гор, тундры, джунглей – ничего круто цивилизованного создать не смогли. Глупы, вялы? – отнюдь: и сметливы, и горячи бывают. Условия не позволяют? – Верно, можно так сказать. Но к чему эти условия сводятся в целом? – К низкой энергетичности ландшафта. Хоть тепло хоть холод, хоть степь хоть джунгли – нет разности потенциалов. Ни в тундре, ни в горах – не дернешься, выбор не сделаешь, туда-сюда не побегаешь из одного в другое, и к возможности изменения ландшафта не подключишься – нечего в нем изменять. Только вписываться, приспосабливаться. Пасет чукча оленя, а горец – барана, вот и вся любовь.

Конечно, есть «торговля – двигатель прогресса». Торговая связь – это как проводок от одного аккумулятора к другому: ток течет, разность потенциалов образуется, народ однородного ландшафта становится частью энергетической системы, самим своим наличием повышая ее энергетику.

Конечно, есть «Вызов-и-Ответ»: ландшафт должен иметь некоторую суровость, оказывать человеку некоторое сопротивление, чтоб тому надо было покумекать и потрудиться, чтоб выжить; а то в райских условиях и трудиться незачем, и думать. Европейцы на Таити часто «объедались лотоса»: на фига работать, если и так приятно.

Конечно, есть и обратный предел: на вулкане не очень проживешь, хотя энергии в нем полно.

Но главным остается: именно разнородный ландшафт уже сам по себе «изготовлен» и «заряжен» для самопреобразования – и человек использует эту заряженность, подобно тому как использует для плавания судна энергию стекающей в реке воды.

Человек, можно сказать, способствует выделению энергии, уже содержащейся в разнородном ландшафте. Эта энергия ложится одним из оснований начала и развития цивилизации.

А далее по мере развития цивилизации ландшафт «вырабатывается»: сводятся леса, истощается почва, мелеют водоемы – это обычно называется «хищническим уничтожением природы» – и отжившие цивилизации оставляют по себе пейзажик, где энергией не подзарядишься; но это уже история известная и понятная. Что и сопровождается, заметим, падением рождаемости и ослаблением государства.

Закон 2

С незапамятных времен – а с римского времени уже и с запамятных – проблема изначального происхождения Закона весьма возбуждала умы к поиску и размышлению. С одной стороны, это люди сами измысливают, вырабатывают и устанавливают законы. Как захотят, значит, так и сделают. Человеческий фактор.

С другой стороны, человеку изначально, от природы, свойственны некоторые потребности – питаться, размножаться, поступать к своей пользе – и удовлетворение их есть закон природы. Так что законы о частной собственности, семье и свободе распоряжаться собой необходимо вытекают из природной сущности человека. Возникает «естественное право».

И происходит чудесный процесс законотворчества. Люди выбирают по возможности самых умных и порядочных промеж себя – и доверяют им составлять законы. Законотворцы оправдывают доверие. Руководствуются справедливостью, равенством и всеобщим благом. И чтоб Закон был един и обязателен для всех, невзирая на. Поэтому дадим Фемиде аптечные весы, а глаза завяжем – чтобы взвешивала деяния на весах Закона, не подглядывая и не различая кто там именно совершил то, за что судят.

Дух Закона ясен, буква прописана – за работу, товарищи.

И тут начинаются противоречия, неискоренимые в принципе. Противоречия буквы и духа. Не всегда. Не в большинстве случаев – поначалу, по крайней мере. Но часто. Регулярно.

Вот Франческа да Римини устроила смерть отца – изверга, насильника, кровосмесителя, – чтобы спасти род от несмываемого позора, отца же от позорной казни, или, как вариант, себя и прочих возможных невинных жертв от незаслуженных мук и смерти. И – дело тамошней уголовкой было раскрыто. Народ рыдал от жалости, палач сморкался, но голову несчастной отрубили. Хоронили – весь город в цветах. А что делать? Закон должен быть соблюден. Отцеубийца.

Закон – это такое прокрустово ложе, где со стороны головы пристроена гильотина.

Должен д'Артаньян по законам чести вызвать оскорбителя на дуэль? А як же. А должны ему по законам Франции отрубить за это голову? Увы. Он-то, конечно, с помощью Дюма выкручивается, но головы реальных дуэлянтов при Ришелье летели горохом. И все были против бы – но Закон, понимаешь…

То есть. Фемида заведомо не видит конкретного человека.

Закон служит справедливости и благу как бы по «закону больших чисел». Служит народу и стране в целом. И в целом выходит все более или менее правильно. А частности – ну что ж делать, издержки производства. Лучше ничего придумать невозможно. Судить по уму и совести – так ум и совесть возможны в вариантах, а уж взятка раздвигает диапазон этих вариантов до бесконечности.

Так: пока все ясно, пока все понятно, все само собой, к чему это ведется? Еще полминуты!

Люди не хотят мириться с несовершенством и после каждого казуса думают, не внести ли в Закон поправки. И начинают вносить. Умные. Четкие. Помогающие и уточняющие. И поправок делается все больше. И они начинают частично кое-где перекрывать друг друга. А там и кое в чем противоречить одна другой. Их вырастает лес. Ежемесячно выходят юридические бюллетени. Профессиональные юристы их ворошат и трактуют. Оп! – Закон превращается в дышло, вращающееся на шарнире. Группа изощренных юристов за хорошие деньги способна при помощи груд поправок и лазеек доказать все что угодно. Сильные и богатые опять прорвали сеть Закона. Но это бы ладно. Это всегда бывает. Сама вот сеть запуталась.

И вот сегодня в цивилизованных странах мы имеем прекрасный, гуманный, либеральный, детализированный, отточенный веками, справедливый Закон. Прекрасен его дух и каллиграфически выписана его буква. И что? Караул, вот что.

Все знают (ну, все, кому надо) руководителей наркокартелей. Они зарабатывают на смерти миллионов. Но убить их нельзя. Они могут десятилетиями смеяться над Законом и обходить его – а их по Закону не прихватить: свидетели исчезнут и т. д., а адвокаты всегда найдут лазейки.

За кражу ящика консервов, если ты при этом сломал фанерную дверь в ларьке, в России можно огрести восемь лет. За зверское убийство, доказанное, тоже можно обойтись восемью годами.

За дать по морде можно получить два года. За грамотно украсть миллион не получают ничего. Создатели пирамид обокрали миллионы людей безнаказанно. Но если ты с дробовиком пришел вышибить из гадов свои кровные деньги – ты в тюрягу и сядешь, да лет на десять спокойно.

Все это знают, нового тут ничего, кроме ответа на вопрос: как же это так получается, что народ выбирает себе правительство – и народ же получает законы, с которыми никто, никто не согласен?! То есть все согласны в том, что: да, так быть не должно. А дальше – расхождение: народ говорит: «Карать по справедливости!» – а

власть сочувственно разводит руками: «Мы вас понимаем, но Закон не позволяет…»

А заменить законы нельзя? А почему-то не получается. Законодатели объясняют: измени – только хуже будет, другие злоупотребления полезут. А народ плюет злобно и мечтает о судах Линча, и к киллерам за справедливостью обращается.

А теперь переходим к выводам. О.О.О.О.О. Леонид Ильич, это олимпийские кольца…

Мы имеем неискоренимое, имманентное отчуждение Закона от человека. Вроде мы создаем его и сами, а вроде невозможно создать именно то, что мы хотим. Неизбежно получается немножко не то.

Вот это «немножко» – зазор, люфт между человеком и системой. Личностью и Государством.

Через человека и посредством человека государство создает законы для себя.

Надличностная структура порождает надличностный Закон. В свою очередь, надличностным Законом (традицией, обычаем, психологической установкой) порождается надличностная структура.

Пчела будет строить соты, муравей – муравейник, человек – государство. И плевать государству на любого конкретного человека, лишь бы их побольше и делали то, что надо.

Неизбежно надличностная сущность Закона – один из лучших показателей надличностной сущности Государства.

Поэтому наивен и неправомерен вопрос: «Государство для человека или человек для государства?» И чьи, значит, права первее. Почему «поэтому»?

Потому что «Пусть рухнет мир – но свершится закон». А иначе все равно – рухнет сначала закон, а потом и мир. Так ли?

Государство состоит из человеков, но человеки не могут без государства: любая шайка рэкетиров, грабящая крутого одиночку – уже прообраз государства. Банально?

Государство – это форма существования людей. Они существуют так не для того, чтобы им было получше. Они существуют так, потому что иначе не могут.

Люди могут жить только в форме сообщества, по законам сообщества и в целях сообщества, решая задачи сообщества.

Закон – это закон не для отдельной личности. Закон – это закон для сообщества. Кряхтят личности. А сообщество чегой-то делает.

По мере изменения государства меняется, понятно, и закон. Основы права могут оставаться те же. Но форма и механизм исполнения, степень наказаний, границы свобод личности –

меняются, понятно. Заметьте – всегда с отставанием: реальный процесс делания дел стихийно опережает свое законодательное оформление. Законы всегда оказываются чуть устаревшими и несовершенными. (Приказное право при тоталитаризме мы сейчас, понятно, не учитываем, там любой бред законодательно предписать могут.)

И вот сегодня наша цивилизация имеет законы, способствующие ее исчезновению, самоуничтожению. Бессильные против убийц, мафий, наркоторговцев и высокопоставленных воров. Поощряющие бездельников и извращенцев. И т. д.

Во власти ли людей изменить эти законы? Каким образом выходит: каждый по отдельности против – а все вместе в сумме «за»?

Нам скажут про коррупцию политиков и технологии пиарщиков, но эти подструктуры – тоже объективные порождения человеческого сообщества.

Увы. Система прошла пик и вступила в фазу дегенерации. Ее институты размножились и стали с хрустом давить этажи. Ветвистый Закон превратился в лесной лабиринт – дом хищника. Дегенерация Закона – процесс объективный, соответствующий упадку базиса.

Не потому гибнем, что закон плох. А потому плох, что прошло наше время. В губительной дряблости закона – бессилие политической и социальной воли нашей цивилизации.

Все цивилизации рано или поздно гибли и спустя время уступали сцену другим. Этот упадок имел разные аспекты: экономический, военный, демографический, культурный, моральный. Имел и законодательный аспект. Без него никак. Безделье, шкурничество, бесплодный разврат и воровство неизбежно должны сопровождаться какими-то законодательными введениями, выключениями, послаблениями. Суровость и прагматизм закона периода подъема сменяется множеством крючкотворных параграфов и размыванием категорических запретов.

Государство и эволюция

Мы имеем сколько-то связные представления о человеке в Истории только до тех глубин времен, когда была уже письменность и изрядная архитектура, но не раньше. А ими сопровождалось существование государства.

Человеком догосударственным занимаются этнография и этнология, и здесь экстраполируемые результаты – к чему пришли бы народы, которые мы застали на родо-племенном уровне – проблематичны и не бесспорны. Отсталые народы так или иначе всунуты сторонней им цивилизацией в фарватер ее развития, с концом их изоляции кончилось и их самостоятельное и естественное развитие.

Мы имеем дело *с человеком государственным*.

Есть ряд теорий возникновения государства, но различные объяснения и приведение разнообразных причин не имеют принципиального значения. Суть одна. Люди стремятся так организовать свое сообщество, чтобы в сумме быть сильнее и иметь возможность делать совместно больше, чем по отдельности.

До определенного этапа государство создается по линии целесообразности для явного и понятного блага граждан:

Безопасность? Конечно. Внешняя – отмахаться от соседей. Внутренняя – лучше суровый закон, чем никакого, когда каждый может резать каждого, а так договоримся о правилах и будем жить все по ним, жмет под мышками, конечно, зато жив и сыт, а буйный головорез выищется – укоротим вместе его на голову. Семью заведем, род продолжим, будет нас много, и никто нас не тронет.

Сытность, производительность труда? Конечно. Хором мамонта забьем и прокормимся, хором оросительный канал прокопаем и хлеб посеем. Удачливый и сильный поделится в голодный час едой, а мы ему за это дом побольше смайстрячим, в свой час лучший кусок дадим.

Воин защищает, пахарь пашет, строитель строит, а в результате всем защищеннее и сытнее. Излишком хлеба прокормим ученого, он нам водяную мельницу изобретет, наш труд высвободит от ручной помолки, мы еще больше всего наделаем.

Пока все элементарно, Ватсон, это проходят в школе. А нешкольным языком – государство повышает энергопреобразовательную мощь человека.

Дальше начинаются сложности. Все государства плохие. Они

ограничивают и угнетают человека. Заботятся, конечно, как-то, – но при этом диктуют, заставляют, угрожают карами. Налоги дерут, в армию загоняют, правила поведения навязывают, и главное – справедливости в них не хватает.

Со времен Платона, а на самом деле раньше, люди строили теоретические модели справедливого государства. Несть числа утопиям, как «логично-научным», так и художественно-фантастическим. Но о том, что «справедливость» в жизни недостижима в общих масштабах, мы говорили во многих местах.

Пока тоже просто. Годится едва ли не любой пример. Вот вы завели собаку сторожить дом. А она ест, гадит, пахнет псиной, скулит когда не надо, спариваться ей потребно, – увы, побочные для вас следствия. А для нее, может, сторожить ваш дом – побочное следствие ее жизни, где главное – кормежка и конура. Любая медаль имеет две стороны.

Народ создает законы и государственные должности для себя. А исполняют их конкретные люди. Они самоутверждаются. Чем энергичнее и способнее – тем могут быть честолюбивее и корыстнее. Уж как Петр охаживал Меншикова и кулаком и дубиной за безмерное воровство – а держал: способный.

И тогда народ создает дополнительные законы, дополнения, поправки, – чтоб ограничить возможность государственных лиц самодурствовать и употреблять власть во вред народу. Портит власть человека, это давно известно. Афиняне вообще додумались до остракизма: раз в год изгоняли на десять лет того, кто выше всех высунулся. Того, кто, по их мнению, угрожает свободе и демократии, слишком одеяло на себя тянет. И плевать, что он много пользы принес. За прошлое – спасибо, а в будущем – как бы тираном не стал.

Римляне решили: трибунам отправляться с войском вдвоем и командовать по очереди, через день, и хорошо, если они друг друга не любят – не сговорятся тогда с этим войском взять власть в Риме и подмять государство под себя. В результате такой демократии Рим с грохотом проиграл битву при Каннах и едва не погиб. Двуначалие отменили.

То есть. Государство постоянно совершенствуется, как может. Детали подтачиваются, шлифуются, вводятся дополнительные предохранители и «улучшатели». Машина делается все более громоздкой.

В любом государстве происходит, с самыми благовидными целями, бюрократический рост. И до поры до времени это действительно улучшает и совершенствует деятельность государства. А потом оно начинает делаться все более громоздким, задыхаться и спотыкаться.

Это одно. А второе:

Закономерности существования и развития государства те же, что и прочие в истории и природе: государство стремится быть как можно более мощным и значительным, повышать свою энергопреобразующую деятельность. Оно экспансивно по сути! Оно «хочет» быть большим, сильным, богатым – и начинает завоевывать соседей. Оттого часто и гибнет. Кир нарвался, Александр нарвался, Наполеон нарвался. Про слабых и завоеванных и говорить нечего.

Но вот гибель Рима очень всегда историков интересовала. Такой большой, сильный, богатый – чего загнил, чего развалился, ведь четыреста лет назад такую толпу вшивых варваров Цезарь или Сулла растерли бы в грязь несколькими легионами? Тут и теория морального упадка, и теория физического вырождения, и теория угасания энергии этноса.

Вообще-то Рим кончился в 212 году с эдиктом Каракаллы, который дал права римского гражданства всем свободным жителям всей территории империи. Обитатели завоеванных провинций стали полноправными римлянами. Что это значит? Энтропию это означает, вот что. То самое равенство, когда между людьми и группами резко падает разница потенциалов. Да хрен ли иберам и бриттам величие Рима, гори он ясным пламенем. А ведь идея была хорошая. И с точки зрения морали людям приятно было стать гражданами, и радеть, вроде, за государство больше должны, армейские вопросы решать легче. Ан нет…

Что есть суть государства? Что делает его таковым – нужным и мощным? Организация его, структура законов и государственных механизмов. Что с ними всегда происходит со временем? Усложняются, увеличиваются. К чему это ведет? К противоположному эффекту. Те самые механизмы роста и самоорганизации, которые способствовали образованию, росту и укреплению государства, по мере времени начинают мешать ему, загромождать «кровеносные сосуды», виснуть тяжелым грузом, мешать на каждом шагу. Все больше дистанцируется и абстрагируется государство от тех отдельных людей, на которых и для которых оно существует. Люди привыкают видеть в чиновнике не друга и защитника, а врага и вымогателя, который занимается черт-те чем, а тебя главнее.

Закон и государство по мере усложнения из все более эффективного и отвечающего назначению превращается во все менее эффективное и не отвечающее своему назначению. И тогда его прожирают и загаживают изнутри, и оно рушится от любого толчка извне, а может, и без особых толчков, как СССР в 1991 году.

Механизмы саморегуляции и коррекции могут продлить жизнь государства, но, разумеется, не могут сделать его вечным.

Стремясь всегда быть как можно более значительным, оно в конечном итоге само себе могильщик.

«Парадоксов» полно. Скажем, подавляющее большинство граждан цивилизованных стран безусловно стоит за смертную казнь тяжких преступников – террористов и всех тех, кто совершил обдуманное убийство невинной жертвы и т.п. Народ за – а государство против! Провести плебисцит – законы не позволяют, а избранные должностные лица – из гуманных либо карьеристических соображений – делают обратное тому, чего хочет избравший их для своего блага народ. О!

Или, скажем, белые страны сейчас стонут от легальных и нелегальных иммигрантов, которые прожирают деньги налогоплательщиков, хулиганят, занимают рабочие места и при этом буйно размножаются, быстро замещая собою коренное население. А принять более жесткие законы об иммиграции – не получается! А плебисцит провести невозможно! А наживаются на этом предприниматели, использующие дешевую рабсилу, чиновники, сохраняющие свои места в соответствующих ведомствах, и политики, делающие своим «гуманизмом» политический капитал на голосах избирателей.

Это называется «улучшенное» государство, которое безусловно находится в стадии гибели. Культ работящести, высоконравственности, суровости принципов (и нарушали, и куролесили, но генеральная линия была) сменяется аморфностью, бессилием перед жестокой наглостью чужаков, разгильдяйством – но все сыты, и грязной работой сами заниматься не хотят. Совершенствуя государство в своих интересах век от века, они усовершенствовали его до того, что это государство само себя губит как своими законами, так и реальным их проведением в жизнь.

Такова элементарная диалектика развития. А свинцовый водопровод, который якобы отравил воду и тем погубил римлян, тут ни при чем.

Государство и воровство

Что такое государство? Надличностная структура, создающая себя из человеков для выполнения своих системных задач – максимальных действий разных родов.

Что такое личность, из множества каковых составляет себя государство? Это биосистема, в которую как руководящая программа встроена психическая структура, и эта психическая структура обеспечивает функционирование биосистемы в контактах с окружающей средой.

Что такое воровство? Не с точки зрения уголовного права или ньютоновской механики, а с точки зрения социопсихологии личности? Воровство – это максимально эффективная форма самообеспечения биосистемы. А на языке философии энергоэволюционизма можно сформулировать так: воровство – это максимально эффективная форма самообеспечения социобиосистемы необходимыми и дополнительными энергетическими ресурсами. (Поскольку и деньги, и хлеб, и дом имеют энергетический эквивалент и суть агрегатные состояния энергии.)

Вообще-то воровство – это закон жизни. Получить желаемого как можно больше, затратив для этого собственной энергии как можно меньше. Стремление к максимальному КПД.

Но если все будут воровать – то воровать будет нечего: никто не работает. Включаются механизмы социальной саморегуляции: одни работают – другие воруют.

У вора есть в жизни два пути. Первый – быть пойманным, посаженным и убитым. Второй: заставить честных людей продолжать работать и ему, вору, отдавать часть наработанного. Так вор становится рассудительным рэкетиром, и злой барон заботится о завтрашнем дне своих крестьян как дойных коров, и появляется государство.

Это теория. Нас же заботит практика. Практика такова, что все люди склонны к воровству. Дай им только возможность, создай условия, убеди в полезности и правомерности этого занятия и обеспечь безнаказанность – и воровать начинают даже священники, договариваясь со своим Патроном об отпущении грехов.

Труд – это затратить усилия, чтобы получить нужные и желаемые товары, услуги, удовольствия.

Воровство – это присвоить чужие усилия для получения того же.

По сравнению со «средним честным» человеком «средний

вор» сметлив, энергичен и храбр. У него больше энергии, чтобы стремиться к большему результату с меньшими личными затратами энергии. У него больше ума, чтобы придумать, как можно обойти закон и противодействие общества и присвоить себе чужой продукт. У него больше храбрости, чтобы рисковать и быть готовым столкнуться с гневом и противодействием общества.

То есть. Чем энергичнее человек – тем он в общем более честолюбив, самолюбив, эгоистичен и жаден. Та же энергия, которая распирает его и толкает в путь наверх, к карьере и свершениям – она же заставляет его при случае пренебречь законом и моралью и украсть. Ибо он стремится к максимальным действиям – а украсть миллиард это максимальное действие. Мелочь по карманам пусть тырят дворовые хулиганы – а вот украсть нефтяные прииски может только крупный человек.

Увы. Крупные люди почти всегда аморальны. Мораль, как и закон, подобна паутине – в ней запутывается слабый, но сильный ее рвет. Крупный и сильный человек, способный на государственные дела и годный на государственные посты – сильнее слабых людей испытывает искушение присвоить миллионы, дворцы, заводы и красавиц. Иметь! Владеть! Повелевать! Реализовывать свои возможности, стремиться к максимуму своей значительности.

Все мудрые правители отлично знали и учитывали в приближенных и подчиненных эту порочность натуры. А как же. Жизнь принадлежит победителям. Брать по чину. Сумей отобрать свое и сумей защитить свое. Сила – она тоже есть право. Умение завладеть и умение удерживать владеемое – в некоем смысле уже есть право на владение этим.

– Мы носим наше право на остриях мечей! – гордо заявил Бренн.

Храбрые и хвалимые древние воины собирались в поход, чтобы завладеть добром соседей. Причем табун скота можно было украсть и без боевого столкновения – все равно хорошо.

Полководцы античности обогащались в походах трофейным добром – и это было похвально и завидно. Марий, Сулла, Лукулл – стали баснословными богачами, ограбив завоеванные провинции; и никто не думал их порицать.

А вся пирамида рыцарей, баронов и вассалов под сеньорами Средневековья – была иерархией грабителей, легитимизацией воровства. Воин-бандит брал что хотел и «по понятиям» договаривался с другими воинами-бандитами и паханами.

Ближе к родной почве, говорите?

Что делали дружинники князей-рюриковичей? Грабили «по

чину» местное население. Положенную долю отдай начальству, что-то – оставь смердам на прожитье и хозяйство, а в этом «валютном коридоре» – хватай добро и суй в мешки.

«Как терпел Петр ворюгу Алексашку?» Вот уж дурацкий вопрос. Алексашка дело царю делал – и с того дела сам кормился. Урывал много? Так ведь и исполнитель хороший и преданный.

О, как гомерически воровали екатерининские вельможи! Вот уж это были настоящие олигархи… Но – они с роста державы кормились, с расширения пределов, с хода реформ, с укрепления власти.

То есть. Мы к чему все гнем. Есть род особо крупного воровства, когда для него надобно работать на рост и крепость государства. Э?

Польза вора и польза государства ложатся в один ветер – понятно ли? Чтобы накрасть и обогатиться – надо совершать действия, одновременно полезные и государству: стране и людишкам.

Погнал войско в Таврию, завоевал, захватил в свой обоз золота и драгоценностей несметно, рабов продал тайно и подло на свой карман, земель от императрицы получил в жалованье немерено – озолотился магнат! Но и царева казна государственные вопросы решает, и крестьяне запашку на целине делают, и враги людишек по шляхам не воруют, и зодчие-итальянцы приезжают за это золото державу твою украшать. Вор! Но в итоге пользу приносит! (А лиши его возможности воровать – хрен честно служить станет, все равно чего-то сопрет. А казни и поставь честного – с того пользы много меньше будет.)

Нищий генерал Бонапарт вернулся из Италии мультибогачом – так он же весь французский бюджет золотом наполнил!

А вот Генрих Шлиман, военный поставщик действующей Крымской армии, гнал сотоварищам артиллериста Толстого гнилые сапоги, тухлую жратву и расползающееся обмундирование. Россия проиграла войну – зато Шлиман, прежний нищий немецкий мальчик из многодетной семьи, озолотился и на эти деньги раскопал Трою. Что мало утешило Россию.

О, каков был бы фундаментальный и захватывающий труд – «Государство и воровство». Ибо с точки зрения честности наш вид может быть назван «человек ворующий».

Но эволюция взаимоотношений вора с государством складывается примерно так. Сначала у группы веселых ребят ничего нет – и надо обокрасть чужих. И договориться о понятиях промеж собой, чтоб не крысятничать промеж своих. Вот государство и началось.

Потом мы многих приспосабливаем работать на себя, на команду и систему – и обкрадываем потихоньку, но им, нижним, воровать не разрешаем.

А вот когда мы создали могучее, огромное, богатое государство – мы начинаем раскрадывать его. Ибо это самое логичное, простое и легкое. Ну само же просится!

Пока государство молодое, слабое, начинающееся, на подъеме – складывается позитивная и патриотичная государственная мораль. (А иные государства не поднялись, не окрепли, не выжили.) Пахать! Защищать! Жертвовать! Не воровать! То есть: воровать будут, но грех понимают и идеал имеют, и образ бескорыстного героя лелеют в душах.

Когда все завоевано, построено, создано и организовано, то встает вопрос: «А чего ради не воровать?» И энергичная верхушка всю свою деятельность реально, системно, направляет на расхищение государства. Спарта. Вавилония. Рим. Византия. Россия?

О смысле государства
Лекция, прочитанная на социологическом факультете МГУ в 2006 г.

Я позволю себе выразить ту крамольную и даже наивную мысль, что сегодняшняя социология находится гораздо дальше от истины, нежели социология сто лет назад. Мне представляется, что после I Мировой войны пошел регресс социологии. Политическое противостояние ведущих держав мира, ожесточенная идеологическая борьба, подчинявшая истину патриотизму и государственным интересам, – это никак не способствовало честному и непредвзятому (а иное невозможно) развитию общественных наук. И социологии в первую очередь.

Вначале, по Версальскому Договору, была жестоко и цинично ограблена Германия. Унижена и поставлена на колени. Австро-Венгрия распалась на составные части, но когда австрийцы, то есть фактически те же немцы, пожелали соединиться с немцами Германии, им было в этом отказано «мировым сообществом». То есть: право наций на самоопределение было признано за всеми, кроме немцев. Ну, чтоб Германия не могла опять стать сильной и угрожать другим странам – а в первую очередь не могла бы угрожать Великобритании экономически, а Франции политически. Германия была объявлена единственной виновницей войны, ее развязавшей. Иная точка зрения была антипатриотичной, антигосударственной, подлой. О каком развитии социологии и вообще науки о государстве тут могла идти речь?

В России произошел переворот, власть взяли коммунисты, и открыто провозгласили курс на мировую революцию и смерть эксплуататорским классам. Ну, о социологии в Советском Союзе мы не говорим, у нас тут не юмористическая программа. Но социология ведущих стран, Франции-Германии-Англии-США, оказалась жестоко политизированной, ибо трудно относиться объективно к открытому и непримиримому врагу, который объявляет себя твоим могильщиком. Социология слегка так разделилась на два лагеря – которые за новый социалистический строй и его светлое будущее, и которые против этого кровавого тоталитаризма, этой красной чумы, грозящей уничтожить все светлое. Возникло селекционное давление, если позволите в шутку применить этот биоэволюционный термин к развитию социологии. Одни невольно педалировали плюсы советского социализма и минусы капитализма – а другие плюсы свободного

общества и ужасы тоталитарного. Ну, трудно быть объективным, если одно очень любишь, а другое сильно ненавидишь. Какая уж тут научная объективность…

А затем национал-социалисты пришли к власти в Германии. И германская социология стала нацистской, а антигерманская сбежала в Америку и стала истерично-антитоталитарной в гипертрофированных формах. Все, что могло отозваться дисциплиной, организацией, подчинением, патриотизмом, – у этой социологии вызывало истерику.

Мировая социология заболела неврастенией. Она стала жестко идеологизированной. Или наемной девкой правительства, или параноидальным врагом другого правительства.

Ну смотрите. Русские – за коммунизм по приказу, иной образ мыслей воспрещен. Немцы – за национал-социализм. Англичане – за свободу, но такую, чтоб сохранить империю, колонии, флот, мировую торговлю. Французы – счастливы за реванш 1870-го года и мечтают сохранить все нахапанное. А у американцев? О – сначала бешеный век джаза, просперити и сухого закона, ревущие двадцатые, а потом Великая депрессия, упадок, безработица.

Перефразируя великого поэта: «Мир треснул, и трещина прошла через мозги социолога». Социология была крепко треснута по голове великими катаклизмами, которые не сумела ни предсказать, ни объяснить. Откуда это новое варварство после великих достижений великого XIX века?! Эти огнеметы, газы, миллионы погибших, дикое ожесточение врагов, непонятно чего ради враждующих?! Каков был смысл величайшей бойни – 10 миллионов трупов? И, кстати, что это вслед за тем за ужасная эпидемия простого вроде бы гриппа – «испанка» унесла по миру 20 миллионов человек?!

Великое разочарование постигло Европу. Идеалы повержены, кумиры сведены с пьедесталов, верить не во что, отцы наций сволочи. Цивилизация была травмирована этой войной, и социология пыталась осознать травму – но в границах патриотизма и идеологических установок.

Затем пустили вторую серию – Мировая Война-2. И социология стала решать задачу: как же в такой культурной стране, как Германия, народ привел к власти такое чудовище, как Гитлера, развязавшего новую мировую бойню?! При этом по жестким политическим причинам нельзя было упоминать и учитывать ряд очевидных для ученого, да даже не для ученого, для любого честного и информированного человека, фактов. Хотя… эти факты глубоко скрывались, маскировались, и распознать их за вуалью пропаганды было нелегко современникам…

А именно. Некоторые из территориальных претензий немцев были абсолютно справедливы. А режим национал-социализма сделал много для улучшений жизни именно немцев. А Франция с Англией боялись усиления как Германии, так и СССР, и мечтали бы стравить их друг с другом. А СССР мечтал толкнуть Германию на Англию с Францией, ибо могущественная Англия была ярым и главным врагом советского режима. А США, резко усилившиеся после I Мировой, мечтали стать конкретно главными в мире, и вели тонкую и многоходовую игру по ослаблению прочих сильных стран мира и захвату их ключевых позиций (что и сделали в результате). И при этом все позиционировали себя белыми и пушистыми.

А социолог – он тоже человек. Тоже патриот. У него тоже кто-то на войне погиб, тоже судьба покорежилась, тоже родственники в других странах. Я все о той же идеологизации и политизации социологии, которая может быть только честной, только объективной, только беспристрастной, только науки ради нахождения истины, а не ради пользы народа и страны.

Поймите. До 1914 года социология складывалась именно как такая наука. А в августе 1914 интеллигенты и интернационалисты резко стали патриотами и националистами. Каждый был за свою страну. А истины полной и честной не было ни на чьей стороне! Можно сказать, что август 1914 остановил социологию. И после войны она пошла другими путями, кривыми тропинками.

Мы и сегодня не можем сказать, например, что в германском национал-социализме (который называть фашизмом абсолютно неправильно) было, кроме кровавого, злодейского, недопустимого, – много и хорошего, правильного, полезного. Забота о здоровье народа, о спорте для масс. Борьба с курением, кстати. Культ крепкой семьи, пропаганда рождаемости и посильная помощь государства семьям. Патриотизм, верность родине. Трудолюбие, честность, аккуратность, храбрость, взаимопомощь – все это культивировалось всеми средствами. Гордость своим народом, своей историей, наукой, культурой – что ж в этом плохого?

Вот и пора сказать ключевое слово – политкорректность. Политкорректность – она явилась результатом I Мировой войны. Что такое «политкорректность»? Если по-простому? Это система императивов, искажающая истину в угоду идеологии. Это ложь, понимаемая как ложь во благо. Одна форма этой лжи – запрет на упоминание каких-то фактов. Другая форма – запрет на употребление каких-то слов. Третья форма – заполнение пустот раздуванием мелких, или непринципиальных, или притянутых за

уши фактов. Четвертая форма – изобретение новых слов и их стилистическое окрашивание, что позволяет подать вещи в ином, чем ранее, свете, хотя по сути эти вещи не менялись. Но коротко: политкорректность – это система лжи в угоду идеологии.

Поэтому ученый не может, не должен, не имеет права быть политкорректным. Эту банальную истину все всегда знали: наука – объективна и беспристрастна. Но сегодня общественные науки не могут быть неполиткорректными!!! Неполиткорректность – не пропустят, не опубликуют, не позволят, не подадут руки.

Вот я только и хотел сказать, что сегодняшняя социология отчасти лжива, отчасти подла, отчасти пуста. Она менее наука в своих основах, нежели была сто лет назад. Нет-нет! – далеко не во всем, разумеется. Поставлена масса опытов, сделана масса интересных выводов, работают умные и серьезные люди. Но в самом главном – в ответе на вопрос, как же устроено общество, почему и для чего, – тут социология в самых основах, мне представляется, никуда не годится.

А именно. Что есть причина образования общества. Что такое государство и для чего оно. И куда мы движемся. Хотя все больше голосов, что движемся мы… туда.

Это жутко затянувшееся вступление нужно было только для того, чтоб освоиться с мыслью, что слова, которые могут сегодня прозвучать чуть ли эпатирующе, есть естественное продолжение того, что еще сто лет назад было утверждено и принято… а потом отставлено.

Сегодня государство представляют чем-то вроде жилконторы, которая существует для удобства граждан. Собирать деньги и распределять блага. Она бывает жуликовата, хочет больше брать и меньше давать, ее надо строго контролировать.

Всерьез возрождена буколическая теория Руссо о государстве как продукте общественного договора. Это просто мы, люди, договорились для своего удобства – вот и государство. Мне лично не совсем понятно, почему в связи с этой теорией обычно поминают Руссо, а не Гоббса, хотя всем известно, что наиболее основательным из «отцов» теории возникновения государства как продукта общественного договора был Гоббс. Возможно, потому, что его подняла на щит Великая Французская революция, родоначальница европейской демократии, а вот англичан французские революционеры как раз ненавидели.

Вы прекрасно осведомлены о различных теориях государства и права. Заметьте, это чисто советская традиция – смешивать государство и право в одну теорию. В остальных странах это разделяется на теорию государства отдельно, теорию и историю права отдельно, хотя, разумеется, они воедино связаны. Типы

государства, функции государства, – это все основательно прописано до нас с вами.

Наш главный вопрос, предваряющий тему лекции: почему государство возникло и на кой черт оно нужно?

Возникло потому, что. Что люди размножились, и жить первобытным стадом стало невозможно – оно бы стало громоздким, неуправляемым, разваливалось бы. А еще потому, что вырос уровень производства, земледелие уже могло давать добавочный продукт, подвергавшийся отчуждению, и стало можно содержать государственный аппарат и в то же время производить всякие вещи для этой протоаристократии. А еще потому, что сколько же можно воевать всем против всех, нужна общая власть для общего блага, чтоб было больше порядка и меньше резни. Вот, в общем, и все. Мудрость веков.

А нужно зачем? А вот чтоб жить в порядке, в мире друг с другом, и разделять труд, каждый своим делом занимайся, кооперация производителей, это выгодно, это дает более высокую производительность труда. Психологические причины – спокойствие, физические причины – безопасность и больший комфорт, экономические причины – более высокий уровень производства, интеллектуальные причины – развитие науки и техники.

То есть: государство позволяет гражданам жить безопаснее, сытнее, интереснее, разнообразнее, чем они жили бы без него. Но – нет добра без худа: государство граждан придавливает, понуждает, угнетает, эксплуатирует.

И вот главный вопрос, главная мечта тысячелетий: как создать такое государство, чтоб оно было хорошим? Чтоб делало все только для блага граждан – без злоупотреблений? По справедливости, по уму, чтоб сильные и властные не грабили слабое большинство, не присваивали их продукт, не употребляли его на свои прихоти, типа дворцов и золотых одежд? Варианты доброго государства создавались от Платона, а анархисты и коммунисты пришли к выводу, что государство всегда зло, и надо от него отказаться. Надо прийти к золотому веку, бесклассовому обществу, государство отомрет как бородавка, и гражданское общество будет жить свободно и счастливо. Себе во благо.

То есть. Давайте представим себе Древний Египет. Эпоху Великих Пирамид. Вот живут люди в государстве. И если бы было оно гуманным и справедливым, для людей, что бы люди делали? В принципе то же самое: пахали-сеяли, скот пасли, масло давили, вино заводили пальмовое и финиковое, дома свои благоустраивали. А в свободные минуты отдыхали под пальмой, ели ячменные лепешки и пили ячменное пиво. И? – И ни хрена бы

не было никаких пирамид! И никаких храмов и дворцов! Ничего лишнего! Чего ж так ужасно горбатиться, тесая и волоча огромные глыбы, потеть и уставать, чтоб эти бесполезные громады высились?

В тонкости строительства пирамид мы сейчас вдаваться не будем, это вопрос отдельный и темный, мы сейчас этим пирамидам придадим несколько метафорический и обобщающих характер: пример, иллюстрация. Скажем: захватили на войне рабов – ну так раздать их всем гражданам поровну, пусть работают, чтоб у граждан были дома побольше и жратва послаще. Нет! Тыщи рабов гонят на безумные стройки этого первобытного коммунизма. Что? Нет, «коммунизм» здесь – только историческая цитата, пародия, пардон.

То есть: государство отбирает у людей часть труда, сил, времени, и этот концентрат использует по своему усмотрению, без пользы для людей. Но – пирамиды стоят! Китайская стена стоит! Стоят Парфенон и Колизей! Вместо того, чтобы их строители хорошо пожили, отдохнули, что-нибудь полезное поделали. А зато что бы осталось людям, истории, нам? А ни хрена. Голые пустыни и ископаемые руины хижин.

То есть. Во-первых, государство перераспределяет общественный труд, направляя его на задачи не-утилитарные, сверх-необходимые, излишние для хорошей жизни граждан. Часть труда граждан идет не на пользу людям, а хрен знает на что. Во-вторых, государство заставляет граждан (точнее, всех подчиненных) работать больше, чем они бы работали просто на благо себя и других. Государство вышибает из людей добавочный труд.

Экономический аспект: повышается интенсивность труда и тем самым производительность. А также включается голова, возникает наука и техника, и также работают на повышение производительности труда.

Потому что: государство не дает возможности отдохнуть. Власть только и смотрит, как бы выдавить из тебя еще грош, еще кирпич, еще калорию труда. Под давлением власти человек начинает изворачиваться и изобретать все, чем можно повысить производительность. А власть может еще и озолотить, добро-то сконцентрировано у нее. К кнуту всегда прибавлен пряник.

Государство – это кнут и пряник для граждан, чтоб больше работали и делали что надо. Не им надо, а государству.

Но здесь мы говорили только об экономике и политике. Вот все теории государства сводились до сих пор к политике и экономике. Власть и деньги! Сила и богатство! Вот что служило до сих пор опорной конструкцией всех теорий государства.

Если бы мы этим ограничились, незачем было бы меня сюда звать. Это и без меня известно.

Но.

Экономические и политические теории категорически не желают отвечать, почему сильные и богатые государства и цивилизации обязательно рушатся, раньше или позже. Обязательно, все и всегда!

Или они подыскивают примитивные объяснения в рамках своей теории. Типа: почва истощилась. Оловянная руда кончилась. Леса свели. То есть: сбрасывают все на географический фактор.

Или: новый строй даст более высокую производительность труда, старый способ производства стал архаичен, ну и вот… сменялся новым.

Или: враги ужасные пришли и разбили.

Ну, самый классический и исследованный пример – падение Рима. Культура высочайшая. Войско могучее. Владеет всем доступным миром. Не подпадает он ни под одно экономическое и политическое определение! Это что – немытые дикари дали более высокую производительность труда?! Или в Средиземном море рыба кончилась?!

Второй пример – вот он за окном. Великий Советский Союз. Что у нас, недра иссякли? Или враги разбили? Или мы, покончив с низкопроизводительным социализмом, стали больше производить хоть чего-то?!

Кроме Маркса, были и другие люди. Шпенглер, Тойнби и Гумилев предлагали свои теории гибели цивилизаций. Все эти теории заслуживают как минимум внимательного отношения.

И однако. Никто из них даже не ставил вопрос: а куда вообще движется человечество и зачем? Какое место занимает человек в системе Мира – с научной, материалистической точки зрения? Наука об обществе, социология, она вообще хоть от Платона, хоть от Конта, и до наших дней, ставит себе такие ограничители во времени и пространстве. Берется исключительно человечество – и рассматривается его социальная история от неандертальцев, условно говоря, и до наших, ну, правнуков. И суть в том, чтоб они таки были все здоровенькие. Наука, техника, прогресс, – это все для счастья гармоничного человека будущего.

Я имею наглость заявить, что современная социология – это пещерный антропоцентризм.

К концу XIX века ученые и философы, заметная их часть, пришли к пониманию, к выводу пришли, что материя существует в природе в трех формах: неорганической, или косной, или мертвой; органической, или биологической; и над-биологической,

то есть социальной. И социальная форма материи есть высшая форма ее существования. Неразрывно связанная с остальными, единая с ними! Так полагал великий Спенсер, и этой же точки зрения придерживался Дюркгейм, этот список долго можно продолжать.

И с этой точки зрения – государство, или высшая форма социальной организации материи, есть продукт всей эволюции – то есть эволюции Вселенной. Без нее никуда не денешься.

А вот теперь важнейший момент!!! Эволюция Вселенной… гм, теории эволюции всего-то лет двести. В конце XIX века эволюция – это было свежо, продвинуто, у ученых голова кружилась от успехов науки этого времени. Да. Так под эволюцией понималось – развитие от простого к сложному. От менее совершенного – к более совершенному. От менее приспособленного – к более приспособленному.

Это сейчас очень важный, это принципиальный момент. Эволюция – она по каким точкам отмечалась?

В неорганике – все более сложные атомы и молекулы, все более сложные соединения.

В органике – уже забавней. Здесь также во главу угла ставится сложность организма. Сколько у него органов, как они сотрудничают, насколько сложно эти органы устроены и насколько их много. То есть – чисто материальный принцип: в насколько много насколько сложных комбинаций соединены те же атомы и молекулы, из которых состоит природа и неорганическая. Уровень сложности органики гораздо более высокий.

Но – и еще. Эволюция в органике рассматривается не только на уровне «насколько сложно это устроено» – но и «насколько сложно это функционирует». То есть: на уровне действия, на уровне взаимодействия атомов и молекул, сгруппированных и оформленных в сложнейшие биологические системы, в физиологические органы, пардон за неточность, сгруппированных. Животное – оно тем дальше поднялось по лестнице эволюции, чем у него больше органов, чем они сложнее устроены, – и чем оно лучше приспособлено к жизни, чем лучше может добывать пищу, переносить любые невзгоды. Таракан классно приспособлен, но прост. Блоха жрет льва, но по жизни лев совершеннее.

Сложность материальная и функциональная. Они как бы соответствуют друг другу. Но как бы материальное первично, а функциональное вторично. Хотя материальное и развивалось для того, чтоб достичь функциональной задачи!

Ну – скажем пока о единстве и диалектичности материи и ее

функции, а то мы далеко зайдем и до звонка не успеем вернуться.

Так вот – крокодил или змея, они кажутся гораздо разумнее, гораздо экономичнее устроенными, чем лев или даже обезьяна. Они рациональнее! Они используют каждую калорию внешнего тепла, каждую калорию солнечного света для обогревания организма. А стало холоднее – и они снижают свою температуру. Они большую часть жизни проводят в полной неподвижности, экономя каждую калорию своей энергии, если нет необходимости ее расходовать – зато охотясь или сражаясь с врагом развивают фантастическую мощность! Они молниеносны в бросках, их мощность на единицу массы при форсаже – намного превосходит мощность высших млекопитающих. То есть – с точки зрения рациональности устройства – они рациональнее! Им добычи хватает с одной охоты – на полгода переваривания и жизни!

Высшие животные потребляют больше энергии на единицу массы. И не могут выдавать столько энергии на единицу массы, сколько упомянутые рептилии, ни в каких условиях. И жрать надо часто и много. Но! Для жратвы им надо и бегать много, жевать много. И в течение года, или жизни, млекопитающие потребляют куда больше рептилий – но и выдают энергии через все свои действия тоже намного больше! То есть: они жутко суетливы, энергонеэкономны, нерационально устроены с точки зрения «потребил-выдал».

То есть. Усложнение формы животных сопровождается повышением энергопотребления, относительным снижением энергопотребления полезного, увеличением энергопотребления лишнего, ненужного, побочного. Биосистема все менее рациональная и экономична! Вот такой парадокс! Но!!! Зато она суммарно выдает наружу, во всякие действия, в изменение окружающей среды, – на порядки (!!) больше энергии, чем рептилии, не говоря уж о простейших. Млекопитающее – греет окружающий воздух своей сорокаградусной кожей, роет землю, изводит много воды и пищи, много гадит наружу, выбивает траву, глодает деревья и т.д.

Вот Вернадский и заметил, что по мере эволюции миграция атомов биосферы повышается. То есть. Обмен веществ в биосфере повышается, активизируется. То есть. Материя биосферы (и верхней части геосферы, кстати), то есть вещество окружающей среды, перелопачивается все активнее. Туда-сюда, туда-сюда летают атомы, да и молекулы часто тоже. То есть? Происходит произведение работы. Чем дальше по жизни – тем больше работы жизнь на Земле производит. То есть? Тем больше энергии потребляет – и выделяет. Это что?

Это – по мере эволюции уровень энергопреобразования

окружающей среды повышается.

Вот это и есть, можно сказать, основной Закон Эволюции. Чего? Всего! Эволюции Вселенной.

А сейчас мы с крокодила и льва – хоп! – перепрыгнем на шею государства, с которой, впрочем, и не слезали, все мы на ней сидим, но это ничего, оно само сидит на шее народа, что и называется диалектикой.

Государство есть продукт и этап эволюции, и живет по законам эволюции. Государство есть форма социальной материи – каковая социальная материя и сама-то есть лишь одна из форм, высшая форма, насколько нам на сегодня известно, существования материи вообще. Вот материя эволюционировала – и доэволюционировала от атомов водорода, скажем, до Соединенных Штатов Америки. Неслабо, да?

Такой подход в последние четверть века называется «глобальным эволюционизмом», он же «Big History». Глобальный эволюционизм не отвечает только на один вопрос – куда все идет и зачем оно туда все идет. От теории тепловой смерти Вселенной потихоньку отказываются, но основная часть естественников-физиков полагает, однако, что конец Вселенной неизбежен, есть только варианты конца. Меньшая часть полагает, что Вселенная вечна. Заметьте: с шумерских времен – принципиально ничего нового. Это и есть философский аспект науки, с которым нам постоянно приходится иметь дело.

Мы с вами – чего? Мы с вами такие же лопухи, как древние греки на афинской агоре. Мы слушаем ученых, прикидываем их суждения на зуб, верим или нет, принимаем или нет, создавая себе по возможности цельную, всеобъемлющую, непротиворечивую картину мира чтоб себе этот мир представлять.

Уж кстати. Нам потребно понимать. А понимать – значит встраивать какой-то факт во всю картину явления, чтобы этот факт как бы вытекал из всего остального, что нам известно, а все это остальное известное вытекало из этого факта. Понять нечто – означает встроить это нечто в единую и непротиворечивую картину мироздания, мироустройства. Понять – означает проанализировать частное как часть общего в их необходимом единстве.

Так вот, нам волей-неволей необходимо принять для себя какую-то картину устройства мира. По мере развития науки – картина меняется. И сегодня, похоже, нет ничего лучшего, нежели Теория Большого Взрыва.

Гм. Когда Оствальд создавал свой энергетизм, этой теории еще не было в нынешнем виде, но в общем направлении светлая

четкая немецкая голова Оствальда работала вполне хорошо. А именно Оствальд сводил все происходящее в мире ко Второму Началу термодинамики. К рассеянию мировой энергии. А что будет, когда она вся рассеется? Плохо будет. То же, что позднее назовут «тепловой смертью».

А вот насчет повышения энергопреобразовательного баланса во Вселенной – вот до этого нам приходится додуматься самим сто лет спустя.

И, насколько я, ваш покорный слуга, в силу своего ограниченного разумения и скудных знаний, способен понять, наша Биг История с ее глобальным эволюционизмом временно кончится Новым Большим Взрывом. Вот когда уровень энергопреобразования во Вселенной достигнет того предела, чтобы вся материя, поглощая и поглотив всю энергию (динамический, непредсказуемый сегодня во временно́м измерении процесс!), всю энергию Вселенной выделила в кратчайший миг времени – вот это и будет Большое Схлопывание Вселенной – и одновременно Новый Большой Взрыв.

Все-таки и дорулил до основ энергоэволюционизма, хотя, вроде, поначалу собирался без этого обойтись…

…И вот государство, этап на этом длинном пути Вселенной от Большого Взрыва до Большого Хлопка (вообще Большим Хлопком можно считать схлопывание и взрыв одновременно, эдакие исчезающе малый во времени переход Большого Пульсара Вселенной от схлопывания к взрыву и обратному разлету…), – да, так вот государство – этап на этом славном пути. На пути повышения баланса энергопреобразования.

Суть государства – скоординировать людей и людские действия так, чтобы они максимально преобразовывали окружающую энергию. Как можно больше потребляли! Как можно больше переделывали всего в мире! Как можно больше энергии выделяли!

Это – объективный процесс. Это – суть социального процесса. Это – базовый, основной, глубинный, фундаментальный уровень существования и развития цивилизаций.

Вот поэтому государства ставят пирамиды, великие стены и грандиозные храмы с дворцами. Поэтому крепостные на износ работают на барина. Поэтому в богатой в принципе но нищей по жизни народа России нищие гастарбайтеры строят трехэтажные особняки богачам, упираясь по десять часов в день.

Вся история человечества, выжившего в борьбе за существование среди зверей в дремучих лесах и голых степях – это история создания излишних для выживания и размножения, малонужных или вовсе ненужных вещей. Украшения, обряды,

любые излишки пищи, одежды, внутреннего объема жилища – это уже излишества. Танец, пляска, пение, игра, – это уже излишество! А уж войны, если жизни твоего племени никто конкретно не угрожает, – это всем излишествам излишество!

Мы оставляем сейчас инстинкты в стороне, это изучение отдельное и разговор очень долгий. Мы говорим только, что возможна такая утилитарная теория: «Культура как излишество».

Пословица «Не хлебом единым» выражает вечную проблему человеческого сознания: зачем, чего ради, делать то, что не является необходимым для выживания, и более того – не является необходимым для твоей личной пользы, как ты именно ее себе понимаешь?.. Искусство, идеалы, мораль, самопожертвование, благотворительность, когда человек вместо выгоды занимается чем-то бескорыстным?

А вот потому, что когда человек способен прокормить семью и восстановить силы отдыхом, и если у него остается хоть какое-то время и какие-то силы сверх этого, – он начинает делать еще что-то, уже сверх необходимого. Прогресс технический и прогресс социальный высвобождает все больше времени и энергии человека для непроизводительных занятий, потому что производительных уже хватит, уже все сыты, одеты, защищены и в тепле-сухе. Любое животное этим удовлетворится и излишек энергии пустит на игру: имитацию деятельности вне необходимости получить результат (спасение и пищу). Недаром теория игр может рассматривать всю человеческую деятельность сверх жизненно необходимой дышать-пить-есть-размножаться как своего рода игру.

Государство, координируя деятельность людских масс, понуждая их господствующим законом или идеологией как можно больше работать и как можно больше потреблять, работает на общую универсальную задачу – выводить энергопреобразование окружающей среды на максимально высокий уровень. Ибо работа и потребление есть процесс затрат энергии и получения энергии, и формы этой единой в мире энергии переходят из одних материальных продуктов и видов движения – в другие материальные продукты и в другие виды и порции движения.

И когда наступает кризис цивилизации – это означает прежде всего, что уже невозможно больше потребить! Внимание:

Кризис цивилизации – это разрыв между возросшим производством – и отставшей идеологией потребления в конкретной цивилизации конкретной эпохи, когда невозможно реализовать и потребить весь производимый продукт, и излишек человеческой энергии масс обращается в совершенно

непроизводительные занятия. Выброс человеческой энергии масс через выхлопной клапан игр, развлечений, спорта, экстремальных занятий, – это спуск пара из перегретого котла перед взрывом.

В Риме было что в период наибольшего могущества, он же период упадка? Причем могущество было военным, политическим, экономическим, культурным, – а упадок моральным, ценностным, разложение социальных институтов, коррупция, беспринципность? Бесплатный хлеб и зрелища народу, толпы нахлебников-дармоедов, дикие развлечения золотой молодежи, все мыслимые и немыслимые виды разврата, бешеные цены на деликатесы, престижный макияж в виде золотой пудры – это круто, это золото на один раз, сдул – и нет! Ибо суперорганизованное римское государство заставляло производительно трудиться весь мир – и свободные граждане с жиру лопались, не зная, чего еще хотеть, а личных самолетов и компьютеров тогда еще не изобрели. Ну, рабы не в счет – это рабсила, вместо машин. Из них максимум энергии и вышибался – переходя в пустые продукты и траты золотого верха? М-да, а окружающие варвары полагали, что это положение надо откорректировать в свою пользу.

Что же у нас сейчас? Ой похоже. Богатые страны потребляют. Бедные страны производят. Варварские страны с ненавистью точат ножи: работать западло, но отобрать надо бы!

Безумно гипертрофированная индустрия развлечений нашей цивилизации – безошибочный признак близкого конца. Спорт, экстремалы, поп-культура, рок-фестивали, телеиндустрия и киноиндустрия, – в среднем цивилизованный человек все меньше работает в производительном смысле – и все больше занимается фигней, от развозки пиццы на дом до стрижки болонок (скотина, за пиццей придешь сам, а болонка пусть дом сторожит!).

Но природа человеческая и устройство вселенское создали государство, и в этом государстве надо стремиться на верх социальной пирамиды, а для этого больше потреблять, а для этого больше работать, а у кого бабло уже есть, прыгают, скажем, на тарзанке или ходят толпами на Эверест, подыхая по дороге, потому что природа людская требует максимальных ощущений, а для этого максимальных действий. То есть: максимального энергопреобразования, ибо тяга к этому в природе твоей, устройстве нервной системы твоей заложена.

С точки зрения энергоэволюционизма:

Государство – это форма самоорганизации социальной материи, обеспечивающая максимальный энергетический потенциал данной совокупной биологической массы этой материи. Государство обеспечивает максимальную совокупную

производительность труда своих граждан. Государство – такая форма организации больших людских масс, когда они вместе делают максимум возможного.

Государство – это наиболее структурированная форма социальной материи, наиболее упорядоченная. То есть – отстоящая дальше всего от хаоса, то есть – максимально энергосодержащая.

Но с точки зрения социологии такое определение не то чтобы никуда не годилось, но немного из другой оперы.

И тогда мы попробуем сказать так:

Государство – это объективная форма самообразования общества, выраженная в надличностной и надобщественной системе социальных институтов, реализующих максимальную координацию общества и максимальную эффективность совокупной общественной деятельности через силовое, экономическое и идеологическое принуждение к исполнению установленных государством законов, регламентирующих права и обязанности граждан на территории государства.

Это длинно, но это, похоже, так. Вечно пишут, что нет общепринятого и общепризнанного определения государства. В энергоэволюционной парадигме мы это определение дали минуту назад. А в социологической вот сейчас.

Смысл государства в том, чтобы каждому и всем вместе предоставить возможность совершить в жизни максимум того, на что они способны, и заставить сделать это. Это такой гуманистическо-экономический смысл. Культурологический в широком смысле слова.

Что же я имею против современной социологии, которую я так неполиткорректно охаял в начале беседы, и которая имеет массу заслуг, и вершин, и свершений, и всего; и которую я знаю, разумеется, несравненно хуже, чем надо, чтобы судить о ней в полном объеме и на всю глубину? Ибо она уже неохватна и неподъемна в библиотеках своих трудов бесчисленных научных работников?

Отсутствием единого естественнонаучного фундамента она мне чуток не совсем нравится.

1 августа 1914 года европейская философия кончилась. Настала эра экзистенциализма, модернизма, постмодернизма, волюнтаризма и прочей болтологической многословной ахинеи. Эра прекрасных пожеланий, душевных копаний и морализаторских сентенций. Настала эпоха деградации. Пустых умствований и напыщенного отрицания истин. Разумеется, вы не должны воспринимать эту иронию всерьез и представлять меня

нигилистом. Я всего лишь хотел в этой несколько экспрессивной и ненаучной форме сказать, что у меня другая точка зрения.

Социология не может покоиться на религиозных постулатах. Тогда это подотдел теософии.

Социология не может базироваться на моральных пожеланиях и требованиях. Тогда это курс морального воспитания, и только.

Социологии приходится покоиться на науке, потому что больше ей не чем покоиться. Коли она и сама наука.

Выводы социологии могут быть верными и неверными. Но не могут быть нравственными или безнравственными. Хорошими или плохими. Лояльными или оскорбительными. Иначе это мракобесие. Как бы ни декларировались его цели.

Государство объективно существует не для блага людей. Социальные отношения существуют не для всеобщей любви. К добру надо стремиться, за него надо бороться, но нельзя провозглашать его фундаментальной истиной бытия и основанием социологии.

И когда мы после Лоренца говорим об агрессии как о необходимом инстинкте. И когда мы констатируем разную степень возбудимости, и темперамента, и выносливости к разным условиям, и коэффициента интеллекта у разных этносов и народов. И когда мы видим, что групповая самоидентификация на этнической или религиозной основе доминирует над групповой самоидентификацией на основе гражданской сплошь и рядом. И когда нам декларируют отрицание всех форм коллективной ответственности (кроме почему-то отрицания коллективной ответственности Германии за войну, которая кончилась 65 лет назад и в которой никто из ныне живых немцев не повинен), и тем самым отрицают групповую самоидентификацию и групповую самооценку относительно негативной информации – зато уж гордость своим народом за все хорошее пропагандируется всеми! И когда господствующие сегодня в социологии передовых стран псевдоученые с докторскими степенями отрицают социум как единую систему, отрицают социальные законы как законы объективные, надличностные, – говоря о недопустимости смертной казни к изуверам-убийцам и тем самым отрицая необходимость рассматривать социальные события не только на индивидуальном, но прежде всего на социальном уровне, на уровне общественных необходимостей. То —

Мы должны постоянно твердить себе старинный рецепт Блеза Паскаля: «Давайте учиться хорошо мыслить – это и есть основа морали».

Ритуал

Ритуал – это когда делают что-то не как придется, не как хотят, не кто в лес кто по дрова, а общепринятым, традиционным, утвержденным, тщательно соблюдаемым образом. Придерживаясь в действиях деталей, мелочей, принятой последовательности. И речь не о топке печи, не о мытье пола, не о производственных каких-то операциях, – речь о чем-то сколько-то торжественном, отвлеченном, церемониальном. Принесение присяги; целование знамен; разрезание ленточки при пуске объекта; свадьбы, крестины, похороны.

Ритуал – это действия без конкретной утилитарной направленности. Они никак не помогают в хозяйстве. Они носят оттенок символичности, торжественности, некоей особой значимости. Вечный огонь. Президиум на сцене. Подъем флага.

Ритуал есть военный, церковный, государственный, бытовой: можно много наподразделять. Производственный ритуал тоже везде почти есть. Но производственный уже ближе к рабочим привычкам. Церемониальный марш, воскресная обедня, вставание парламента при исполнении государственного гимна. Условные действия. Выражают общее уважение к каким-то ценностям.

Мы подъезжаем.

Ритуал – это традиция. Церемония. Общепринятость. Единообразие. Символичность. Отсутствие прямой утилитарной целесообразности. Приподнятость. Значение. Формальная условность. Но психологически важная. Рекомендуемая участникам определенных ситуаций и действий.

Ритуал – это формальное единообразие символических действий. Парад, закладка фундамента, молитва, рукопожатие. Действия эти – или совместного характера, или общение человека с богами. Связанные с более или еще более важными вещами: армия-война, боги и как с ними ладить, совместное дело и совместное проживание.

Ритуал есть поведенческая разновидность культурного кода. А именно: проявляется ритуал именно через поведение, он есть *упорядоченная форма поведения* в традиционных социальных ситуациях. И важны ритуальные действия не сами по себе – сами по себе они условны. А важны тем, что они выражают. Доброжелательность, уважение, согласие, подчиненность, мощь, веру.

Ритуал у животных частично совпадает с социальным кодом, частично – способ передачи информации для координации действий. Через ритуальные движения и действия животное

обозначает свой статус, свое отношение и свои намерения. Ритуалом могут стать особенности способа действия, когда эти особенности утеряют утилитарный смысл и превратятся в привычку без физической целесообразности, но психически связанную с действием.

По мере наращивания культуры человеческие отношения чрезвычайно усложняются, а поведение чрезвычайно разнообразится. Личность становится многограннее, а свобода ее больше. А сожительствовать и сотрудничать в одном социуме как-то надо. Не говоря уж о необходимости дружить с Господом.

Чем богаче культура, чем сложнее человек, – тем меньше знаешь, чего от него ожидать. Может он всего-разного много, и обо всем не расспросишь, и рассказывать долго. Объем и ассортимент возможных опасностей со стороны окружающих растет. То есть:

По мере роста социума – растет неопределенность внутрисоциального поведения. Или, что то же самое, нарастает социальная энтропия. Разросшийся народишко движется в сторону вавилонского столпотворения, оно же вавилонской башни.

Упомянутую неопределенность необходимо упорядочить, ибо без этого нельзя.

Ритуализация есть форма социальной синергетики.

Любая система стремится упорядочить себя.

Любая система существует в динамическом равновесии центростремительной тенденции к сильной организации – и центробежной тенденции к развалу и хаосу.

Можно сказать чуть иначе:

Любая система существует в динамическом равновесии синергетического и энтропийного начал.

В молодой системе побеждает самоорганизация, в старой – энтропия. Так и вершится эволюция в смене отживших систем на новые, в конечном итоге всегда более энергопреобразующие.

Социальная система не составляет исключения.

Ритуал – одна из форм самоорганизации социальной системы.

Ритуал – это самоорганизация социальной системы на поведенческом уровне.

Система отличается от аморфной массы чем? – упорядоченностью, структурированностью, организацией. Социальная система состоит из автономных монад-индивидов, обладающих самостоятельной волей, свободой, потребностями. Самопроизвольное поведение каждого – а поведение есть совокупность цепей целесообразных действий и вообще

реакций, – вот это поведение надо как-то совокупно структурировать, организовать, скоординировать, – чтоб каждый своими действиями не мешал другому, не противоречил, не сталкивался, но напротив – координировал действия для общей цели, и чтоб встроиться в общий «поток движения», и иметь свое место в общем доме.

А для этого необходимо, чтобы каждый понимал намерения каждого. Что он собирается делать? Как он ко мне относится? Будем ли мы сотрудничать? Каковы его боги, его мораль, его взгляды на жизнь? Он полагает себя равным мне, или выше меня, или ниже? У него счастье, или горе, какое у него настроение? Нам что сейчас: пить, или идти на войну, или на работу?

Оп: опять получается интересно:

Бытовой ритуал – это сигнальная система общежития индивидов. Пожелать здоровья, поинтересоваться как дела, угостить конфетой, поговорить о погоде, пригласить выпить. Что есть выражение миролюбия и возможности сосуществовать в общем пространстве без конфликтов. Готовность к определенному и общепринятому уровню взаимотерпимости, взаимопомощи, взаимоуступок. Опознавательная система «свой-чужой». Это называется в то же время вежливостью, или манерами, или культурой поведения. Но: это система сигналов, через которую выражаются отношение и намерения.

Нарушения бытового ритуала: не поздороваться, не смотреть в глаза, не предложить сесть, – выражают недоброжелательность, нежелательность контакта с тобой, враждебность. Воспринимаются как обида, оскорбление, вызов, провоцируют ответную негативную реакцию: желание сосуществовать в одном пространстве и сотрудничать замещается желанием дать по морде.

Бытовой ритуал – поведенческая разновидность социального кода в то же время. Манера поведения, речи, бытовых реакций – в то же время сигнализируют о социальном статусе человека. Аристократ, шпана и чиновник – по-разному выскажут тебе дружелюбие или недружелюбие. Как бы ни вел себя человек – своим поведением он обозначает свой статус: как статус вообще, так и статус себя относительно тебя.

Бытовой ритуал – это унификация поведенческих знаков, упорядочивающая хаос человеческих импульсов в систему социального поведения.

Бытовой ритуал – это поведенческий код социума.

Праздничный ритуал. Все трезвеем и напрягаем мозги для понимания. Праздник – это радостное событие – как коллективное, так и индивидуальное. Убили и жарим мамонта, а

раньше месяц с голода мерли, – это праздник. Перебили стаю врагов, которая сто лет нас терроризировала и чуть не сжила со свету, – это праздник. То есть праздник – это огромная общая радость по очень даже реальному поводу. Такое никогда не забудешь. Идут годы – а вспоминать хочется! вспомнишь – и то зарадуешься. Сильнейшие положительные ассоциации с этим связаны. Эх, ребята, здорово было! – бойцы вспоминают минувшие дни. А поскольку все живет по годовому циклу, и в день того события – и погода такая же, и вообще внешних природных ассоциаций больше, и в то же самое время общехозяйственного, общебытового цикла встроен день того праздника, – то в годовщину события вспомянуть его всего логичнее.

И тут же срабатывает обратная психологическая связь. Типа улыбайся – настроение лучше станет. Ты вспоминаешь былую радость – и начинаешь слегка вспоминать и переживать все то веселье – и тебе в самом деле веселее! И гордости собой больше, и уверенности в силах больше – это мы все совершили!

Реальное событие все дальше в прошлом. Празднование все меньше имеет непосредственного отношения к тому делу. И настроения искреннего все меньше – одних уже убили, другие в маразме, молодежь того не застала. Но радости-то всем хочется! А ее – искренней – все меньше, и повод все туманнее. Но праздновать-то как-то надо – это ведь хорошо, и означает нашу значительность и победность, и отдых тут, и пожрать от пуза, и попрыгать: но той, первоначальной, на адреналине бешеном вскипевшей радости, уже нет как нет сто лет. А как все было? Убили, принесли, разделали, зажарили, плясали кругом, вождю первый кус. Встали! подровнялись! построились по росту! Ты и ты – будете как будто тащить мамонта. Ты – беги и кричи, что жрать несут. Бабы все – пошли с ветками для костра! веселей пошли! Ну, вот и весело.

Праздничный ритуал – повторяемое обозначение радостного события. А хоть и не радостного – день скорби по поводу.

Во-первых, это народная память. Культура. Историческое самосознание. Исторический опыт. Сохранение в сокровищнице судьбоносных событий – без чего нет их осмысления, знания.

Во-вторых, это акт групповой самоидентификации. Мы – это те, кто убили огромного мамонта, перебили стаю страшных врагов, запустили человека в космос и открыли Америку.

В-третьих, через первое и второе, – это акт структурирования социума, опять же. Праздник – это радость по поводу совместного выживания в переломной точке; поодиночке не выжили бы.

Праздничный ритуал – это код общерадостного и

общезначимого события. Ритуал – культурное эхо праздника. Праздничный ритуал – это упорядочивание и объединение социума.

Праздничный ритуал – это акт единения и унификации социума через формальное переживание общей положительной эмоции и общего ощущения и сознания своей групповой значимости.

…Прошло тысячу лет, и подивились бы герои и победители того дня, как дико, пышно и непохоже празднуют в их честь. И обиделись бы, что большинство празднующих даже не знает – в чем дело-то там было начально!..

Ритуал отделяется по мере лет от события и становится самостоятельным актом. Праздничный ритуал через церемонию долженствует – всем гордиться, общаться, и радоваться: мы – достойная группа, мы победители, мы много вынесли, мы орлы, ур-ра нам!

И тут прибегают политтехнологи изобретают праздники! Главное – дать ритуал! и плевать, что там было на самом деле. Раз нынешние все равно не знают – так вдуть им миф насчет прошлого, главное – чтоб праздновали, радовались, объединялись.

И. Единообразное соблюдение деталей ритуала, то бишь праздничной церемонии, – есть объективное отражение его структуризующей функции: только так! всем одинаково! всегда! вот в этой последовательности и никак иначе!

Праздничный ритуал – есть культурный код исторического, функционального и эмоционального единения нации (группы).

А день рождения? То же самое, но группой здесь является семья. Праздничный стол, подарки, тосты и пожелания: акт и код единства семьи. И день свадьбы то же. А если один отмечает? Э-э: он при этом с собой разговаривает и как бы раздваивается: это тоже праздник семьи и группы, просто в таком случае реально она состоит из одного человека. «Кадрированная группа», которая при возможности и удаче готова расшириться до нормы.

Военный ритуал: без крови и огня выражает грозность, мощь, мужество, выучку, готовность, единство и согласованность военной машины. Смысл утилитарный давно улетел. «Отдание чести», «строевой шаг», «принятие присяги», «караул у знамени» могут смешить детской безмозглостью. Но – это формы выражения подчиненности, иерархии, готовности и т.д. – а шире: формы выражения военной потенции. Условные формы. Принятые. Не кровавые.

Военный ритуал – это код боеспособности армии.

Бессмысленный парад с разводом и докладом призван

обозначать: армия послушная, четкая, в огонь и в воду, сокрушит любого! И что характерно: «От войны армия портится», как заметил справедливо Вильгельм I. Кто хорошо воюет – может плохо парадировать, и наоборот. Но: вбивая в солдата ритуал – в него вбивают воинский дух подчинения, исполнения, выносливости, силы, агрессии, бравости. А дух, подчинение, выполнение любого приказа любой ценой, удовлетворение от себя как агрессивного винтика всесокрушающей машины – это стержень человеческой массы армии.

Когда ритуал отрывается от реальной боеспособности – это показуха, которой страдают армии мирного времени. Когда вооруженные массы людей перестают соблюдать всякий воинский ритуал – партизанщина перерастает в анархию и бандитизм.

Ритуал – знак структурированности армии. Показатель того, что – и пойдут по приказу, и умрут ради выполнения задачи, и выполнят все лучшим образом и беспрекословно. Без ритуала – а как знать, что он в бою подчинится тебе, а не пошлет на фиг?

Гм! Поскольку существование армии в мирное время вполне бесцельно для солдат. То воинский быт мирного времени в основном сводится к выполнению и соблюдению ритуала! Заправка коек, зарядка, зубрение уставов, мытье туалетов, строй, отдание чести, чистка обуви, – практического смысла почти не имеют! Недаром в армии ритуал обычно называется воинской дисциплиной. Ибо кроме ритуала – делать там в армии почти нечего. За исключением частей на реальных боевых дежурствах, как дремлющие ракетчики или задолбанные подводники.

Но. Без дисциплины. А точнее – скрупулезного и ответственного соблюдения бессмысленного и всепроникающего ритуала. Делать в мирной армии будет почти совсем нечего. И безделье разложит толпы пацанов – вмиг и дочиста. Бандиты, анархисты, насильники, наркоманы, наглые и агрессивные бездельники.

Военный ритуал – всасывает, потребляет, структуризирует, формализует, канализирует в направлении безопасности, подчиненности и боеготовности – огромную коллективную энергию армейской массы, не имеющую точку полезного и осмысленного приложения.

Военный ритуал структуризирует толпу в систему.

В мирной армии ритуал имеет огромное самостоятельное значение. Ибо армия только и занята соблюдением ритуала! Ритуал не дает людям спокойно спать, есть и гулять, когда войны все равно не предвидится. Ритуал здесь и внешняя оболочка, и внутренний несущий каркас армии!

М-да. Во время войн ритуал нужен в самом минимуме.

Именно для минимального обозначения подчиненности и управляемости: это код дисциплины. Дисциплина – в том, чтобы воевать по приказу: храбро, самоотверженно, ответственно, умело. Ритуал – чтоб иногда через малый знак показывать, что так и будет, все на то и заточено. Но бредить шагистикой и уставами на фронте – признак кретинизма и личной злобности.

Религиозный ритуал. Как договариваться с Высшим Существом – непонятно. Надо выказать ему уважение, покорность и любовь. Как? Какими-то действиями и словами. Поставить столб, принести жертву, помолиться. Дальше – как обычно: ритуал оформляется с повторением, детализируется, канонизируется, отдаляется от первоначального смысла веры. И все больше подменяет собой, т.е. внешними проявлениями, прозрение души и порыв разума. – – И вот уже христианская церковь, лопаясь от золота и земель, в пышных бесконечных славословиях, в бесконечных церемониях, – молится тому, кто был воплощением простоты, бессеребреничества и доступности, – и кто погнал бы их посохом прочь, а драгоценности раздал страждущим беднякам.

Ритуал призван закреплять сущность веры через слова, действия и предметы, – т.е. материальные манипуляции и артефакты.

Можно сказать:

Ритуал есть форма отправления религии.

Что за форма?

Ритуал – это структуризация религии в поведенческий и вещественный код.

Или:

Ритуал – это упорядочивание всех форм и проявлений отправления религии, их единообразие, канонизация и смысловое наполнение.

Если вообще ритуал есть код, то религиозный ритуал – это код религии на уровнях вербальном, поведенческом и вещественном. Каждое действие, моление и предмет, имеющие место в религиозном ритуале, имеют (кроме непосредственного и прямого) значение символическое, переносное, условное.

В самом общем:

Религиозный ритуал – культовый уровень социального кода.

Он поведенчески, мировоззренчески, ценностно, – упорядочивает социум на самом глубинном умственно, мистическом уровне. Здесь пахнет вытаскиванием иррационального на уровень предметного – и оформление рационального через предметное. Мне не дано понять, это непостижимо, Господь высоко, – я пытаюсь понять Его волю, Его

знаки, – и через доступные мне действия и слова вступаю в контакт с этой Иррациональной, Начальной Силой, – чтоб через мои простые действия, впущенные в этот Черный Ящик – вышло то, что мне потребно; и все должны так делать, чтоб Он не разгневался! О: я должен так делать – и все должны! А познать это нельзя… жрецы кое-что знают… но – слушаться! не рассуждать помногу! исполнять! и будет хорошо.

Инстинкт принимает форму веры.

Инстинктивная потребность познать мир, выжить в этом не совсем понятном мире, обустроить свои дела, – ведет к очеловечиванию скрытых механизмов этого мира, – попыткам налаживать контакт с этими механизмо-человеко-божествами, – и «натаптыванию тропинок» в этих односторонне видимых отношениях: повторению тех же слов, жестов, движений, жертв и т.п.

Но, поскольку происхождение и формы религии есть отдельная ветвь науки, мы здесь не религиоведы, нас сейчас интересовал только социальный аспект. А в этом аспекте:

Религиозный ритуал – это структурирование социума на иррациональном, мистическом, Высшем, Непознаваемом, уровне. На Божественном уровне, можно сказать. На уровне согласованности, предопределенности и подчиненности жизни всех и каждого Высшей Природной Силе. Так распорядились Наверху – и мы это знаем, уважаем, и исполняем со своей стороны внизу у себя – все, что требуется Верху, чтоб у нас все было истинно и хорошо.

Платон был гений, и нет сил не помянуть эту банальность лишний раз. Ибо. В нашем случае. Социум пытается угадать и определить себя – как земное отражение Высшего Устройства, как проекцию Высшего Узора на земле, как марионетку с малым запасом свободы собственных движений – которую водит на ниточках Высший Кукловод. Его надо понять, умилостивить, дружить с ним, двигаться по его плану, уговорить позволить нам что-то в желаемом нам направлении. Мудрецы и старейшины племени, шаманы и жрецы, волхвы и раввины, которые думали об этом больше всех и воспринимали воззрения прошлых поколений, – нарисуют народу более или менее определенную картину. – – Ибо человеческое сознание устроено так, что автоматически систематизирует и структурирует любую информацию; суть человека есть структуризация Бытия.

*** Внимание. Важно и неожиданно.**

СИСТЕМАТИЗИРОВАТЬ – ОЗНАЧАЕТ ПОНЯТЬ

Оно же:

ПРОЦЕСС ПОНИМАНИЯ – ЭТО СТРУКТУРИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМЫ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЕЙ

Правда, вопросы гносеологии и герменевтики тоже остаются сейчас за рамками нашей книги…

…А в рамках остается – в заключение этой пары страниц о религиозном ритуале:

Религиозный ритуал – это код Божественного устройства социума и служения Божественному предначертанию.

Социальный инстинкт за пределами рационального познания – структурирует социум вехами на поле Непознаваемого. Можно сказать и так:

Религиозный ритуал – это культурный код Непознаваемой части Бытия. Социальное структурирование на высшем, духовном, надсознательном и подсознательном уровне: единство и единообразие в вере, мировоззрении, мироотношении.

Трудовой ритуал. Он же обряд, а также церемония и т.д. Тот же, в общем, код. Перенос смыслов. Изображение охоты через танец вокруг рисунка будущей желаемой добычи – оно и магические действия, и «групповая пассионарная индукция» – разогревают и настраивают себя на охоту, и воображаемый перенос действия с условных его обозначений – в реальную охоту. Праздники урожая, первой борозды и т.п., – та же структуризация процесса, упорядочивание жизни в ее важных аспектах. Объединение в назначенных точках, организация в назначенных точках, координация в назначенных точках.

Ритуал – это способ синхронизации социальной жизни в назначенных точках пространства-времени. Так простегивают ватное одеяло – чтоб слой ваты меж тканью фиксировался нитью в точках прошивки насквозь и не сползал, не ерзал комьями, а сохранялся именно как слой. Ритуал – это винт-дырка-гайка в подвижном скреплении частей движущегося механизма: чтоб они хранили совместное положение и могли двигаться в согласном режиме. Ритуал – это гвозди, крепящие каркас социума.

Спорт. Спорт. Спорт. П'геинте'геснейшее сочетание соревнования, игры и ритуала. С физкультурой и физподготовкой не путаем.

Игра – поскольку все это «понарошку», судьбоносных последствий не имеет само по себе. Соревнование – поскольку условно-безопасным способом выясняет, кто здоровее-быстрее-ловчее. Ритуал – потому что этому игровому соревнованию часто придается значение, далеко выходящее за его формальные границы.

Спортивное состязание – это условный показатель значимости. Кто здоровее, главнее, ценнее. Зачем убивать до смерти, если можно условиться: положил на лопатки – значит,

это мясо (баба, место) твое. Кинул копье дальше всех – значит, ты получше других, имеешь право на уважение, т.е. место у костра, хороший кусок.

Одна крайность спорта – поединок вождей родов-племен-групп. Зачем всем резать друг друга, если два старшака сойдутся насмерть – и вопрос решится с минимальным пролитием крови. Здесь спорт, ритуал, естественный отбор и экономия жизней-энергии-усилий совмещаются воедино.

Внутригрупповой спорт – это соревнования индивидов на физическую значимость. Но. Этой физической значимости, в ее иногда очень условной форме (метание диска) – придается социальное значение. Победа в спортивном соревновании – означает более высокий социальный статус, чем у проигравшего.

Спорт как социальный код. Победителя больше уважают мужчины и любят девушки. Он показал свою лучшесть, свою мощь – условным образом. И его лавровый венок или золотая медаль – как галстучек воробья или рога оленя.

Спорт как индикатор энергетики. Выберите меня, пустите вперед меня, – я здоровее, мощнее, лучше.

Пока можно сказать так:

Спорт – это социальный код, предъявляемый через условленные формы физических возможностей. Победитель значимее побежденного.

Боже. Когда бодибилдеры на сцене надувают друг перед другом и судьями свои мышцы – и когда самцы раздувают друг перед другом яркие грудки и топырят крылья у кого больше: ну чисто одна картина. Победитель получает лучшую самку и место для гнезда – самка может оказаться кинозвездой, а гнездо совьют в Беверли-Хиллз.

А дальше начинаются групповые, командные соревнования, – чья команда завладеет дохлым козленком, или первой передаст палочку в беге по очереди, или забросит каучуковый мяч в каменное кольцо. «Я» заменяется на «мы». Кто-то из команды победителей могут быть некрасивы и даже не очень сильны, реакцией и ловкостью взяли. Но – ореол победителей делает их важными, предпочтительными!

А дальше два племени выставляют по пять рыл команды – и орут как бешеные! Чья команда выиграла – то племя и лучше! Что стряслось?! Почему умение вкатить мяч меж столбов десятью бугаями – наполняет счастьем или унынием целый народ?! Не один хрен? Какая разница?..

…Н-ну, а далее Большой Спорт становится формой межгосударственного ритуала. Он приобретает самодовлеющее значение. В нем возникает своя политика и профессионализация.

Он стал отраслью государственной экономики.

Спортсмен – это жрец спортивного ритуала. Спорт гробит здоровье и жизни. Но: болельщики орут – и в этот миг являют собой народное и государственное единство. Спортивный ритуал структуризирует толпу единством цели, желания, условности. Координирует воедино эмоции и усилия. Опять же: безопасная форма коллективного самоутверждения. Или:

Спорт – ритуальная форма группового доминирования.

О. А уже любая группа инстинктивно стремится быть самой сильной и т.д. – быть победительницей в этой жизни, которая есть соревнование по выживанию.

Системообразующая функция ритуала. Через единообразие речей, действий, зрелищ, церемоний, – через разностороннее единообразие форм бытия – аморфная масса структуризируется в координированную систему. Целесообразность ритуала, даже при реальной бессмыслице, – в самой его форме, обязательной для всех. Ритуал есть формальный акт, смысл ритуала – в самой его форме.

Культуровоспроизводящая функция ритуала. Он являет консервативное начало культуры. Сохранить все, что возможно сохранить! Повторять всегда без изменений все, что можно повторять без изменений! Не потерять ничего из накопленного культурного багажа. И передавать это дальше. (Даже если начальный прикладной смысл потерялся по дороге.)

Обучающая функция ритуала. Люди разные. Мозги и нервы у них разные. Отношения в семьях и на работах разные. На самотек все пускать нельзя – неучи и анархисты будут. Все важнейшие, типовые, повторяющиеся ситуации жизни – надо предусмотреть, рационализировать, и научить всех, как надо поступать. А поскольку обучение всегда немного строится на вере, всего сразу не объяснишь молокососу, – то не надо много думать! надо повторять, как сказано! все так делают.

Иррациональная функция ритуала. Люди особенно уважают то, чего не понимают. Они этого побаиваются, и при наличии угрозы особенно готовно слушаются. Таинство рождения, свадьбы, смерти, судьбы, удачи, – особенно впечатляет. Таинство требует какого-то предметно-действенного отражения, отношения, задабривания: я обрежу ради Тебя крайнюю плоть, или пожертвую ребенка, или козла, или построю Тебе храм, и буду хорошо одеваться и говорить молитву, – и тогда у меня, у нас все будет хорошо.

Структуризирующая функция ритуала. Кто есть кто в нашей волчьей стае, в нашем детском садике, кто за что отвечает и кому

что положено.

Энергоканализирующая функция ритуала. Через жест, слово, поступок, церемонию, – можно выразить презрение, ненависть, радость, благодарность. Вот чувства тебя распирают, – и весь народ распирают! – а просто убить или просто накормить всем лучшим – или не получается, или не нужно, или мало тебе этого! И тогда ты тратишь все деньги на букет безумный или подарок дурной и яркий, и падаешь на колени! Или делаешь жест неприличный, непонятный в другой стране, и даешь по морде, даже чтоб не искалечить, а гадкое чувство выразить. Всеобщее ликование в праздник, или всеобщая скорбь в день памяти горя, или всеобщая ненависть к общему врагу через митинг или речь президента. Сколько энергии, требующей агрессии и победы, канализирует футбол! Сколько ненависти канализирует публичная казнь изверга – не пристукнуть его в темном углу, а торжественно и страшно казнить на лобном месте. Ритуал – это эмоциональный клапан – и эмоциональный насос!..

Табу и его разрушение

В основе любого табу было принято искать рациональное зерно. Мол, изначально оно восходило к вполне рациональному запрету в интересах господствующего класса, или пола, или вождя, или в интересах всего общества и т.п.

Потому что табу отличается от закона именно невнятностью мотивации, неясностью смысла. Классические Десять заповедей – это скорее закон, нежели табу: смысл заповеди ясен, а ее нарушение предполагает внятное наказание – будь то по закону людскому или божескому. Заповедь «не убий» воплощается в статьи уголовного кодекса и обрастает параграфами и примечаниями.

Так. В любом обществе всегда была система регулирующих запретов, более или менее рациональная: регламентация действий и отношений между людьми.

Но в любом обществе была и система запретов весьма бессмысленных и на первый взгляд необъяснимых. Как, скажем, табу для полинезийского вождя какого-то племени касаться чьего-либо тела или питаться самому: касаться его могли только жены, а кормили его «с ложки», вкладывая куски в рот. Зачем? Ну, иначе он будет осквернен, скажем. Фрэзер мог бы привести представления туземцев о том, что так подчеркивается божественная сущность вождя.

Собственно, любая власть и любая религия всегда создают свой ритуал, включающий свод запретов – запретов на нарушение каких-то специальных правил или вообще на совершение каких-то поступков. И вот христианство, религия поначалу демонстративно простая, аскетичная, за пару тысяч лет обросла в католической конфессии ритуалом, огромным и ветвистым, как лес позолоченных баобабов. Масса незаметных для непосвященного мелочей обретает огромный смысл.

Любой религиозный человек приведет тьму доводов в защиту и объяснение рациональности ритуала и любого запрета. При том что жить без этого ритуала и запрета явно можно, и вполне неплохо, ни для чего он не нужен.

Вот для полинезийца табу ходить на ту гору. Нельзя, и все тут. А то убьют, съедят, изгонят. Простодушный ученый объясняет: ну, там когда-то кого-то деревом придавило, народ решил, что это злые боги там живут, и людей видеть рядом не хотят, карают, вот и не надо туда ходить. Допустим пока… Они темные, эти дикари, что с них взять.

Но вот явное и ужасное табу – плюнуть на знамя части. А что

будет? Армейский бог покарает? Нет, военно-полевой трибунал в Бога не верует, вломит два года дисбата своей властью «за оскорбление святыни, символа» и т.д.

А знамя, как вздыхал еще Толстой, это просто тряпка на палке. И чего образованные люди с ним носятся? Да напилил палок, нарезал тряпок – и дал хоть каждому по охапке знамен.

То есть: в деталях ритуала, в разнообразных табу – мы всегда имеем перенос значения на какое-то условное действие, условный предмет. Знамя и его неприкосновенность – есть свидетельство значительности воинской части. Плюнув на знамя, человек тем самым говорит: «Да вы слабаки, дураки, я не считаюсь с вами и вашими чувствами и мыслями, я значительнее вас». Вот этого негодяю уже спустить нельзя – да он завтра приказ не выполнит, в атаку не пойдет, к врагу перебежит: расстрелять перед строем под барабанный треск!

Что означает вполне бессмысленный жест: вложить большой палец руки между указательным и средним и направить в чью-то сторону? Ну и что? Мало ли пальцев на руках у каждого. Но этот жест значит «фигу»: я тебя не уважаю, по-твоему не сделаю, ты дурак, я значительнее тебя.

Значит, так: жизнь человека в обществе регулируется массой мелких и менее мелких деталей, а ритуал и запрет – это внешний механизм взаиморегулирования отношений человека с окружающим обществом, а шире – вообще с окружающей средой (жертвы богам, соблюдений заветов Бога и пр.).

А с ходом времени, как обычно бывает, смысл ритуала и запрета растворяется в ежедневной повторяемости, над ним уже не задумываются, и остается самодовлеющая форма.

Возьмем-ка табу российских зеков в зонах: вот уж пример удобный, наглядный и современный, и прекрасно доступен наблюдению. Масса идиотских и жестоких табу! Особенно малолетние зоны свирепствуют. Так.

Нельзя ходить на парашу, когда кто-то ест. Понятно? Понятно. Ход мысли естественный? Вполне. Дальше имеем развитие мысли: если ты – один, сам! – ешь, а в небе летит самолет – надо прикрыть еду и подождать жевать, пока он не пролетит: там кто-то в этот миг может сидеть на унитазе. Гм. А если через дорогу дом? Там ведь тоже сейчас за стеной кто-то может в туалете сидеть. Ну, если дом, то это ничего, это не считается. Почему? Потому!

Нельзя есть помидоры. Почему? Они красные, а красный цвет – табу, «западло» – это цвет посадившего тебя государства, врагов-ментов, волков позорных. Красные трусы – нельзя, и т.п. А кровь красная?.. Ну, тут ничего не поделаешь.

С земли ничего поднимать нельзя, особенно с плаца. Западло. Зачушишься. Вот поднимешь зимой с плаца упавшую с головы свою шапку – и через это можешь «зачушиться», оказаться опущенным. Почему?! Могут пробормотать, что нельзя кланяться, работать на земле и проч. ерунда.

То есть люди сами усложняют себе жизнь. Зачем? Такой ритуал соблюдать любой шибздик может, силы и ума не надо. Наука социопсихология в ответ бормочет невнятно, не в курсе дела.

Дорогие мои! Да именно в этом усложнении себе жизни собака и зарыта. Зек не может костюмчиков накупить, музычку послушать, модной машиной похвастаться, ни такси, ни метро он не пользуется, и социум, в котором он существует годами долгими, прост и примитивен до ужаса: ну, пахан, блатные, мужики, опущенные, феня, кум, татуировки, и изо дня в день, из года в год одно и тоже. И он придумывает и создает себе более сложную жизнь, условности в нее вводит и значение им придает. И через то жизнь его делается полнее и интереснее, разнообразнее, забот у него больше, поводов для переживаний больше, – короче, его центральная нервная система получает больше ощущений, для этого она поводы к ощущениям и придумала. Только и всего. Неясно еще?

Вот две дамы на пляжу. Одна в купальных мини-трусиках топлесс: меж ягодиц у нее ленточка, на лобке у нее треугольник у́же ладони, мужики на нее глаза пялят вожделеюще, но – приличия соблюдены: так ходить на пляже сейчас принято. Кое-где. В Европе. А вторая дама в прекрасном кружевном белье, и панталоны у нее с оборочками, и бюстгальтер с цветочками, и прелести ее прикрыты гораздо основательнее при этом, чем у первой. Но выглядит она, по всеобщему мнению, неприлично, неподобающе. В таком белье перед любовником раздеваются, а не на пляж ходят. Первая обнаженная, а вторая – раздетая, разницу улавливаете? Назначение иное, ассоциации возникают немного разные.

А пусть-ка они обе на дипломатическом приеме снимут только юбки, а все остальное останется – оживления-то сколько будет! Потому что нарушение условностей вызывает сильную эмоциональную реакцию прочих граждан, эти условности соблюдающих. Это нарушение уже – вызов, вольность, шокинг, хамство, неприличие, оскорбление.

Если ты на пляже в плавках, еле прикрывающих гениталии – это нормально. А в длинных кальсонах с пуговицами – идиот и посмешище. А вы говорите об отсталости дикарей с их табу.

Но. Но. Масса условностей и запретов напрягают

человеческую жизнь массой мелких смыслов и дают массу поводов для забот и переживаний. Общая сумма ощущений при этом увеличивается. Надо соблюдать, и стараться, чтоб у тебя в этом смысле было все в порядке, как надо, как принято, как у всех, тогда ты чувствуешь себя уверенно, ты не хуже других, а иначе – ты не такой, как все, тебя не уважают, тебе дискомфортно.

Ритуал и табу обогащают твою жизнь дополнительными представлениями и ощущениями.

Это первое. А второе: что значит усложнение жизни? Это значит, что она более структурирована, более упорядочена, дальше от хаоса, чем при беспорядочном и вседозволенном смешении всего и вся. Это та организация, которая противоположна энтропии.

Избыточная энергетика человека и есть истинная причина ритуала и табу. Эта энергетика выражается во всем, в том числе и в ритуально-запрещающих формах организации человеческого общежития.

Чем меньше хаоса – тем больше энергии. Масса идиотских и условных предписаний на все случаи жизни – одно из воплощений избыточной энергетики человека, один из ее аспектов.

Это происходит на уровне инстинкта, на уровне витальной силы, а уж смысл к этому подстегнуть можно всегда, для рефлексирующего разума это дело нехитрое.

Один из сильнейших примеров – соблюдение ортодоксальными евреями всех многочисленнейших предписаний ветвистого Закона. Боже! Нельзя того и нельзя сего, надо так и надо эдак. Это же ведь надо додуматься, что в субботу можно все-таки ехать на лифте, но нельзя самому нажимать его кнопку, потому что это включение подпадает под запрет на работу в субботний день. А пешком топать – хоть на сотый этаж, сколько влезет, на это запрета нет. Это же ведь надо было додуматься, чтобы из библейского запрета «не вари козленка в молоке его матери» вывести не только запрет на бутерброд с колбасой, потому что масло молочное, а колбаса мясная, но и вообще на употребление мясного и молочного в одну трапезу, и запрет на использование под мясное и молочное одной и той же посуды, и холодильников под них надобно держать два, и если нельзя два стола – то необходимо две разные скатерти, и странно еще, что не два разных комплекта вставных челюстей.

Явная бессмыслица, да? Но с каким нечеловеческим упрямством из века в век, из тысячелетия в тысячелетие соблюдают верующие евреи все свои предписания! А теперь

скажите, что евреи – народ с пониженной энергетикой. Да нет, все сходятся на том, что напротив, с повышенной. А делать ортодоксальному еврею нечего, кроме как ревностно соблюдать закон и выискивать в священных книгах все новые скрытые указания к новым соблюдениям всего на свете. И вот немалая его человеческая энергия прет на дальнейшее разветвление и строжайшее соблюдение ритуала (ибо, полагает иудаизм, «если все евреи хоть два шабата подряд будут свято соблюдать все, что велел Господь», то придет Мессия и настанет счастье Израиля и Царство Божие. Что вряд ли, уже по той причине, что разные течения иудаизма придерживаются немного разных взглядов на соблюдение и исполнение массы мелочей).

Жесточайшая и подробнейшая структуризация иудаизма – система антиэнтропийная, высокая степень порядка противостоит хаосу. Эта структуризация – суть энергия народа в одном из аспектов своего воплощения.

Чего в основном касаются ритуал и табу?

Всяческое регулирование сексуальных отношений.

Естественно связанные с ним степени и условия оголения тел.

Степень лояльности господствующей идеологии общества.

Поведение в обществе.

Получается, братцы, что масса смешных, нелепых, условных вещей – связаны, однако, с базовыми ценностями существования человечества. Ух ты.

То есть:

Не в том дело, что ритуал и табу условны и бессмысленны, а в том, что смысл их – в самом их существовании: повышении энергетических связей человеческого сообщества на главнейших направлениях – размножение и взаимодействие в деятельности.

И что же мы видим сейчас?

Мощной мировой силой является исламский фундаментализм. Он энергичен, агрессивен. Фанатичная вера, жесткий религиозный ритуал, масса запретов и ограничений, резкое разделение женской и мужской функций. Воюют непримиримо, жертвуют жизнями, наглы, ни черта не боятся. Общество энергично – и структура его жестка: это аспекты одного и того же.

Кем считает исламист голых белых баб на пляже, которые по обстановке не прочь трахнуться? Шлюхами. Их можно драть с презрением, но жениться на такой – Аллах избавь от дикой мысли. Европейцы считают кавказцев и арабов, которые в стриптизах и на пляжах истекают слюной, но плюются, дикарями: отсталые взгляды, понимаешь.

А кем европейцы считали голых полинезийцев – когда сами европейцы взглядов придерживались суровых, и дамская ножка, по щиколотку публично обнаженная, была пикантной вольностью? Опять же, дикарями.

Оценочка малость хромает: получается, что дикарь – это не такой, как ты, только и всего.

…Собственно говоря, табу – величина негативная. Это понятно. Запрет не существует сам по себе, запрет – это противодействие. Есть ритуал – позитивная величина, свод предписаний к действиям, и запрет – это его, так сказать, запретительная половина. Запрет на какое-то действие – это, во-первых, подразумевает, что импульс к такому действию уже имеется, и, во-вторых, означает, что действовать надо не так, а как-то иначе. То есть:

Табу свидетельствует о наличии энергии на этом участке – и регулирует, направляет эту энергию, ставя заслон в одном направлении и оставляя пространство для выхода ее в другом направлении. Это можно уподобить системе шлюзов, плотин, клапанов и т.п., аккумулирующих массу и силу воды и пускающих ее в определенном направлении, где она может совершить определенную работу – будь то мельница или гидроэлектростанция.

А если убрать все перегородки? Свободно растекающаяся вода никакой работы совершать уже не будет, не сможет.

Запрет (см. «Искушение») уже сам по себе рождает противодействие. Он привлекает внимание, возбуждает протест, и энергия противодействия, если не взламывает его, то ищет себе применения в другом направлении, на другом участке.

Тогда можно сказать:

Табуирование – это способ повышения человеческой энергии, как индивидуальной, так и в сообществе.

Самая простая аналогия – это известная теория творчества и вообще многих видов и способов деятельности как сублимация энергии сексуальной при запрете или вообще невозможности реализовывать сексуальную энергию напрямую. Строго говоря, это даже не аналогия – это один из примеров основных, генеральных табу и их следствий.

Возьмем еще для примера армию – в мирной и военной обстановке. Мирный армейский ритуал был изощрен везде и всегда. Сложные и поступенчатые формы отличий и наград, подробности экипировки и вооружения, формы отдачи приказа и формы изъявления подчинения и т.д. – отдание чести, соблюдение распорядка и масса разных изгилений, доводящих до изнеможения новобранцев и держащих бездельничающую армию

в таком напряжении, что римские легионеры вообще рассматривали войну как отдых от всего этого кошмара.

И вот армия в действии, в бою. Мгновенно и «автоматически» слетают глупые ритуальные предписания. Вся энергия устремляется в одном направлении – победить и выжить. Все, что способствует победе в бою – всячески культивируется. А чистка пуговиц, парадная маршировка, обязательное единообразие не только обмундирования, но и заправки постелей – фронтовиками отбрасывается с глумливым пренебрежением: глупо, ненужно, не до этого. (Отчего фанатики армейского блеска типа Вильгельма I и констатировали со вздохом: «От войны армия портится».) Фронтовик гордится своей внешней расхлябанностью, своим неуставным, но эффективным и удобным оружием, своим полным пренебрежением к ритуалу. И хороший командир так же гордится своей толпой оборванцев, которые могут привести в ужас инспектора, но в бою перегрызут глотку любому врагу.

На кой же черт в мирное время ритуал? Любой приличный командир это знает прекрасно. «Чтоб поняли службу». Иначе разложившаяся в безделье и вседозволенности армия не будет пригодна к бою: духа армейского не будет, напряга энергетического не будет. Дисциплина ритуала переходит в ту дисциплину, которая заставляет выполнять приказ – уже приказ на тяготы огромные, на бой и смерть.

Могут спросить: а если замордовать армию ритуалом? Конечно, тогда тоже ничего хорошего не будет. Измученный задолбанный солдат будет еле дышать, и место ему не в бою, а в санатории для восстановления сил. Все хорошо в меру. Не надо заставлять дурака так богу молиться, чтоб он лоб расшиб.

Точно так же в тоталитарном обществе можно залудить такой всеобъемлющий ритуал на все случаи жизни, что народ будет просто задыхаться среди перегородок по клеточкам, и нормальная деятельность быстро станет невозможной.

Но сейчас евроатлантическая цивилизация находится в другой стадии – грубо говоря, вседозволенности. Шо мы с этого имеем, и шо это означает?

Поедем не спеша и с разбега.

Когда-то пойти в театр – это было событием. Люди соответствующе одевались, и настроение было соответствующее, и буфет в антракте, и вообще праздник в храме искусства. Пойти в театр в ежедневной обычной одежде, не говоря уже о мятых штанах и старом свитере, было хамством, да одетый так человек и сам бы чувствовал свою ущемленность, неполноценность, бедность как жалкое неприличие (спец-богема и эпатажники не в счет, они на этом и играли). И как-то постепенно это исчезло (в

СССР – на рубеже начала 70-х годов). И поход в театр приобрел характер чего-то обыденного или даже рабочего – билеты недороги, ходить можно часто, все после рабочего дня, буржуев у нас нет, и т.п. Интересно, что именно в это время и происходит закат советского театра, который в конце 60-х был очень хорош, а лучшие театры были невиданно блестящи, гениальны были.

Да весь театр с его условностью и держится на ритуале! С вешалки он начинается, как фабрикант канительной фабрики Станиславский справедливо заметил! Падение искусства начинается с пренебрежения к нему, и поначалу это всегда пренебрежение к мелочам.

Нет, не потому, конечно, театр загнил, что зрители хуже одеваться стали. Это явления одного порядка – уравнивание всего пошло, исключительность всего происходящего стала снижаться, энергия института театра стала уменьшаться, энтропия пошла нарастать. Зал и сцена – они ведь вместе, две стороны одного явления, взаимозаряжаются и т.д.

Заметим, что было это не только в СССР. К нам с опозданием на несколько лет докатилось то, что на Западе было отмечено видимой чертой 1968 года, с ее студенческими волнениями, революцией хиппи и т.п. – мода на небрежность, неряшливость, грязность, утрированную «демократичность» поведения и раскованность манер.

Была отменена «ханжеская», «буржуазная» языковая цензура, и мат вылез в обыденную речь, на сцену, страницу, экран. Это что? Это языковая энтропия. Выматериться перестало быть экстраординарным выражением экстраординарных чувств – а так, вообще, выражение. В славном и глобальном американском английском вместо «скотина!», или «чтоб ты сдох!», или «черт тебя возьми» вошло в общем в языковую норму «я тебя ебал!». Если раньше такое брякнуть в приличном обществе, у людей глаза выпучивались и дар речи пропадал. А теперь – нет, ничего, привыкли. А что теперь можно сказать в приличном обществе, чтоб у него глаза выпучились? А нечего уже сказать!!! Вот это и называется языковая энтропия, вот это и есть снижение энергетики языка – когда ты убираешь перегородки запретов, и накопления и концентрации сдерживаемой энергии уже не происходит, и введением слова в обыденный оборот ты лишаешь его исключительности и взрывной силы, и если раньше ты мог выразить им сверхсильные эмоции, то теперь тебе нечем их выразить – потому что слово, которое было для исключительных случаев, стало для обычных случаев, и сравнялось по употреблению со словами, которые раньше были гораздо более слабыми выражениями, чем табуированные.

Удивительно умственное убожество сексологов и сексопсихологов, которые с научным видом поучали, что надо свободнее и без ограничений разговаривать о половых органах и половых отношениях, используя медицинскую лексику, и нечего придерживаться ханжеских табу, надо просвещать население. Надо-то надо, да ведь смотря как. Одно дело – поголовно обеспечить школьников бесплатной книгой, исчерпывающе дающей необходимые им основы всего, связанного с полом, а другое – присылать в класс сексолога, да еще мужского пола, и проводить занятие на тему дефлорации, да еще в смешанной аудитории.

А что тут плохого, спросите вы? А то, что стало больше импотентов и извращенцев, с сожалением констатируют сексологи, не будучи в умственных силах провести прямую зависимость между снятием сексуальных табу и понижением сексуальной напряженности общества. А понижение напряженности – это в переводе на механический уровень означает, что стои́т хуже и хочется меньше, неужели не ясно.

Боже мой, да люди всегда знали: чтобы хотелось – надо, чтоб было нельзя. Еще Екатерина Великая так ввела картошку на Руси, которой раньше не знали и сажать не хотели, даже если из казны крестьянам раздавали бесплатно сажать: ну его к черту, фрукт гадкий бусурманский. Поля велели охранять солдатами, картошку давать только аристократам! А на ночь охрану снимать. По ночам крестьяне стали воровать картошку и сажать у себя. В президенты Академии психологических наук Екатерину!

Если бы я был председателем Всемирного общества импотентов, я бы через ООН добился запрещения повсеместной рекламы презервативов и менструальных прокладок, которая гремит со всех каналов телевидения круглые сутки. Потому что если женщина, которую приучено рассматривать как источник менструации и вообще мокрых и пахнущих выделений из половых органов, с вежливой улыбкой и светским тоном предлагает презерватив, чтобы надеть его перед половым актом на эрегированный половой член, дабы избежать возможной инфекции, – то нормальному мужчине хочется избежать инфекции вместе с самим половым актом, а по возможности избежать и акта, и инфекции, и самой этой женщины, а лучше выпить лимонаду, или водки, или сыграть с друзьями в бильярд, или в лучшем случае попытаться заняться онанизмом, воображая сексуальные сцены с прекрасной принцессой, которая и слов-то таких не знает, а если и пользуется прокладкой, то мама-королева ее научила в нежном возрасте, что говорить на эти темы неприлично, а в обществе – просто невозможно.

Но сегодня мы имеем то, что имеем. А имеем мы не только понижение рождаемости белой цивилизации, но и понижение ее сексуальной энергии.

Невозможность развода при церковном браке – это бывало ужасно. Сейчас жениться вообще необязательно: живи с кем хочешь, хоть ночь хоть всю жизнь, хошь рожай, хошь не рожай, – права человека. Никакой девственности, никакой простыни на дворе после первой брачной ночи, и статьи в газетах о пользе внебрачных связей для укрепления брака.

Порнография, наркомания, отмена смертной казни за убийство, гомосексуализм, пособия безработным, провозглашение отсутствия социальных, расовых и национальных перегородок и т.д. – всем явно, что маятник либерализации от положения крайних зажимов качнулся в другую крайность – узаконенной вседозволенности. (Не полной, полная невозможна. Где мера, как ее определить? Мы лишь констатируем перегиб.) И в институте брака, и буквально во всех прочих социальных институтах мы имеем сегодня резкую либерализацию – иначе это можно назвать свободой допусков, люфтом, разбалтыванием. А можно сказать так: упрощение ритуальности и резкое сокращение запретов.

Комплекс табу белой цивилизации резко сократился по сравнению с тем, что было во многовековой истории и что было еще полвека назад.

Это означает: упорядоченность жизни сообщества уменьшилась. Уменьшилось разделение всех поступков на можно-нельзя. Можно сказать и так: степень структуризации поведения снизилась.

Что это означает уже само по себе?

Это означает повышение энтропии сегодняшней белой цивилизации. Понижение энергетики. Закат, упадок, разложение, гибель.

Снятие ограничителя с дроссельной заслонки двигателя ведет к его быстрому износу, падению мощности и приведению в негодность. А если насверлить дырок в стенках цилиндров, чтоб газ при сжатии мог выходить куда хочет, а то его давит сильно, он тоже имеет право – то степень сжатия упадет и автомобиль не поедет, а может, мотор вообще работать не будет.

Табу – это ограничители энергии в двигателе человечества, которые в суммарном результате и общем историческом итоге направляют человеческую энергию в созидательное русло.

Сегодняшние снятия табу – отчасти причина, а отчасти следствие, а отчасти свидетельство, а отчасти аспект – взаимосвязь тут сложная, всякая бывает, одно с другим сопрягается и взаимопроникает, взаимообуславливает, – аспект

упадка цивилизации.

Цивилизация и рождаемость

1. «На детях гениев природа отдыхает», – давно сделали вывод биографы великих людей. Причем иногда вовсе отдыхает, манкирует.

Александр и Цезарь были бездетны. Единственный сын Наполеона, хвороба, умер в детстве. Единственный же сын Петра I был казнен по приказу отца. Бывали и многодетные властители, но факт налицо: **любая** правящая династия в конце концов оказывалась без потомков. Представитель самой древней царствующей фамилии сегодня – королева Дании: ветвь не прерывается уже тысячу лет, чем датчане страшно гордятся. Отметим, что последнюю сотню лет, правда, короли Дании являются таковыми лишь по праву рождения и номинально, эдакие реликты, символ традиции, но ничего не решают, и к великим людям, переделывающим мир, их отнести нельзя. А ведь поскольку все мы – чьи-то прямые потомки, то прямая родословная любого человека тянется на тысячи лет вглубь истории, до ребят в мамонтовых шкурах и с палицами.

О Хаммурапи и Тутмосе II судить труднее, но генеалогия европейских государей и потрясателей со времен раннего Средневековья вполне достоверно и досконально прослежена в документах, летописях, церковных книгах: тут смотрели в оба, речь о наследовании государства шла. Карл Великий, Генрих Бурбон, Иван Грозный, Густав-Адольф, Фридрих II, – а также Ленин, Гитлер, Тимур-ленг, Чингиз-хан и Махмуд Великолепный… ау!..

Примем во внимание, что государь и вообще крупный политик – это профессия повышенного риска. На них устраивают покушения, травят, давят, отстреливают, свергают с последующей ликвидацией, им всячески роют яму конкуренты. Можно сделать вывод, что сопротивление окружающей среды, растущее пропорционально величию и значимости их дел, в среднем превышает запас их биологической энергии: раньше или позже их генетический код исчезает вследствие неблагоприятных и явных внешних условий: ну не дают им ближние жить вечно в своих потомках, работа у них вредная и опасная.

Это можно сказать о героях, шире – вообще о профессиях повышенного риска, если рассуждать таким образом: о солдатах, охотниках, мореплавателях, шахтерах. Здесь, правда, родословная известна в лучшем случае на несколько столетий, так что допущение остается чисто теоретическим, хотя вполне логичным: больше риска – меньше шансов из поколения в поколение давать

потомство.

А если взять великих людей из областей вполне безопасных: наука, искусство? И у Дарвина, и у Толстого с детьми было все в порядке, и у Пушкина, и у Эйнштейна, и у самого Шекспира. А наоборот? Данте, Бальзак, Микельанджело, Леонардо, Рембрандт, Бетховен, Кант, Шопенгауэр, Ницше… Ну, степень величия в науке и искусстве определять довольно трудно, это дело неточное и во многом субъективное. Но оба списка будут соизмеримы между собой по длине. Примерно поровну, бездетных даже чуть-чуть больше.

Теории вероятности это никак не соответствует. У подавляющего большинства людей дети есть.

Могут возразить, что в прежние века, при высокой рождаемости и слабой медицине, потомство давал меньший процент людей, чем сейчас: как бы еще продолжался естественный отбор по линии физического здоровья, а то б мы давно на материках теснились плечо к плечу. А в науке и искусстве было много людей с отклонениями от нормы: увечных, прибабахнутых, закомплексованных, странных, они в науку и искусство и двигали со своими странностями: ну, чудаки, слегка не от мира сего, а брачный институт был строг, куда им жениться и детей делать.

Оно тоже так. Но фактов это никак не меняет. Увечных много, а гениев мало. Мы сейчас не о том, что у калек меньше детей, чем у здоровых, и не о том, что среди гениев процент «увечных» выше, чем среди людей в среднем.

Мы о том, что люди, которые своими сознательными, созидательными, «цивилизаторскими» действиями делают для человечества больше среднего человека, размножаются меньше среднего человека.

XX век, успехи медицины и свобода нравов, и прожиточный уровень выше прежнего, можно прокормить уж куском-то хлеба любого в цивилизованном государстве, – прошу: Дали, Эйзенштейн, Фолкнер, Акутагава, Курчатов, Грета Гарбо, и т.д., и т.п., и др., и пр.

Под каждого такого бездетного можно подбить базу психологии, социологии, физиологии. Это все частности. Как говорил толстый Карлсон, «это все пустячки, дело житейское». Важнее тут бесспорная закономерность на самом общем уровне: чем больше совершаешь – тем меньше размножаешься.

2. Древняя народная примета: «Когда рождается больше мальчиков – это к войне, а когда больше девочек – к миру». «Какое суеверие», – пожал плечами просвещенный науками XX век, но к концу своему взглянул на статистику и призадумался.

В среднем всегда и везде рождается на 100 детей 49 девочек 51 мальчик, а в подростковом возрасте соотношение уравнивается, а в зрелой молодости мужчин всегда меньше, чем женщин, – это давно выяснили. Много сказано о том, что это целесообразно с точки зрения природы, что один мужчина может оплодотворить многих женщин, что и в животном мире среди самцов конкуренция, чтобы самый лучший давал лучшее потомство. А также что мужчина рискует, воюет, гибнет чаще, вот и создается природой «с количественным запасом».

Менее понятно другое.

Почему мужчина, при прочих равных условиях с женщиной, живет меньше. А главное – у него более высокая детская смертность!

И почему перед войнами мальчиков рождается действительно больше, что с неохотным непониманием свидетельствует статистика.

Ну, меньшую продолжительность жизни списывают на алкоголь, курение, гиподинамию и стрессовые нагрузки на работе, – мужчина ведет более нездоровый образ жизни, чем женщина. Положим. А почему, черт возьми, он его ведет?! Отвечают: традиция так сложилась, наследие патриархата, более сильный мужчина лезет в свары и развлечения, а подчиненная им женщина воспитывает детей и хлопочет по хозяйству, вот оно для здоровья и полезнее. Да какой же, черт возьми, в наше время в цивилизованных странах патриархат?! Отвечают: ну, патриархата, может, и нет, а гнусное наследие осталось… Функция материнства, опять же, привязывает женщину к скучной, но для здоровья и долгожительства полезной деятельности домашней хозяйки.

А почему мужчины в среднем менее стойки к заболеваниям? А образом жизни подточены. Ну-ну…

А почему и в юности, когда юноши и девушки равно свободны и беззаботны, юноши больше курят, пьют и прочее? Отвечают: а вот потому что старая несправедливая мораль к ним снисходительнее, им больше прощает и позволяет.

А почему, чтоб вы сгорели с вашей моралью, девочки раньше начинают ходить и разговаривать, раньше развиваются и взрослеют, а у мальчиков бóльшая детская смертность?! Тут наука начинает мычать и блеять, что материнская функция многое определяет, что функции полушарий мозга мужчины и женщины во многом различны: у одних за речь отвечает правое, а у других левое, и так далее: левое-правое абстрактное мышление, левые-правые мелкие точные движения. А почему, зачем, что это значит?! Ну, вот так…

А умирают-то почему мальчики чаще (мы сейчас не имеем в виду, разумеется, несчастные случаи любого рода)?!

Слушайте. Мужчина – защитник, воин, добытчик, устроитель жизни, – больше сталкивается с «передним краем» жизни, чем женщина. Он – более «преобразующее» начало, а женщина – сохраняющее, это тоже давно известно. Таковы функции двух полов.

Мужчина мощнее физически – и без спорта ясно.

Мужчина агрессивнее, что тоже понятно.

Мужчина сильнее и интеллектуально, – как это ни обидно для женщин, особенно в нашу эпоху борьбы за отмену любых различий между двумя полами. Разницу в успехах в теоретических науках в наше время уже невозможно списать на угнетение женщины мужчиной и заботы материнства: и образование равное, и бездетных женщин полно, и сплошь и рядом женщина-ученый рьяно и целиком погружается в свое дело. А все равно почти все вершины берут мужики.

Ничем шахматистки, кроме своих шахмат, не занимаются, – как и все спортсменки-профессионалки. Но турниры между мужчинами и женщинами давно прекратили – чтоб не оскорблять прекрасную половину гадостной демонстрацией мужского интеллектуального превосходства.

Из этого следует только одно: мужчина *энергичнее* женщины, то есть способен в окружающем мире произвести бóльшую работу. Мышцы – ладно бы еще, – центральная нервная система энергичнее.

А самое главное – на уровне соприкосновения с границей окружающего мира он проявляет бóльшую энергичность в каждом касании, и испытывает поэтому большее сопротивление окружающей среды. Это происходит на уровне биополей, на уровне электропотенциалов, на уровне активности биохимических реакций и нервных импульсов.

! Мужчина реагирует на любые внешние раздражители менее адекватно, чем женщина, с точки зрения самосохранения индивидуума.!!

Он менее находится в гомеостазе с окружающей средой, менее в мирном равновесии, чем женщина, он более неуравновешен, имеет бóльший импульс к несогласию, конфликту со средой, изменением и переделкой этой среды. Он реагирует *излишне энергично*! Его центральная нервная система излишне дергается, больше, чем женская!

Мужская нервная система по сравнению с женской более приспособлена, более направлена, нацелена, предназначена, на взлом внешнего, передел мира, изменение окружающей среды,

совершение максимальных действий – и менее направлена на сохранение себя, сохранение индивидуума.

У мужчины слабее развит инстинкт самосохранения и сильнее развит инстинкт преобразования мира.

То есть мужской инстинкт жизни раскладывается на самосохраняющий и природопреобразующий аспекты чуть-чуть в иной пропорции, чем женский.

Вот этой разницей в устройстве центральной нервной системы и объясняется бóльшая смертность у мальчиков. Мальчик больше «нарывается на неприятности», он «пренебрежительнее» реагирует на угрозу опасности вначале, позднее оценивает ее серьезность, менее «дозированно» и излишне активно на нее реагирует. Вот поэтому у мальчиков смертность выше. Да и у мужчин в любом возрасте, при прочих равных с женщинами условиях[1].

И еще один причинный аспект, уже более простой. Мужчина энергетически мощнее женщины, и развитие его происходит медленнее, что вполне соответствует общим законам биологии. Таким образом, незрелость его дольше женской, период формирования иммунитета организма к инфекциям и вообще сбоям больше женского. Мальчик дольше девочки незрел и неустойчив к внешним воздействиям – вот они и имеют возможность дольше на него отрицательно воздействовать – условно говоря, не шесть лет, а семь, или не тринадцать, а пятнадцать. Дольше взрослеют ягнята – больше волки успеют утащить. В каждый момент своей жизни девочка преодолевает период равной вероятности угрозы болезни быстрее, чем мальчик, быстрее проскакивает опасную зону.

Так вот, вернемся теперь к подскоку рождаемости мальчиков перед войнами, и девочек – перед прочным миром. Это только кажется примитивным суждением – мол, мальчикам воевать, потери будут, Или: многих мужчин не досчитаемся, вот мальчики восполнят потери. Вот их и больше. Оно так и есть на самом деле, просто механизм чуть иной.

Война – это гигантский энергетический выплеск. Это не только люди бьются друг с другом – это годовые кольца на деревьях шире, природные катаклизмы активнее, выбросы протуберанцев и солнечные пятна активнее. Совокупно со всей природой получает больший энергетический заряд и человечество. Зародыши и эмбрионы тоже получают этот дополнительный энергетический заряд – которым пронизано все пространство, вся материя. И складываются и развиваются по более энергичному, мужскому, типу, и содержат в себе больше энергии.

И близкое прохождение кометы, и небывалые морозы, засухи и землетрясения, и как бы неожиданная резня народов, и повышение рождаемости мальчиков – явления одного уровня.

Больше мужчин – больше максимальных действий. А война, в пересчете на единицу времени, действие самое максимальное.

3. У кого детей больше – у богачей или у бедняков? Опаньки!.. Казалось бы: богат – значит, приспособлен, умен, силен, дает потомство в первую очередь, раз у него больше возможностей и в выборе партнера для супружеской жизни, и в прокормлении детей.

Что же наблюдается на деле? Плодовитость бедняков – притча во языцех. Крыша худая, хозяйство нищее, а по дому бегают мал мала меньше. Прокормить детей не может – а новых стругает. Куда, зачем, почему? – жизнь, понимаешь, природа…

Если вернуться даже в недалекое прошлое, на сотню лет, скажем, и посмотреть на деревню, – а большинство народу крестьянствовало в деревнях, – то жили в ней все достаточно ровно, без излишеств. Богат – дом большой и крепкий, скотины больше, питание сытное. Беден – домишко плохонький, скотинка худа и малочисленна, питание скудное, иногда впроголодь. А образ жизни одинаковый, работа одинаковая, социальный слой один. И если мы возьмем такую патриархальную деревню, где царит некая исходная справедливость и исходное равенство – участок земли для прокорма достаточен, богатых наследников-бездельников и дармоедов нету, все в поле пашут, все горб ломают – то кто, вероятно, богаче? Тот, кто работает лучше, кто умелее, старательнее, сильнее, сметливее. И что ж, многодетнее они в среднем? Да нет. Как же так?.. Мужик росл и мощен, баба грудаста-задаста и расторопна, дом полная чаша – а в плодовитости преимущества нет. Соседи – мужичонка хил, баба тоща, оба неумехи, а детишек полно.

Что-то здесь здорово не согласуется с логикой и теорией естественного отбора. Может, у умных больше детей? Ни фига подобного.

А если голод, эпидемии, политические катаклизмы? Богатый может сбежать, откупиться, прокормиться, дорогого лекаря позвать. Для него больше вероятность детей сохранить и вырастить, чем для бедняка. Верно. В больших передрягах процент выживших богатых детей выше, чем бедных, у них условия лучше.

Как бы получается, что гены зажиточности передаются с большей вероятностью, чем гены бедности, – если уже есть носители этих генов, родившиеся дети. Как бы богатый рожает меньше, зато сохраняет лучше.

А бедняк берет количеством. Родил вас на свет, дети мои, что мог – сделал, а уж дальше крутитесь сами, авось кто и выкрутится.

Это уже попахивает некими общими биологическими законами. Высшие животные рожают мало детенышей, носят долго, растят долго, опекают, и процент превратившихся во взрослых особей высок. А низшие – мечут икру, или кладут кучи яиц, или приносят полдюжины мышат каждый месяц – кто засох, кого съели, кого мор подмел, – процент выживших ничтожен, еле-еле численность вида поддержать или слегка увеличить хватает. А как мышке детей защитить и охранить?.. Единственный способ не вымереть – это рожать новых. Народить новых несложно, это она может, а вот с кошкой воевать – увольте. Она не слон, не лев, не обезьяна, это они такие здоровые и умные, что могут себе позволить рожать по одному или несколько изредка, и поди их тронь, поди достань.

В общем так: чем биологически сложнее существо, тем меньше оно рожает потомства, и тем выше коэффициент выживаемости потомства. Простое существо сохраняет свой род как бы самим фактом биологического цикла, самим своим существованием, в которое необходимым моментом входит размножение. Беззащитную букашку все едят, давят, травят, и спрятаться ей трудно, и противопоставить буйному и опасному миру ей нечего, защититься нечем (хоть тоже старается посильно маскироваться или вонять) – а она размножается, как пулемет, и тем выживает. А лев сам любого сожрет или отгонит, а слона поди тронь, а шимпанзе своими руками чемпиона мира по борьбе задавит леопарда и найдет, чем прокормиться на дереве, когда леопард сдохнет от бескормицы. Такой индивид способен на мощные действия, и через мощь свою и энергичность, через немалую власть над природой, сохраняет род. Тучи детей ему ни к чему. Да им и не прокормиться будет.

Опять же: в сытные годы рождаемость сама собой подпрыгивает, а в неурожайные рождается у самки детенышей меньше. Этот механизм саморегуляции у природы отработан четко. В этих глубинах эмбриологии наука еще толком не разбирается, но железная закономерность и связь явны: меньшая насыщенность среды энергией – меньше травы – меньше насекомых и травоядных – меньше хищников: причем не просто одно вследствие другого, но и **единовременно:** тигрица ведь свою рождаемость регулировать не может, у нее контрацептивов нет, она еще не знает, что тигрят кормить нечем будет, потому что трава не уродилась, – а природа за нее уже это «решает» и делает, планирует семью. Просто понижение рождаемости при

наступившем голоде – это бы еще просто было (что часто также случается).

Теперь построим лесенку из ступенек снизу доверху. Что делает в мире водоросль, что совершает, как его изменяет, как энергопреобразует? Только одним образом: она размножается, она увеличивает свою биомассу, заполняет собой пространство; из энергии света солнца и вещества воды образуются многотонные массы весьма сложно структурированной материи. Она может заполнить собой водоем, целое огромное озеро – и хана озеру, нет его больше, изменился ландшафт: болото получилось, рыба вымерла, змеи с лягушками расплодились и так далее.

Размножились антилопы, сожрали и выбили траву, образовалась пустыня, пересохли реки, зато верблюда никто не трогает, ходят стада и сухие колючки жуют.

А львы жрут всех подряд, а слон и льва в гробу видал, хавает зелень тоннами и оставляет кучи помета в три фута вышиной, почву удобряет для растений.

Чем сложнее индивид, тем бóльшие изменения в мире производит каждая отдельная особь, тем выше, так сказать, индивидуальный коэффициент энергопреобразования.

Теперь вернемся к нашим баранам, в смысле – к человеку.

Напрашивается примитивный вывод, кошмарный с точки зрения морали: что бедняки – это низшие существа, более простые, а богачи – высшие, более сложные.

От оценок мы пока воздержимся, особенно от моральных. Бедняк может быть благороден, умен, может стать славным вождем или знаменитым ученым, про это сложено много сказок, это один из ведущих мотивов мировой литературы. А богач может быть подл, глуп и как личность ничтожен.

Но. Но. В энергетическом аспекте. В среднем. В общем и целом. Вокруг богача происходит большее движение материи. Большее преобразование энергии. Если по-деревенски – больше стройки, пашни, пшеницы и скота, ткется больше тканей и выделывается больше кож для обуви, производится и потребляется больше краски для крыши, добывается и обжигается больше глины для кирпичей на строительство дома и так далее. Из двух равных крестьян богатый преобразует мир больше, чем бедный. Он больше потребляет и – прямо или косвенно, лично или способствуя спросу – больше производит. А детей у него меньше… Занят сильно? Интересы другие? А зачем, почему?..

Мы говорим сейчас только о производстве и потреблении. Оставляя в стороне воителей и героев, самосожженцев-художников и ученых, – о них говорилось в первом разделе. Они –

малое меньшинство, и так или иначе их действия рождают и сопровождают для широких масс только материально-технический прогресс, то есть повышение уровня потребления и производства. Открытия! революции! философские учения! потрясающие изобретения! – а люди страдают, радуются, напрягаются и пытаются осмыслить свою жизнь, как и века и тысячелетия назад, – вот только производить и потреблять стали несравненно больше. Энергопреобразование окружающей среды человеком стало гораздо выше.

Водопровод! Горячий! Джакузи! Радио, телевизор, цветной! Моно, стерео, квадро, долби! Вертолет, ракета, лазер, инфраизлучатель! Автомобиль, с компьютером, сам едет! А пользуются такие же дураки и гады, как жили вечно… а с другой стороны такие же несчастные, умные и добрые. Просто барахла до хрена, и деятельность кругом развели страшную.

И вот мы плавно въехали в современную цивилизацию потребления. Которая есть естественный и закономерный этап эволюции вообще, и истории в частности, как процесса энергопреобразования вещества планеты и света своей звезды, процесса с принципиально положительным, нарастающим балансом. Суть процесса – в положительном балансе энергопреобразования. Суть процесса антиэнтропийна.

Что мы наблюдаем в нашей мощнейшей цивилизации? Резкое падение рождаемости. Один ребенок в семье – уже типично для всех развитых стран. Коренное население сокращается – без войн и эпидемий в закормленной и благополучнейшей Европе и США.

Ребята, это ведь хана.

«Тук-тук-тук!..

– Кто там?

– Конец.

– Чего надо?

– Пришел…»

И все это знают. И понимают. И обсуждают. Но увеличивать свою лично семью обычно не хотят.

Причины проговорены до банальности: желание повеселиться, неуверенность в завтрашнем дне, намерение сначала сделать карьеру, самоутвердиться через деньги, славу, сегодняшний полураспад института брака и семьи, общий пессимизм мировоззрения, а также развитие и распространение противозачаточных средств и возможность абортов, то есть из ловушки природы «любишь кататься – будешь саночки возить» человечество выскочило. Куда выскочило? В канаву с ярко раскрашенным дерьмом, ведущую к могильной яме?

Все причины конкретного нежелания иметь детей – это,

конечно, отговорки. Жилье есть, средства на еду и одежду есть, физически можно родить и выкормить, вырастить десяток детей – ведь всяко живут богаче, чем крестьяне двести лет назад, которые по десятку рожали.

Что, в Африке или Азии с их огромной рождаемостью живется сытнее или надежнее?! А, ах, да: они же темные, тупые, неграмотные, у них презервативов нет, они же хорошей жизни не видели, ни к чему не стремятся: ни миллион сначала заработать, ни рекорд поставить, спариваются себе бездумно, как животные. И постепенно занимают ваше место в мире, вырожденцы!!!

Я, разумеется, ни к чему не призываю. Идиотское это дело – призывы. И так уши ломит.

Я о другом. Я лишь вскрываю и констатирую:

С развитием цивилизации энергия человечества принимает все менее биологический характер и все более характер внешних действий через разум.

Как бы цивилизованному человечеству уже нет необходимости размножаться для значительного преобразования окружающей среды – изменить ландшафт, освоить в своих целях огромные пустующие территории, покорить соседний многочисленный народ, выдать на-гора груду угля и сжечь – т.е. предельно энергопреобразовать все, до чего в принципе можно дотянуться.

Раньше брали числом – работников и воинов. Пахать, воевать, строить – надо больше людей. Многочисленный народ мог больше малочисленного, мог в сумме больше сделать, создать, изменить, мог платить больше налогов и создать более сильное и богатое государство. Он покорял и присоединял соседей, вбирал и переваривал их, рос, крепчал.

Сейчас не то. Огромные грузовики и экскаваторы, автоматизированные станочные линии и электростанции. Кнопки атомных войн. Энергия сгорания земных недр и расщепления атомных ядер. Плюс рывок компьютерной информатики. Плюс торговые и финансовые механизмы, позволяющие белому меньшинству эксплуатировать нищее большинство малоразвитых стран (где работают за гроши, продолжая плодиться).

Белому человеку уже не необходимо активно размножаться, чтобы во все бóльших объемах и все более качественно переворачивать и изменять мир.

Разум изменяет мир активнее гениталий – такова сегодняшняя реальность. Размножение принципиально уменьшило свое значение для изменения мира.

Раньше родители надеялись в старости на детей: помогут, прокормят. Сейчас государственные и социальные институты

пенсий и воспоможествований позволяют обойтись без этого.

Раньше рождение и воспитание детей было естественно встроено в жизненный цикл, необходимо предусматривалось им и ничему не мешало: без детей как же? а все равно, что еще делать? – так жило подавляющее большинство. Сейчас и без детей масса занятий и времяпрепровождений.

Природе больше не нужна многочисленность цивилизованного человечества. И малочисленное отлично справится с энергопреобразованием. Много детей – только отвлекает от дела, отсасывает ресурсы времени и сил, которые можно пустить на работу.

У мужчин цивилизованных стран в среднем уменьшился и объем эякулита, и концентрация сперматозоидов на единицу объема. Биологическое уменьшение плодородия!

Так что Мальтус напрасно беспокоился.

Земле не грозит перенаселение. И сознательные усилия человечества по ограничению своей рождаемости оказались ненужными. Природа сама позаботилась о своих нуждах и интересах.

Процесс это стихийный, природный, и никакими человеческими решениями, законами и призывами здесь ничего изменить нельзя. Все происходит как бы «само собой»: по достижении определенного уровня материальной цивилизации в любой стране резко падает рождаемость. За Европой и США упала рождаемость в Японии и Южной Корее. На очереди такой гигант, как Китай: его миллиард с четвертью теперь будет только уменьшаться.

Конкретная женщина с конкретным мужчиной могут сколько угодно полагать, что это они сами решили не иметь детей сверх одного, нужного для простого, пусть регрессивного, продолжения рода и удовлетворения родительского инстинкта, приложения родительской любви. Это частный случай закона соотношения свободы и необходимости: они вольны думать что угодно, а поступают все равно так, как определено энергетикой природы. А определено ею сегодня больше потреблять и производить (а шире – заниматься чем угодно, добиваться чего угодно, получать ощущения через что угодно), но рожать меньше – только для того, чтобы больше энергии пускать через разум в действия по преобразованию мира. И все тут.

Мы мало рожаем, потому что очень много делаем. (Не по напряженности личного рабочего дня, а по суммарным результатам деятельности.)

И – мы дошли до генной инженерии.

4. Последствия генной революции неисчислимы,

трудновообразимы. Сегодня это пахнет вступлением в новый этап Истории. Разум непосредственно вмешался в устройство и развитие себя самого.

Человек начал делаться самосовершенствующимся устройством.

Клонирование дает возможность настругать любое количество экземпляров одного индивидуума. Если разразится глобальная катастрофа, в которой выживет лишь несколько человек, – в считанные десятки лет их «скопированное» потомство может снова заселить всю планету. Равно же несколько космонавтов, скажем, могут в течение одного поколения густо заселить далекую и неизвестную пока планету.

Это гигантский, качественный скачок в повышении собственной биологической энергетики человечества. Причем она становится саморегулируемой. Хотим – заселим пустой материк миллиардом людей, созданных специально под это дело, не хотим – подождем сколько угодно, в любой момент можем.

Это о количественном аспекте. А о качественном – можно корректировать генный код будущего человека так, чтоб какие-то качества родителя передавались, а какие-то наоборот, убирались. Короче, движение по своему разумению и желанию в сторону более «совершенных» людей – скажем, на уровне самых умных и здоровых. Или – специализация: всяческое культивирование талантов в той или иной области. Гений, может, бесплоден, – так мы его клонируем, пусть продолжают жить и творить гении на Земле.

Родители глупые и хилые, а о ребенке мечтают умном и сильном. Так позаимствуем кое-что из хромосомного механизма другого человека – и организуем слабакам их собственного ребенка, сходство явное в каких-то чертах, но здорово превосходит их по желаемым параметрам.

В ясной перспективе это выглядит сегодня именно так.

То есть. Биологическая эволюция человека прекратилась было. Антибиотики, инкубаторы, социальное обеспечение и пр. – стало появляться все больше уродцев, которые в естественных условиях не выжили бы. И они дают потомство, и человечество физически хиреет. Генная инженерия в принципе позволяет не только больше не хиреть, но напротив – крепчать: создавать и наследовать качества, необходимые и полезные для здоровья и выживания. Эволюция продолжается, причем на более высоком уровне – разумном, направленном, экономичном.

Да, делать человек стал больше, а рожать меньше. Энергопреобразование мира увеличилось, а биологическая энергия собственно человека уменьшилась. Но через разум, через

рациональные открытия и действия – потенциальная биологическая энергия человечества также увеличилась, резко, качественно, скачком. (Вот для чего и надо было меньше рожать, а вместо этого больше думать и работать.)

Не пятнадцать детей от женщины, а тысячу! По примитивной арифметике – человек стал в сто раз плодовитее (это вариант самого ограниченного подсчета по отделяющимся созревшим яйцеклеткам).

Пробирки, термостаты, инкубаторы, лаборатории, – технические подробности здесь непринципиальны и будут постоянно совершенствоваться.

Что бы ни делал человек – а в результате человечество приходит ко все бóльшим свершениям.

. . . . . .

Замечание на полях:

Проблема падения рождаемости отнюдь не нова в истории цивилизаций. Она принимала отрицательный, угрожающий характер еще в Древнем Риме периода расцвета – расцвета, а не упадка! об упадке вообще говорить не приходится. И придумывались в Риме специальные законы, направленные на увеличение рождаемости, принимались меры социального поощрения, деньги из бюджета выделялись дополнительно – за рождение детей и на их воспитание. Не хотели римлянки рожать, хотели жить в благополучии и для собственного удовольствия. А в провинциях с рождаемостью было все в порядке, плодились исправно. Ничего нового, а?

Что произошло в итоге с процветающим Римом? Натюрлих.

Да еще в библейской истории об исходе евреев из Египта упоминается, что фараон был обеспокоен здоровой плодовитостью евреев при неважной рождаемости у египтян, и решил выправить опасный крен репрессивными мерами: если повысить рождаемость египтян было не в его силах, то урезать еврейское потомство он средства имел. Великий Египет подходил к закату своего могущества…

Автоматический природный регулятор всегда втыкался в колеса преуспевающей цивилизации. Как бы образовывался дисбаланс в распределении энергии сообщества: больше в производство-потребление и преобразование мира через осмысленные действия – меньше в простую биологическую экспансию.

На высоких этапах развития цивилизаций биология всегда являла свое подчиненное положение по отношению к природопреобразующему разуму. Мол, и так слишком много

всего можете-делаете, размножаться вам уже необязательно.

С этого и возникали представления о «старых» и «молодых» народах, угасании жизненной энергии, деградации генофонда и т. д.

Падение цивилизаций

Какой, спрашивается, может быть исторический смысл в покорении варварской ордой цивилизации великой и богатой?

Конечно же, скорей все бегом к Риму – велик, культурен, мощен и отлично изучен.

Итак. Что мы имеем в Риме. Высочайшая многовековая культура, вобравшая многие более древние культуры Средиземноморья. Живопись, скульптура, литература, архитектура. Градостроение, акведуки, канализация. Сложная и изощренная структура управления государством, суды и право, чиновники и наместники, бюджет и налоги. Сельское хозяйство, пашни и виноградники, скотоводство и рыбная ловля. Торговля и финансы. Военное искусство, организация войска и производство вооружения.

И вот вам готы, и вот вам вандалы: племенной строй и союзы племен, натуральное хозяйство, примитивная меновая торговля, одежда из шкур или грубых кустарных тканей, неграмотны, грязны, жрут грубо и часто скудно, короче – толпа дикарей почти что… И даже по военной части едва ли равны римлянам: техники практически не имеют – ни катапульт, ни осадных башен делать не умеют, стройной организации войска нет, управление им весьма примитивно, и само оружие-то делается самосильно своими кузнецами – а уровень ремесел ох не равен римскому! – или выменивается у других народов. Победили!..

Вопрос о прогнилости Рима исследован досконально. И бюрократия, и отсутствие старых идеалов, и ожирение населения, лень, разврат, иждивенчество, паразитизм на покоренных некогда провинциях, утеря воинской мотивации наемными частями, и т.д. Факт в другом: цивилизация рассыпалась и перестала существовать, сменившись веками варварства, и только чуть не через тысячу лет европейская цивилизация вышла на былой уровень и пошла дальше и выше, чем когда-то прежде.

Были науки, искусства, разделение и производительность труда, города, и т.д. – и вот на этом месте живут грязные неграмотные орды. В чем тут прогресс?.. Какая в этом историческая целесообразность?..

Можно говорить о старении этноса и утере им энергии. Можно говорить, что варвары были молодым этносом, энергичным, на подъеме. Ну и что? А как же с производительностью, с могуществом человека перед природой, с возможностью человека реализовывать свои силы и энергопреобразовывать окружающую среду?

По самой простой, примитивной логике вещей можно было бы говорить так: цивилизация возникла, и с точки зрения прогресса должна расти и развиваться по поступательной, ну, то активнее, то пассивнее, но уж всяко не заменяться малопроизводительным варварством на многие века. Иначе это получается какое-то бессмысленное отклонение, не нужный с точки зрения поступательного хода истории спад, отброс назад.

На деле же это получается так. Кто побеждает из двух? Более сильный. И все тут. Варвары, энергичные полудикие вояки, в нужное время и в нужном месте оказались сильнее Рима. Сильнее в своей воинской целеустремленности. В добровольном желании сражаться и побеждать, не боясь смерти.

Фокус вот в чем. Ни отдельный человек, ни целое государство в своих действиях логикой общей истории не руководствуются, но только логикой собственной жизни. Рим уже больше ничего не мог. Наука, техника, производство, культура ничего не могли добавить к наследию прошедших веков. Войска ничего не могли добавить к совершенным безмерным завоеваниям. Застой. Страна истощила свои силы в тысячелетних усилиях и сделала максимум того, что могла.

Варвары же не могли ничего такого особенного, кроме одного – сокрушить Рим. Что и сделали. Совершив тем самым максимальное для своего народа действие.

Римская сила растеклась и исчезла во всех своих многочисленных и изощренных занятиях. И не было уже духу во всех мужах его взять в руки оружие и не щадя жизни умереть в ярости, сцепив зубы на горле врага. Бобик сдох.

А у варваров эта сила была. И осталась с ними после страшного 476 года, когда Империя кончилась навсегда.

Прогресс в том, что косное и старое должно было быть убрано с площадки, дав место новому и потенциальному. Медленно-медленно варварская сила обретала цивилизованные черты и направления, восстанавливала и развивала наследие римлян, чтобы через тысячу лет ринуться по всей планете, переделывая ее с чудовищной энергией, со все возрастающей скоростью.

А Восточная Римская Империя с Константинополем устояла еще на тысячу лет – и что? И снесли ее турки. И где те византийцы? И где ныне те турки? Мелочь балканских народов и дешевые базары Стамбула и Антальи. Нет, не столбовой путь развития цивилизации…

Биологическая энергия народа диких завоевателей – залог будущих великих свершений этого народа. Уже созидательных, а не разрушительных.

То есть исторический прогресс – процесс дискретный, это не непрерывный подъем каждый день и каждый год. Чтоб взять новую вершину, надо отойти назад и разбежаться. А посмотрим на путь от начала до конца – ух ты, куда влезли.

Выкорчевать высохшее исполинское дерево старой цивилизации – тоже труд, великий и необходимый; и не скоро еще на месте гигантской ямины вырастет из хилого побега новое мощное древо. Но что делать, надо.

Представим себе, что все бывшие некогда великие цивилизации остались жить вечно. Со своими нарастающими институтами, бюрократиями, достижениями и взглядами. Это ж ничему новому не протолкнуться будет. У них там родовая аристократия, сонмы богов, сложившиеся уклады и системы взглядов, колонии и войска. Куда новому государству воткнуться?.. где разместиться, как среди них, здоровых и вооруженных, выжить?

Варвары – как лесные санитары-волки: загрызают все, что чуть слабей или больное. Здоровая кровь! Жизненное пространство! вот в чем прогресс – новый виток пошел. Снова начинаем с нуля, но на самом деле каждый раз не совсем с нуля, а чуть дальше, что-то берем с собой, что-то воспринимаем и развиваем, и делаем в свой черед еще шаг вперед. Кикладики – народы моря – ахейцы – греки: шуточки делов, этой цепи развития около трех тысяч лет, каждый раз стиралось бывшее и начиналось с варварства новое, чтоб подняться до удивительной высоты.

Какой прогресс, говорите, если умирает муж мудрый и могучий, и остается беспомощный ребенок неразумный? А в том, что он остался жить, вырастет – всем покажет.

Чтобы Рим породил Европу, ему надо было сначала умереть.

…А если поставить цивилизованных и варваров рядом в один и тот же год – конечно: убогие коптящие пароходики пришли на смену совершенным парусным кораблям, тяжеленная пищаль упорно теснила скорострельный и удобный лук, да и вообще – что такое жалкий, безволосый и почти беззубый человек рядом со львом, мамонтом и буйволом.

Так что же, сметание любой цивилизации прогрессивно? А если на ее месте ничего лучшего не возникло: ау, Египет, где ты? Увы, не все зерна, брошенные из горсти, прорастают… Списывайте бесследно погибших на издержки и потери в пути. Прорастет в другом месте! Смена – всегда шаг прогресса, даже если сегодня это – шаг назад.

Объяснятель

Социальный инстинкт

Если мы начнем объяснять устройство и деятельность общества разумом – то окажется, что в устройстве и деятельности общества много глупого. Награды и почести заставляют людей стремиться к ним – и ради того совершать часто подлости и гробить здоровье из-за кусочка металла или бумажки с буквами. Блага и слава обычно достаются не свершителям великих дел, а тем, кто к ним ловко примазался. Почитают не тех, кто добродетелен и благороден, не тех, от кого больше пользы всем, а тех, кто больше нашумел или у кого больше власти. Наверх выходят по законам общества не лучшие, а пронырливые. Общество это организуется в такое государство, которое вечно гробит природу, производит ненужное и недосматривает за нужным, не вознаграждает добро и попустительствует злу. А уж про глупость войн, содержание паразитов, потакание жадности богачей, идиотический масштаб бюрократии, гробящей любое начинание – и говорить не приходится. И в правители-то обычно выходят не самые умные, не самые лучшие, не самые патриотичные и энергичные – а те, кто ловчей договорился со всеми сильными мира сего. И с удивительным тупым упорством все общества раньше или позже сами стремились к своей гибели. Вот ведь что поразительно!

Если мы объясним устройство общества пользой, то почему оно делает так много вредного? Та же экология, те же войны, то же противоестественное сочетание безработицы и гастарбайтеров, непомерное количество начальников и придурков, накачанные дрянью продукты и т. д.

Если ставить в основу общества справедливость – то оно весьма несправедливо к рядовым, к нижним, к большинству, к слабым. Вот вам митинги, бунты и революции. И вообще ни один добрый поступок не остается безнаказанным.

Если говорить об обществе как продукте общественного договора, то мы с этими уродами наверху не договаривались обо всем том, что нам навязали.

Нет, хорошее в обществе есть, кто спорит. Все же не по лесам дикарями сидим и трясемся, что любой сильный гость сожрать может. Но. Если мы все знаем, как надо по уму и справедливости, для пользы и добра, – то почему не получается так сделать? Никогда не получалось.

1. *Групповой инстинкт.*

Выжили в истории только те, кто группировался в крепкие и скоординированные коллективы, спаянные взаимовыручкой,

единством действий и оптимальным распределением функций. Так Селекционер Наверху вывел человека социального.

Одиночка был обречен на гибель. Изгнание из группы означало смерть. Включение в группу означало жизнь. (Это как высадили тебя в шлюпку посреди океана – или наоборот, подняли из шлюпки на корабль, где будешь пахать наравне со всеми, но придешь в порт.)

Групповой инстинкт стал аспектом, или под-инстинктом, инстинкта жизни. Хотеть жить – подразумевало хотеть быть в группе.

2. Что такое инстинкт? Все к биологам! Они это знают давно и отлично. Хотя определение допустимо в вариантах.

Инстинкт – это генетически заданная программа поведения, необходимого для выживания.

Если подробнее, то все равно что:

Инстинкт – это генетически заданная программа совершения цепи целесообразных последовательных действий по получению результата, необходимого для поддержания жизнедеятельности особи и вида, передачи генов и выживанию и развитию вида.

3. Из этого следует вот что первое, и весьма необходимое для дальнейшего понимания:

Если мы, как люди последовательные и добросовестные, начнем определять, что же именно такое эта самая жизнедеятельность. На самом основном, базовом уровне. То получится:

Жизнедеятельность – это поддержание материально-энергетической биологической системы в штатном режиме максимального энергопреобразования.

А инстинкт жизни? На базовом уровне – это что?

Инстинкт жизни – это имманентное стремление материально-энергетической биологической структуры к режиму максимального энергопреобразования.

То есть:

Инстинкт жизни есть импульс энергоэволюции Вселенной.

Пиковое, игольное острие этой энергоэволюции, идущей в биосфере и ноосфере с бешено нарастающей скоростью.

Субъективное «*Я хочу жить*» объективно есть «*Вселенная стремится наращивать энергопреобразование*».

4. Из этого следует вот что второе:

Если инстинкт жизни есть проявление вселенской тенденции к повышению энергопреобразования. Если инстинкт жизни – в широком смысле слова – включает в себя всю программу жизнедеятельности организма, со всеми частностями и деталями.

То:

Любой инстинкт – есть под-инстинкт по отношению к инстинкту жизни.

Любой инстинкт – есть аспект и часть общего инстинкта жизни.

Любой инстинкт – это нить в совокупном пучке инстинкта жизни.

Мы не будем включать сюда переваривание пищи, или выработку антител, и вообще физиологию организма, которой не требуется наше осознанное отношение. Дыхательный рефлекс, вероятно, находится на грани «бездумной» физиологии и осознаваемых действий. А вот жажда, голод, секс, – могут быть сочтены инстинктами в чистом, так сказать, виде.

Но. Тогда.

Принято выделять инстинкт самосохранения. Под ним принято понимать стремление избегать опасности, грозящей смертью. Тогда трусость, осторожность, предусмотрительность можно считать аспектами, или формами, или под-инстинктами инстинкта самосохранения. Или иначе – инстинкт самосохранения имеет разные формы проявления.

Более того: инстинкт самосохранения может повелевать убить врага. И здесь он есть единое целое с инстинктом агрессии.

Но. Укрытие от зноя и мороза тоже необходимо для самосохранения. И запас пищи, и одежда. Почти все инстинкты – это инстинкт самосохранения: в широком смысле слова. И вообще – это конкретизированные и опосредованные проявления инстинкта жизни.

Бегство или нападение. Прятанье от опасности или укрывание от непогоды. Делание запасов еды или предание лени, сберегающей силы. И так далее. Все это может быть классифицировано как инстинкты, врожденные программы. А может быть рассмотрено как под-инстинкты единого инстинкта жизни, как подпрограммы общей человеческой программы. То и другое правомерно. Все зависит от удобства и задач конкретного рассмотрения. Это просто масштаб: взял карту покрупнее – и соседние квадраты не попали на этот лист.

Но.

Поскольку любой инстинкт не сам по себе, а часть неделимого общего, часть Инстинкта Жизни, это просто надо всегда иметь в виду. Ненавязчиво так, за скобками.

5. И вот что третье следует из понимания инстинкта как генетической программы выживания особи и вида.

Вид состоит из особей. То, что необходимо особи – необходимо виду. Инстинктивное поведение особей складывается

в инстинктивное поведение вида. Ноу, сэр.

Природа идет от общего к частному. От Вселенной к виду, от вида к отдельной особи.

Ни одна отдельная особь не является обязательной и незаменимой для вида – но вид является необходимым для существования особи.

Вот теперь логической ошибки нет.

И получается. То, что необходимо для вида – необходимо для особи. А это уже сложнее и неоднозначнее.

Вид, пусть в рамках населяющего ареал стада, есть уже система. Особь по отношению к нему выступает подсистемой. А хоть монадой. Система же не есть арифметическая сумма единиц. Она уже обладает новым качеством и имеет новые законы и задачи. Она сложнее и многообразнее. – Надо выводить детенышей. От лучших самцов. При иерархии самок тоже. Защищать от врагов все стадо в целом. И т.д.

То есть.

Ради сохранения своего генофонда. Сохранения и развития стада в частности и вида вообще. Особь иногда должна:

Вступать в смертельную битву с врагом, хотя могла бы убежать и спастись. Жестоко конкурировать за место в иерархии стаи, а то генов не передаст, – хотя могла бы жить спокойно и дольше без этих стрессов. Обеспечивать пищей не только лично себя, но и ближайшее окружение, самку с потомством, а то стая вымереть может.

То есть:

Инстинкт индивидуального самосохранения вступает в конфликт с инстинктом группового самосохранения (видового). И решается в пользу видового. Иначе невозможно. Индивидуалисты сдохли по дороге к нашему времени.

Нет-нет, асоциальные особи случаются всегда. Но это можно считать исключением. Рецессивной мутацией, если можно так эклектически выразиться. (Борьба социума с паразитами – отдельный вопрос.)

Поскольку же инстинкт самосохранения. В расширенном рассмотрении может быть классифицирован как инстинкт жизнеобеспечения. Или вообще инстинкт жизни. Включающий в себя и «проращивающий» из себя все остальные. То мы получаем:

Инстинкт индивидуального самосохранения может противоречить инстинкту видового самосохранения, причем конфликт решается в пользу вида путем действий особи вопреки инстинкту самосохранения – но в соответствии с видовым инстинктом самосохранения.

Короче. Особь жертвует своим интересом ради общества. Или

даже жизнью.

Или:

Индивидуальный инстинкт подавляется социальным инстинктом.

Вместо «социальный» можно сказать «групповой». Суть от этого не изменится. Можно было бы сказать и «видовой», но если один доисторический род людской истребляет другой такой же, то хотя это в интересах эволюции вида, но драка все-таки исключительно в интересах своей группы. Так что говорить «видовой инстинкт», применительно к человеку особенно, здесь будет некорректно.

6. Итого.

Противоречие между индивидуальным и социальным инстинктами человека – это и есть основная проблема человеческого общежития.

7. Да! Вечно что-нибудь забудешь. То, о чем речь. Так:

Социальный инстинкт – это инстинкт жизни на уровне группового выживания.

Это, значит, в противовес индивидуальному выживанию. Социальный – он более опосредованный, значит.

8. Но… Чтобы выжить всем кагалом, драться и жрать мало. Происходит структурирование социума. Аморфная толпа организуется в стройный и эффективный порядок. Иначе хрен выживешь. Оптимальное структурирование – необходимое качество системы, обеспечивающее выживание всем и развитие потомству.

Социальный инстинкт разветвляется и изощряется в сознании каждого таким образом, что он, каждый, хочет совершать определенные действия, чтобы занять определенное место в группе, которая становится определенным образом структурирована.

Социальный инстинкт повелевает каждому стремиться как можно выше в социальной иерархии. Повелевает самореализовываться в социально значимых формах.

То есть:

9. То есть. То есть. То есть.

Вот есть Мировая Воля. Или Абсолютный Дух. Или Высший Разум. Или Бог. Или Первотолчок Вселенной.

И он закручивает и запускает всю Эту Шарманку Бытия. Которая принимает в самом общем виде форму Энергоэволюции Вселенной. Чистая изначальная бесструктурная энергия – структуризируется во Времени и Пространстве во все более дифференцированные и сложные материально-энергетические системы – от атомов водорода до государств Земли.

Воплощая своей эволюцией Закон Всемирной Структуризации, являясь агрегатным состоянием вселенской энергии, неся в себе импульс имманентного усложнения, материя переходит в своем развитии с уровня неорганического на органический, и далее на социальный, и социальные формы материи продолжают усложняться. Энергопреобразовательный уровень социальной материи растет, она становится геологической силой, а там и космической: звездные взрывы будем делать из мертвой материи.

Это – уровень объективный, физический.

А на уровне человеческом, психологическом, – на кой оно нам все надо? А-а, бабушка, бабушка!..

Индивидуальный инстинкт жизни – это импульс энергоэволюции на уровне отдельного человека. Благодаря ему человек есть самообеспечивающаяся, самовоспроизводящаяся, с большим запасом автономии, биосистема. Она, система, что? – она энергопреобразует.

Социальный инстинкт, он же социальный инстинкт жизни, он же инстинкт видового, или группового, или коллективного, выживания, – он что? Он обеспечивает существование социума, группы, коллектива. Которые – что? Которые, во-первых, есть система по отношению к человеку. А во-вторых, энергопреобразуют уже не как арифметическая сумма человеков, из которых состоят: но качественно больше, на своем системном, новом, более высоком уровне.

Социум делается по мере социальной эволюции все более сложным. Чем больше энергии он преобразует – тем сложнее его иерархия. Тем разнообразней социальные роли человеков, из которых он собран. Тем разнообразнее и многограннее социальные отношения.

Как всякая система, социум эволюционирует к усложнению.

В усложняющемся социуме усложняются внутрисоциальные отношения и импульсы.

И.

Инстинкт жизни отдельного человека, существуя в ипостасях индивидуального и социального, дробится и ветвится на ручейки, усложняется и изощряется в сфере социальных целей, ценностей, отношений и форм проявления.

10. Вот два человека в поезде разговорились, заприятельствовали, помогают друг другу чемодан нести или чай. Это самая простая, первичная по простоте форма социального инстинкта.

А вот в любом классе школы, или группе института, или роте в армии, или бараке в лагере, собирается «избранная группа». Эти

– поуверенее в себе, поумнее или посильнее, позначительнее: своего рода малая аристократия общего коллектива. Это чуть более сложная форма социального инстинкта. Аморфный класс структурируется, возникает иерархия – пусть только на уровне престижа.

А вот лезут в командиры и начальники… и так далее.

Собраться и – влезть в сообществе повыше. Вот две основные формы проявления социального инстинкта.

11. Самореализация человека – это сделать в жизни побольше того, на что вообще способен. Потребность турбины отработать свой ресурс. Самореализация – это проявление инстинкта жизни через всяческие действия. Ибо жить – означает энергопреобразовывать.

Самоутверждение – это «оценка» за самореализацию. Это представление как самого человека, так и окружающих, о том, насколько он здорово сделал чего-то, т.е. самореализовался. Самоутверждение – это психологическо-социальный регулятор-оценщик уровня самореализации индивида.

Самореализация и самоутверждение – проявления инстинкта жизни.

Самореализация и самоутверждение «человека социального» имеют преимущественно социальные формы. Даже если человек, «чтобы доказать себе», прыгает с парашютом или ночует на кладбище – он утверждает себя в храбрости, каковая в его подсознании давно отложена как социальная ценность.

12. Сводим концы.

Человек стремится к максимальным ощущениям субъективно и максимальным действиям объективно. Значимость своих объективных действий он мерит – по своим ощущениям, и по оценкам окружающих. То есть. Критерием максимальности действия может служить социальная оценка.

Существование и функционирование социума есть объективное следствие и отражение стремления человека к максимальным ощущениям и действиям. В составе социума эмоциональная сфера человека функционирует богаче и в общем активнее. В составе социума человек в общем и среднем совершает более максимальные действия – т.е. энергопреобразует окружающую среду на более высоком уровне, что и есть его объективное стремление (оформленное в инстинкт жизни, как в прямых формах, так и косвенных, сложно опосредованных).

Объективная задача социума – энергопреобразовывать больше.

Социум для этого должен быть велик, энергосодержащ повыше, структурирован посложнее, иерархирован поизощреннее:

мощен!

Человек для этого должен стремиться не только собираться в группы по 20 – 50 и выживать среди врагов. Он стремится соотнестись и соорганизоваться с себе подобными так, чтоб структура получилась как можно более и еще более мощная! – а для того большая, сложная, многоэтажная.

И в этой структуре он должен стараться занять как можно более высокое положение. Это был еще групповой инстинкт – передать гены, урвать лучший кусок, тем самым помочь группе и виду.

Чем выше место в социальной иерархии – тем выше оценка. Чем выше оценка – тем полнее представляется самореализация. То есть тем полнее реализуется инстинкт жизни.

13. Два противоречия мучат человека социального.

Первое. Противоречие между социальным и индивидуальным. Или можно сказать – между социальным и биологическим. Как член социума – герой, а как биосистема – падаль. Ужас! Но только биологическая самоотверженность гарантирует социальную устойчивость, и тем самым жизнь любому.

Второе. Противоречие между рациональным и инстинктивным. Головой человек думает, что он понимает, что гнаться за почестями, одобрением властных идиотов, престижными предметами, – это бред! – уйти в леса и жить в покое и гармонии с природой! Но инстинкт, который заставляет его жить и делать больше необходимого для выживания, инстинкт, который гонит его энергопреобразовывать Вселенную все активнее, дабы грохнуть ее к концу времен и зажечь Новую Вселенную! – этот инстинкт заставляет его стараться занять как можно более высокое место в иерархии социума, ибо через подобные действия каждого Социум энергопреобразует все больше, а это его сущность.

14. Так шо це таке социальный инстинкт?

Социальный инстинкт – это инстинкт жизни, т.е. биосистемного энергопреобразования, направленный по мере эволюции во все более культурно многообразных и изощренных формах на структуризацию людей в социум. Цель субъективная – психобиологический комфорт, адаптация, повышение самореализации. Цель объективная – повышение уровня энергопреобразования на более высоком системном уровне.

Гм. Чуток громоздко. Но в общем верно. И в основе исчерпывающе.

15. Формы проявления социального инстинкта чрезвычайно многообразны. Строго говоря, все, что человек делает

инстинктивно, и что не удовлетворяет базовые потребности первого порядка, но является естественным элементом социальной структуры, работает на конструкцию социума, – все это в широком смысле слова есть проявления социального инстинкта.

Но. Надо избежать адекватизации понятий «социум» и «культура».

Если человек хочет стать ученым, или музыкантом, или офицером, или банкиром, – гм, профессиональное самоутверждение и профессиональная склонность еще не социальный инстинкт, пожалуй; нет смысла смешивать понятия. И стать самым лучшим музыкантом или банкиром – это еще тоже не социальный инстинкт, если мы имеем в виду истинное качество деятельности, явное самому профессионалу и группе знатоков. А вот если борется за премию, или чин, или благодарность Президента, – это уже социальный инстинкт, тяга к месту в иерархии.

Все действия, направленные именно на участие в иерархиях и структурах социума, либо на создание таких иерархий и структур, – есть проявления социального инстинкта.

Социальный инстинкт повелевает не просто собраться в группу и действовать сообща, – но с эволюцией цивилизации заставляет совершать все те действия, которые составляют каркас и структуру социального образования – будь то полк или государство.

Проявление социального инстинкта – ценностная шкала социума. Что важно и не важно, геройски и предательски, достойно и низко, стремление и отталкивание от этих вещей, – все это проявления социального инстинкта.

Сумма желаний, ценностей, отношений и поступков, превращающих аморфную человеческую массу в структурированный социум, – есть совокупность проявлений социального инстинкта.

. . . . . .

<Раздраженная записка на скрепке:>

Сколько слов! Социальный инстинкт – это инстинкт коллективного выживания, который гонит людей соединяться в группы, структурировать эти группы и стремиться занять максимально высокое место в иерархии группы – даже без всякого видимого смысла, и даже в ущерб личным интересам.

Формы социального инстинкта

Социальный инстинкт, ветвясь и изощряясь в многообразии взаимодополняющих форм по мере социальной эволюции, – он не просто гонит людей до кучи. Но работает на структуризацию этой кучи.

Можно сказать так:

Социальный инстинкт – это Закон Всемирной Структуризации, проявляемый на социальном уровне эволюции материи.

Первобытное стадо, оно же простейше структурированная группа-стая, может насчитывать менее ста человек. Лидер, перворанговые самцы, самки, молодежь, дети, несколько старух-стариков: все родственники. Мощнея, производя больше, побеждая побéднее, стадо должно расти численно – а для этого необходимо ему усложняться организационно.

Рост мощи, численности и организации социума связан прямой пропорцией.

Усложняющаяся структуризация – это как связующий раствор для песка, скрепляющий его в блоки и в огромную высотную постройку. Неструктуризованная человеческая масса есть толпа, способная к панике или погрому, но совершенно не способная к длительным производящим действиям.

Толпа – сумма индивидов. Социум – это система. Система обладает новыми и более высокими качествами. Система есть шаг эволюции к более высокому уровню энергопреобразования. Усложнение системы – это проявление того же Закона.

Таким образом, —

Рост многообразия форм социального инстинкта – неотъемлемый аспект социальной эволюции.

Разжевали.

1. Общение

Ну, форма самая простая и общая. Люди тянутся друг к другу. И стремятся быть вместе, группой, коллективом. Изначально это вот, именно и только, и классифицировалось как «социальный инстинкт». Соседи, попутчики, отдыхающие, – знакомятся, сближаются, разговаривают, вместе выпивают, играют в карты или в футбол, ездят на экскурсии и рассказывают анекдоты. Хочется! Иначе – дискомфортно: скучно.

И не потому кучкуются, что вместе сподручнее дело делать, – а просто, без утилитарной пользы: «для души», «из интересу».

Совместные развлечения и совместное времяпрепровождение удовлетворяют прежде всего инстинктивную потребность общаться, в конце концов, это так ясно: человек есть «человек общающийся» – вся культура, язык, весь социальный пласт надживотного человека есть продукт общения, без него никак. Общение есть естественная форма существования человека.

Первое. В этом процессе общения всегда происходит структурирование группы. Половые притяжения оставляем сейчас в стороне. И без этого хватает. Находится самый веселый и остроумный развлекатель. Самый здоровый и спортивный. Самый умелый и рукастый. Самый негромкий, покладистый и надежный. Самый пробивной, умеющий все достать и организовать. А также девушки первые красавицы, их подруги, «свои парни», и с богатым внутренним содержанием. Вообще каждая группа стремится уподобиться слепку общества.

Второе. Трудовой коллектив – он возникает по конкретной надобности, в целях большей производительности труда. Тут все проще. Хоть боевая группа, хоть рабочая бригада, хоть экипаж корабля, – собраться вместе необходимо по жизни. Однако и здесь – возникают «неформальные отношения», т.е. не связанные с социальными ролями: шутник, простак, доставала, авторитет, и разные дружеские и враждебные счеты.

То есть. В конечном итоге и в среднем тяга к общению имеет результатом структуризацию общества и повышение энергопреобразования. Но тяга к общению имеет основой не стремление к трудовой пользе, без каковой часто можно обойтись, а «бескорыстное», инстинктивное желание.

2. Закон и порядок

Даже два человека в купе поезда соблюдают определенные правила «общежития». Не ковырять в носу и не пукать, не протягивать ноги поперек прохода, если другой хочет пройти, не кидать свою сумку на чужую полку и т.д. То есть. У каждого есть собственное пространство – но неизбежно есть и пространство общее. И вот рядом сигналов – взгляды, отдельные слова, изъявления вежливости и т.д. – оба демонстрируют, что ни один не претендует на пространство другого, а общее пространство готовы использовать совместно и полюбовно.

Если попутчик не смотрит на тебя, не разговаривает, протягивает ноги поперек прохода и занимает газетой и бутербродами весь столик – это воспринимается другим как невежливость, хамство, агрессия, гадство. Мелочи сами по себе не важны – важна информация, стоящая за ними, а она

раскодируется примерно так: «я тебя в упор не вижу, ты для меня не существуешь». А это оскорбление. Это агрессия, направленная на п с и х о л о г и ч е с к о е пространство моей личности. Это вторжение в мою зону существования человека среди людей. В мини-группе из двоих он тебя пытается социально опустить через систему социальных знаков – игнорируя ее.

Социальный инстинкт, требуя структурирования группы в совместном сосуществовании, требуя психо-физического совмещения людей в близком пространстве, *являет себя через систему знаков*. Эту систему знаков можно назвать *ритуалом*. А можно *социальным кодом*. А можно *простейшим законом* общежития. – Вы договариваетесь, когда гасить в более или менее общепринятое время свет, вы предлагаете друг другу свои газеты и печенье, – и, расставшись утром, забываете друг друга навсегда.

Вежливость, воспитание, терпимость, внимательность, – есть формы проявления социального инстинкта. Это позволяет сосуществовать и сотрудничать.

Психо-физическая совместимость есть аспект социального инстинкта.

Обобщаем:

Все знаковые системы (и/или ритуалы), служащие к психо-физической совместимости и структурированию социума, есть формы и проявления социального инстинкта.

Или:

Социальный код есть структурная детализация социального инстинкта.

От этой некоторой абстракции вернемся к жизни.

Даже группа бездельников на отдыхе должна соблюдать некоторые общие моменты. Вставать на завтрак, ходить на обед, занимать утром места на пляже, выбрасывать пустые бутылки и не орать ночью, если другие хотят спать.

Далее же человеческая психика обладает пг'еинтег'еснейшим свойством. Все отпущенное человеку внимание и психическое напряжение распределяется полностью между имеющимися предметами и занятиями. Нет, внутренние монологи оно конечно, и абстрактные мысли тоже. Но в рабочем смысле: человек придает то же самое значение своему совокупному труду, независимо труд ли это летчика или ночного сторожа. Нет-нет, стрессовый уровень все же разный. Но ночной сторож вживается в детальки и мелочишки своего труда так, что через год-другой также находит в своей работе массу важного и ответственного.

Мы уже отмечали:

Психическая константа распределяется на наличное число раздражителей.

Для яркости примера: зеки в камере, или экипаж на траулере, или полярники на зимовке. Коллектив в малом замкнутом пространстве. И мало дел (предположим, что у рыбаков лов не идет). И что? И мелочи: топить печь, носить воду, варить чай, – начинают субъективно приобретать значение серьезных дел. И! – никто не хочет работать за другого! Не потому что тяжело, а потому что справедливость (о ней будет еще много разговора). Потому что никто не хочет быть хуже другого и стоять ниже в правах, ниже на социальной лестнице (и об этом позднее).

И тогда – устанавливают честную очередь на все работы. Или: воры в камере устанавливают порядок, при котором работают другие, а они в привилегированном положении. Короче: течение бытия упорядочивается. И все или согласны с ним, или не смеют протестовать.

Общежитие требует согласованности и порядка в производстве дел. Иначе все друганы переругаются, перегрызутся, а если бежать некуда – жди трупа.

Склонность к упорядочиванию обязанностей в социуме есть проявление социального инстинкта. А иначе жить вместе невозможно.

Это не обязательно предполагает равенство или даже справедливость. Для начала это предполагает только согласованность бытия.

Кстати, где есть обязанности – должны быть и права. Более того: права есть даже без нагрузки чел-ка обязанностями, – типа у меня есть право ходить где хочу, дружить с кем хочу и т.д.

И вот появляется Он – Закон.

Закон фиксирует правила и устанавливает наказания за их нарушение. Наказания, понятно, осуществляются силой. Закон регламентирует поведение в тех моментах, несоблюдение которых ведет к конфликту, причинению вреда членам социума, ослаблению его целостности и мощи, к убийствам.

Закон конституирует иерархию социума, обязанности и права его членов на всех ступенях социальной иерархии.

Протозакон есть в любом животном сообществе. Это элементарное соотношение своего поведения с поведением других, без чего никакое общежитие невозможно. Все просто.

Но. Получается такая опосредованная цепь: люди хотят быть вместе – они вырабатывают правила поведения для житья вместе – они устанавливают Закон для житья вместе – они соблюдают Закон и заставляют блюсти его других, а Закон – это такой внешний каркас. *Мотивировка отрицательная: за нарушение покарают.* А за соблюдение просто ничего не сделают.

И вдруг Закон, исходным посылом которого являлся

социальный инстинкт, превращается в такого зверя прожорливого, что народ стонет и разбегается по лесам. «Дожили!» – сказал попугай.

3. Метаморфозы Закона

Равенства в смысле одинаковости прав и возможностей нет нигде и быть не может, ни в какой стае. Природное неравенство индивидуальностей отражается в Законе как неравенство прав и обязанностей. У лидера одни права-обязанности, у второранговых самцов другие, у молодежи третьи. Чей вклад в выживание стаи больше – тот берет первый и больший кусок, гоняет остальных и выбирает себе самок. Так для всех лучше. Он главный воин и охотник. Его гены круче. Вид и группа должны жить.

Вот человек, вот культура, вот социум, вот социальный пласт в мозгах каждого и в устройстве общества. Возможности и факторы выживания все больше смещаются из биологической сферы в социальную. Физические способности все больше замещаются у лидеров социальными: организационные способности и материальные ценности. Собрать и увлечь войско, оплатить армию и полицию. А сам великий президент хоть в кресле паралитика катайся.

Что же есть Закон? *Закон есть фиксация иерархии общества* и привилегий лидеров. Закон утверждался зубами и копытами, потом дубинами и мечами, потом огромным и организованным армейским и полицейским аппаратом. И это оказывалось на пользу выживанию и эволюции группы и вида.

Биологическая эволюция человека сменилась социальной – и Закон встал на стражу социальной эволюции. Это что? Это кровавый тиран душит подданных – зато централизует огромное государство, которое потом даст «прогресс», т.е. будет энергопреобразовывать среду на более высоком уровне. Это банкиры и рекламщики раздувают потребность потреблять все больше товаров, т.е. производить ненужное сверх всех мер, – т.е. энергопреобразовывать среду на все более высоком уровне! Кому это нужно???!!! Вселенной, мля… Закон у нее такой.

И. Раньше или позже наступает противоречие между антропоцентрическим здравым смыслом и справедливостью – и Законом! Который непонятно уже как и откуда такой взялся! Уроды хитрые продавили! И гады кровавые, которые поработили!

Наступает противоречие меж Законом и Справедливостью.

4. Справедливость

Ну, таки и что есть эта ваша справедливость?

Аристотель сказал так:

«Справедливость является государственным благом, ибо служит общей пользе».

Ну дак Платон перед ним сказал:

«То государство крепко, щитом которого служит справедливость».

Нам бы с вами греческих философов в правительство; ага. Они были люди мудрые, но парни простые, и рационалисты заядлые, и полагали, что государство люди создают для себя. Если бы…

Разница между нами и рационалистами в том, что они полагают человека самостоятельным в действиях, мы же полагаем, что человек в генеральном плане есть порождение и орудие Вселенной и действует в ее системных объективных целях. Во как.

А через две тысячи лет и после упомянутых англичанин Бентам, снедаемый жаждой добра создатель утилитаризма, сказал:

«Польза есть то, что дает наибольшее счастье наибольшему количеству людей».

Хорошие были ребята. Государство – для счастья всех. Ну?..

А немец, он же австриец, Лоренц уже под конец XX века расчислил, можно сказать:

«Справедливо то, что наиболее выгодно для вида во всей его совокупности».

Здесь речь уже шла о животных и об их инстинктах. И строят животные так свои отношения, чтоб сильные получали больше, но и слабые что-нибудь для жизни и размножения. Дай шанс каждому по возможностям его.

И сдается мне примерно следующее:

СПРАВЕДЛИВОСТЬ – ЭТО ИНСТИНКТ КОЛЛЕКТИВНОГО ВЫЖИВАНИЯ, СПРОЕЦИРОВАННЫЙ НА ПЛОСКОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Выжить в каменном веке можно было только группой. Жестокий отбор вывел человека социального. У него в генах заложено: стремиться к выживанию группы еще более, чем к выживанию личному. И первобытный социальный инстинкт был неразделим с чувством справедливости: поступать надо именно так, чтоб было максимально полезно группе в целом.

Мораль, нравственность, справедливость, добро, польза и выживание – подавались в начале времен в одном флаконе. Посуды было мало.

Твое чувство правильности каких-то поступков, твое

отношение к благости или гадству неких деяний, – имеет в основе социальный инстинкт, который можно выразить просто: живи сам и давай жить другим; хотя иногда надо убить или умереть, чтоб жила группа – народ твой.

Справедливость подразумевает соответствие поступка и воздаяния, вклада в общее дело – и пая в прибыли, образа жизни – и меры благ и почета, причем это соотношение должно быть равным для всех. То есть не одинаковость и не уравниловка в делах или благах, а вроде когдатошнего коммунистического для социализма: от каждого по способностям – каждому по труду. Кто чо как делает – тому так и воздавать за это. Больше сделает – больше получит, ни хрена не сделает – шиш ему с маслом.

Справедливость – это вроде такой сетки-клетки в трехмерной системе координат, которая пронизывает весь социум с людьми и их поступками: вот такое трехмерное разграфленное изображение того, каким должно быть общество – крепкое, дружное, работящее и богатое, чтоб все хотели работать и могли работать в полную силу и жить с максимальным удовольствием.

Справедливость – это неформулируемое представление о таком устройстве социума, где положительная и отрицательная мотивация к деятельности дает максимальный совокупный эффект, и возможности самореализации каждого максимальны. Где сочетание прав и обязанностей вызывает максимум эмоционального удовлетворения.

Гм. Это что – где больше всего пашут?

Нет. Это где от пахоты испытывают самые хорошие чувства. Сознание необходимости, общественного признания и оптимальности твоей социальной роли.

Как ты – так и все. Как все – так и ты. В меру сил и для общего дела. За справедливый личный кусок.

Один за всех и все за одного!!! Не чохом и пыром – а каждый самым эффективным для него способом, с максимальной пользой для общего результата.

А дальше включается штука под названием диалектика развития, и стремление к справедливости как социальный инстинкт – начинает расходиться с более глубинным стремлением к максимальному энергопреобразованию – в его более поверхностных государственных формах. Биологическая естественность расходится с социальной громоздкой и косвенной постройкой масштабного общежития – государства.

Повторим: сложный и длительный процесс, разделяемый на произвольное число малых отрезков – может в этих отрезках противоречить направлению и сути общего процесса.

Произвольно малая часть целого – может противоречить своей отдельно взятой функцией, направлением своей деятельности, и даже законами своего внутреннего устройства – общей функции, общему направлению деятельности и общим законам целого.

Самый простой и наглядный пример. Армия взяла город, растеклась по переулкам и квартирам, и пошло мародерство, насилия и убийства. Солдат – от боев звереет, от комфорта и баб отвык, а за товарищей убитых мстит свирепо. И командующий, чтоб прекратить резню жителей и разложение войска, которое никаких приказов уже не слушает, – приказывает схватить и вздернуть трех первых попавшихся, всем в устрашение. И сытые молодцы из комендантской роты хватают троих матерых рубак, которые в ближнем проулке жбан пива не поделили, и вешают на ближайшем столбе под барабанный треск. А реальные уголовники в форме, насильники и убийцы, оказываются живы и ненаказаны. Это справедливо? Нет. Это необходимо? Да.

Более общая справедливость – спасти жизни и добро мирного народа, который, кстати, в этом бедламе сотню солдат перережет кухонными ножами, – предпочитается меньшей и частной справедливости, когда казнят одних, причем менее виновных, и оставляют жить других, более виновных. Ибо промедление смерти подобно.

Все армии и все командиры эту жестокую справедливость, осуществляемую через частную несправедливость, всегда понимали.

Закон – это «справедливость на макроуровне», покрывающая все пространство социума. Но:

Закон «логически дистанцируется» от справедливости на частном уровне. Законы простого и прямого устройства «естественной группы» в полста-сотню человек – не действуют в сложном по необходимости устройстве государственной системы для ста миллионов человек.

Бюрократизация справедливости, теряющей конкретность и приобретающей абстрактность «закона», заворачивает социальный инстинкт в эдакие улитки, где закон и справедливость начинают прямо противоречить друг другу. Тогда социальное напряжение растет и разрушает социум, как вибрация стен рушит здание «вдруг».

По мере роста социума у человека начинается «социальное раздвоение личности». На уровне биологическом – работает инстинкт групповой справедливости. Но. На уровне макросоциальном – работает инстинкт повышения энергопреобразования. Объективно в большом государстве

человек больше энергопреобразует. Больше живет, чувствует и делает в течение жизни. Но:

Как в группе инстинкт индивидуального и группового выживания могут противоречить друг другу. – Так в государстве инстинкт группового выживания и инстинкт максимального видового энергопреобразования могут противоречить друг другу.

Социальный инстинкт перерастает групповой и превращается в государственный.

И противоречие индивидуальный – групповой сменяется триадой: индивидуальный – групповой – государственный.

Как человек может разрываться между желанием выжить и желанием спасти группу – так он может разрываться между инстинктивным желанием пользы группы и пользы государства. Трехголовые гидры и драконы – не пустые фантазии, но осмысленные метафоры; и головы могут спорить между собой.

Прикол здесь в том, что индивидуальный биологический инстинкт ясно виден и определим. Государственный социальный инстинкт тоже понятен в основном направлении, хотя ветвления понятны хуже и видны темнее. А групповой инстинкт, где биологический и социальный есть две стороны, две ипостаси одного и того же! – этот групповой выпускается из внимания.

Со структуризацией государства социальный инстинкт отделился от биологического и стал в массе случаев независим от него или даже противоречить ему.

Это просто необходимо выделить в отдельную подглаву, хотя она выходит чуть вбок за рамки перечня форм социального инстинкта.

5. Человек групповой

В пустыне, в тундре, – человек испытывает дефицит общения и рад любому гостю. Накормит, напоит, уложит, даст еды на дорогу и поговорит душевно о жизни; зарежет последнего барана, выставит бутылку, будет считать другом.

В большом городе у человека переизбыток информации, и вся непервостепенная информация отторгается. Нервная система старается ограничить свой стрессовый уровень, а поступление информации – всегда стресс: до некоего уровня полезный, сверх некоего уровня вредный. Таким образом, в большом городе человек знаком с сотнями людей, но видится со многими, даже с родней, нечасто или очень редко; а новых знакомств избегает, соседей по лестнице не знает как зовут.

В деревне же на полтора-два десятка дворов все друг друга знают насквозь, все здороваются, вместе гуляют праздники и т.д.

Правда, таких деревень почти не осталось.

Емкость человеческой памяти, объем эмоций, потребность в дружбе, в локте товарища, – она генетически запрограммирована на те самые полста человек в среднем. Это – свои. Кореша. Земляки. Стая. Здесь не обманешь – все как на стекле, опустят в мнении, выгонят. Здесь – должна быть та самая справедливость.

Группа – эволюционный продукт человеческой самоорганизации. Группа в своей численности и своих связях естественна, органична, выгодна, высокоэнергетична.

Группа – ячейка общества. Представьте пчелиные соты из шестиугольных восковых ячеек: вот каждая ячейка – группа.

(Кстати, это отлично понимали немецкие генералы, формируя каждый взвод из одного класса: одноклассники, старые притертые приятели и друзья, не чужие. И Рейхсвер в I Мировую, и Вермахт во II-ю были самой боеспособной армией мира. Кроме прочих факторов – групповая эффективность не знала равных.)

О ком-чем заботится хороший командир, старшина, директор, хозяин? О своем полке, роте, заводе, школе. Пряников никогда не хватает на всех! Самое лучшее и передовое всегда в дефиците! Необходимо обогнать соперников и конкурентов! И любой ценой экипировать и вооружить свой полк, иначе снимут голову, не слушая объяснений.

А то есть:

С образованием государства межгрупповая борьба не исчезла!

Но. Поскольку объединение групп в могучие социумы есть подъем энергетический, культурный, демографический и т.д. – жестокие ребята объединители запрещали группам враждовать и велели мирно сотрудничать – а подчиняться центральной власти.

Культурное воспитание социального единства пытается изгнать групповой инстинкт. Лишает групповой инстинкт легитимности. Загоняет в подсознание. И пытается групповой инстинкт растянуть на огромный социум – так надувают презерватив до размеров аэростата.

Сложная сволочь этот человек.

Дворовая команда пацанов, бандитская шайка, взвод-рота, – вот группы, внутри каждой должна быть жестокая справедливость, но по отношению к чужим допускается черт-те что. Это – в крови.

Гордятся своим кораблем, историей своей части, своей футбольной командой, своей школой. И однако и кроме: своим народом и своей страной.

В социальном плане человек идентифицирует себя минимум в трех планах, основных, базовых: индивидуальном, групповом, национально-государственном. Я крутой, наш (университет, полк,

завод, госпиталь) – это что надо, мы – победили в войне.

Источник же парадокса в том, что:

Групповую справедливость пытаются распространить на общесоциальную.

А вот это уже не получается никак. С переменным неуспехом. Как мы уже говорили, произвольно малые отрезки могут давать картину явления, противоположную общей.

– – – А группы в государстве могут складываться в сословия. И естественно возникает справедливость групповая, а далее сословная, а уж про общегосударственную и говорить трудно.

Ужас! —

В структурированном социуме справедливость дифференцирована.

Послойная. Да еще групповая внутри каждого слоя.

Но.

Как человек хочет дышать, хочет ходить свободно, – он все равно хочет справедливости! Инстинкт, понимаешь.

Два слова о том, что из этого выходит.

6. Анархизм

Анархисты были совсем не те истерики и кокаинщики в меховых горжетках поверх тельняшек, как изображало их советское кино. Анархисты были люди в идейной своей основе святые. Или почти святые. И не то чтобы были, они и сейчас есть, но кураж уже не тот, и перспективы не те, что на рубеже великого и пикового XX века.

Не будем тревожить великие фигуры Бакунина и Кропоткина, не будем повествовать о Вольной Республике хлеборобов Батьки Махно, не будем углубляться в политэкономию основателя-Прудона с едва ли не самым громким слоганом XIX века «Собственность есть кража!». История анархизма – одна из самых забойных страниц истории вообще. Места нет… и времени.

Анархисты во главу угла поставили свободу и справедливость. Справедливость как равенство прав, возможностей, статусов. Свободу как возможность самому выбирать свой образ жизни во всех подробностях – соотносясь только с правом других на такую же свободу.

Анархисты ненавидели и отрицали государство. Ненавидели любое принуждение, любую власть одного человека над другим. Ненавидели угнетение человека человеком в любых формах. Любое государство – уже угнетение: закон освящает власть чиновника над гражданином.

Надо иначе. Все производства принадлежат самим

работникам. Земля крестьянам, фабрики рабочим. На школу и больницу сообща выделим деньги, учителю и врачу сообща определим зарплату – такую же, сколько сами зарабатываем. Преступников судим общим собранием: изгоним вон, или казним, или предупредим и простим на первый раз. Но свободы лишать человека нельзя! И в рабы сдавать нельзя, то бишь в каторжный лагерь.

«Анархия – мать порядка» – это отнюдь не глумление или озорство. Это означает, что работники сами договариваются между собой, сами решают конфликты, сами обмениваются товарами. И поскольку каждый старается работать по уму, и каждый работает на себя, и никто никому не приказывает, – и экономика поднимается, и изобретения сразу внедряются всем на пользу, и товары распределяются между работниками справедливо, по согласию при обмене сапог на сало. Т.е. – самоорганизация гражданского общества без бюрократического идиотизма и косности.

А если нужен такой координационный совет – на производстве или в войске, – общее собрание прямым волеизъявлением при открытом обсуждении выбирает себе временно командиров и начальников. И слушается их, раз само выбрало. Но может и переизбрать в любой миг, если захочет. И никаких дополнительных льгот у них нет.

Братцы, это ведь и есть коммунизм. Общество без государства.

Коммунисты хотели к коммунизму постепенно и поэтапно, через диктатуру пролетариата. А анархо-коммунисты сказали: чего ждать? давай прямо сейчас. И были они в Революции и начале Гражданской войны союзники и попутчики. Н-ну, потом большевики всех конкурентов перешлепали, было дело.

Короче, боролись все страшно, верили беззаветно, но коммунизм сейчас гораздо дальше, чем сто лет назад.

…А испанские анархо-синдикалисты! А греческие! А американские «ревущих двадцатых»! Красно-черные знамена земли и крови, братство в сердцах… было дело.

Короче, ни у кого ничего не получилось. Классно задумано, но номер не проканал. И шьто случилось?

А случилось то, что они пытались организовать государственного размера социум по схеме группы. Хотели деструктурировать государство. Полагали государственную сложнейшую иерархию излишней, несправедливой и паразитарной. Хотели аморфным общежитием заменить высокоэнергетичную государственную систему. Светлые были устремления! Но антинаучные. Антиэволюционные.

Противоречащие Закону Всемирной Структуризации.

О, конкретных аргументов можно привести без числа: что психология человека пока еще того, малосознательный он; что со временем люди воспитаются, будут сознательнее, и тогда государство не нужно; что хитрость, жадность, эгоизм надо порицать и высмеивать; и т.д. Что окружающие государственные правители, боясь распространения анархизма у себя, чернят его и подавляют. Что глупые его искажают.

Но. Если человек инстинктивно стремится к максимальному самоутверждению в группе и шире. Если человек инстинктивно стремится жить по законам группы. – – И в то же время Социум собирает себя из человеков в максимально энергопреобразующую систему, и этот процесс объективен, носит Вселенский характер и от разума человеческого не зависит. – То: *невозможно создать более примитивную и низкоэнергетичную систему на месте более структурированной и высокоэнергетичной.* (Пока, разумеется, конкретная цивилизационная система не исчерпает ресурс и не распадется.)

Не просто у государства кнут длиннее и пряник слаще. Но и – есть государство такая система, где человек в сумме средней за жизнь – больше всего ощущает и больше делает. При анархизме ни пирамиды, ни Китайская стена, ни крестовые походы невозможны. Не будет у свободных общин денег столько, сколько у королей, чтоб бросать их на культуру и науку, а хоть и у департамента налогов демократического государства.

Анархизм – самый яркий пример того, как социальный инстинкт в прямой форме группового инстинкта справедливости был последовательно, логично, линейно, поставлен во главу угла социального учения.

Увы нам, несчастным! —

Справедливость противоречит повышающемуся энергопреобразованию структурирующейся системы.

Социальные связи тащат внутрисоциальных монад в разные стороны, создавая внутреннее напряжение социума, держащее конструкцию.

Социальный инстинкт, проявляющийся в великом чувстве групповой справедливости, по мере эволюции социума тоже эволюционирует. Мутирует. Множится делением. И вдруг в разных проявлениях противоречит своим же изначальным формам. Работая на сложный социум – может отрицать и группу, и личность.

7. Мораль

Мораль – это свод представлений и предписаний о Добре и Зле в человеческих поступках и отношениях.

Мораль учит быть хорошим и не быть плохим. Сначала хорошее от плохого надо различать, а затем к хорошему стремиться, а плохого избегать.

Чтобы в этом разобраться, крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха: что такое хорошо? и что такое плохо? И отец Кант схватился за напудренные виски и застонал о загадке морального чувства внутри него, и назвал категорическим моральным императивом.

Нам слабо́ здесь пересказать всю библиотеку мировых философов о морали и сделать на сотне страничек собственные выводы. Мы все норовим выдернуть из лаптя главное лыко, завязать на бантик собственного изобретения и украсить им собственную строку. Лыка пригнаны прочно, и драть его с липы приходится самому.

Мораль предписывает: быть справедливым, честным, добрым, храбрым, патриотичным, альтруистичным, благородным, неравнодушным. Не быть: злым, трусливым, жадным, подлым, равнодушным, жестоким, лживым, несправедливым, эгоистичным, неблагодарным.

Вот, собственно, и все… Э?.. И качества эти могут сказываться в отношениях между людьми, в построении карьер и союзов; а могут распространяться на отношение к животным, к природе, к культуре. На выборе шкалы ценностей сказываются.

Ну, и кому еще что неясно, граждане? А ведь тысячелетиями было неясно:

Закавыка здесь в том, что мораль, по первой видимости, создает «отрицательное селекционное давление». То есть храбрые, добрые и справедливые погибают первыми и получают свой кусок последними! А злые, жестокие и подлые норовят схитрить, спрятаться за спины других, урвать обманом кусок побольше, и должны тогда оставлять потомство больше и чаще. И гены их должны вытеснить со временем гены хороших людей!

А главное: зачем быть хорошим – если быть плохим выгоднее?!

А почему воспевают хорошего? Потому что благодаря ему остались жить остальные! Иждивенцы, понимаешь…

…Все эти споры и муки умственные были до открытия и формулирования, а вернее – до понимания – инстинкта группового выживания. Ты можешь хоть сдохнуть, ты можешь инстинктом индивидуального выживания подавить инстинкт выживания группового, – но он, инстинкт этот из глубин миллионолетий, будет тебя жечь, мучить, гнать, – и велеть

поступать по-своему.

Внимание. Важно.

МУКИ СОВЕСТИ – ЭТО КОНФЛИКТ ИНСТИНКТА ГРУППОВОГО ВЫЖИВАНИЯ С ИНСТИНКТОМ ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ИЛИ МАКРОСОЦИАЛЬНЫМ

А вся-то мораль?

Так и хочется цыкнуть: легко и беззаботно!

МОРАЛЬ – ЭТО КУЛЬТУРНАЯ ДЕТАЛИЗАЦИЯ ИНСТИНКТА ГРУППОВОГО ВЫЖИВАНИЯ

Все моральные качества и ценности – это то, что было необходимо для выживания группы. Это такие качества, ценности, представления о должном, которые работали на выживание группы в целом. Ибо без выживания группы отдельная особь была нежизнеспособна, не нужна, обречена.

Все аморальные качества – вредили выживанию группы. Это социальный паразитизм. Раз преуспеешь, два преуспеешь, а потом или изгонят тебя, или вождь пришибет, или группа с таким народишком разбежится перед врагом и будет истреблена порознь. Аморальный человек – групповой унтерменш.

Но. Но. Философия и мысли глубокие об умном появились тогда, когда группы были абсорбированы государством. И групповая мораль сохранялась только либо у подростков, либо бандитов, либо дикарей. У народов же государственных групповая мораль была подмята макросоциальной и растянута на макросоциальную.

О-о!! *Мораль макросоциальная стала сливаться с идеологией.*

Мудрецы древних государств видели противоречие между личной выгодой и моралью. Под моралью понималось следовать ценностям общего блага, даже вопреки благу личному. Ибо высшее благо личности считалось в служении отечеству и даже славной смерти за него.

Мораль, общее благо и высшая польза были для них в общем одно и то же.

А если государство несправедливо? Мораль велит – цареубийство, переворот, революцию, эволюцию, перемены. И-и – оп! Входит в противоречие с моральными нормами верности, присяги, неубийства.

Элементы групповой морали растаскиваются по участкам морали макросоциальной. Оп!!! —

МАКРОСОЦИАЛЬНАЯ МОРАЛЬ ВСЕГДА ЭКЛЕКТИЧНА

Это что – получаются две морали? И правы были марксисты: мораль носит классовый характер? И нет общечеловеческих ценностей? А есть моральный релятивизм? О, эта точка зрения прекрасна для бандитов всех мастей.

Макросоциальная мораль есть идеология.

ИДЕОЛОГИЯ – ЭТО АНАЛОГ МОРАЛИ НА МАКРОСОЦИАЛЬНОМ УРОВНЕ, СОСТАВЛЕННЫЙ ИЗ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННО ВЫБРАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ МОРАЛИ

И из этого вполне понятно, что —

Если мораль есть выражение инстинкта выживания группы – то идеология есть выражение инстинкта жизни государства.

М-дэ. Идеальное же государство есть то, где законы группы и государства совпадают – что принципиально невозможно по причинам естественным, структурным, системным, вселенским. Но степени совпадения, конечно, возможны разные.

8. Интермедия

НАПОМИНАНИЕ

А вещий Олег свою линию гнул, да так, что никто и не пикнул. Железная воля Миледи не давала д'Артаньяну отклониться от цели разговора. Вот так с шутками, с прибаутками, колхозники идут на работу. Повторение – мать твою учения.

Дело ведь в чем? В том, чтобы представлять себе систему, последовательность, закономерность. Чтоб любой факт был ячейкой общей видной мозаики. Иначе россыпь фактов – или разрозненные цепи фактов – смысла особого не имеют.

Я чего говорю:

Вот есть общий энергетический посыл расширяющейся, эволюционирующей, структурирующейся все сложнее Вселенной. И вот есть он же – в биологической ипостаси: клетка меняет-заменяет вещества внутри себя, делится, самовоспроизводится, размножается, вовлекает в свой энергообмен окружающие вещества и солнечное излучение, захватывает своими генами окружающее пространство. И вот есть колония муравьев – с разделением функций, сбором пищи, войнами с врагами, строительством жилища. И вот стая волков – с ее иерархией, охотничьим участком, спариванием, выведением потомства. Инстинктов делается все больше: самосохранения, размножения, утоления голода и жажды, движения, постройки логова. И все эти инстинкты – разветвленные варианты основного инстинкта – жить, быть, существовать, энергопреобразовывать. И вот инстинкт самосохранения особи подчиняется противоречащему ему инстинкту сохранения вида – и птица жертвует собой, отвлекая врага от гнезда.

И вот человек наращивает слой культуры все толще, и материя существует уже в социальной форме, и побеги длинные и

ветвистые от глубинного единого корня – отходят все дальше, переплетаются, пересекаются, все чаще противоречат друг другу и пытаются задушить друг друга.

Но все это – «потомки», варианты, ипостаси, «специализации», ветви, – одного инстинкта, корневого, исходного, обобщающего, базового, основного: инстинкта Жизни, который сам-то есть извод Энергоэволюции Вселенной, проявляющегося в Законе Всемирной Структуризации.

И – и – всегда искали умные люди:

Вот так наше моральное и умственное естество связано непосредственно взаимообусловленной причинной связью с устройством Космоса, Бытия, Универсума – и его судьбой.

Это просто.

Эту простоту искали две с половиной тысячи лет со времен Сократа.

Вы получаете ее от меня в таком простом и логичном виде, что глупцам это покажется совсем простым.

9. Совмещения

Таким образом, социальный инстинкт являет себя в следующих основных формах:

1. Стремление к общению – первая и общая форма социального инстинкта. Общению не утилитарному, не для конкретной ясной выгоды – а просто так, из охоты.

2. Стремление занять как можно более высокое место в иерархии группы. Высокое, понятно, по своим возможностям и способностям.

3. Структурирование группы – которое происходит как бы само собой, из характеров и особенностей людей: но всегда по сходной модели.

4. Структурирование групп в племя, народ, государство, сословия, профессиональные группы.

В то же время, как аспект и необходимое условие пп. 2, 3, 4:

5. Стремление упорядочить деятельность и отношения членов группы – создать порядок как таковой.

6. Создание Закона – с принуждением соблюдать его и карой за нарушение.

7. И при этом – представление о Справедливости и стремление к ней, при том что она может противоречить Закону.

8. И при этом – существование Морали как интравертного кодекса поведения и мироотношения, в противопоставление экстравертному Закону. Если Закон – штурвал в руках капитана, то Мораль – это стрелка компаса, указующее направление

которой Закону не подчинено. Мораль – это нравственная сфера окружающего человека пространства, где сама возможность его индивидуального существования есть единое целое с окружающим; где законы и отношения таковы, что в них только он и может жить и эволюционировать; и он, человек, как регулятор постоянно старается держать правильный химический состав и температуру этой окружающей сферы; и ее условия инстинктивно представляются ему единственно правильными для всего населенного пространства; и он подсознательно отвергает ту истину, что для обеспечения всего социума его конкретная сфера не подходит по температуре и составу; но – но! Но:

Мораль – это эталон отношений, который не дает структурированному социуму изуродовать людские отношения до такой степени, чтобы люди вовсе самоистребились. Мораль ежесекундно заставляет социально встроенных людей сверяться с независимой точкой отсчета.

Мораль можно уподобить гироскопу, не позволяющему ракете забыть заданный курс и заблудиться.

Мораль – это гироскоп кочковатой и скачковатой социальной эволюции. Ее внутренний регулятор. Обеспечивает допустимые параметры среды обитания.

Такова самая внутренне-психологическая константа социального инстинкта.

10. Равновесие

Креативный аспект социального инстинкта, он же новаторское начало, влечет людей в объединения все бóльших социумов, все более сложно структурированных и высокоэнергопреобразующих.

Консервативный аспект социального инстинкта, он же самосохраняющее начало вида хомо сапиенс, то есть человека группового, то есть нас с вами, требует той системы социальных отношений, при которой вид и сформировался, которая свойственна ему инстинктивно, подсознательно, биологически. (Хотя говорить о человеке как чисто биологическом организме вне сущностной культурной части, разумеется, невозможно: но культура группы есть базовая культура, заполняющая «информационные емкости» обучающегося мозга ребенка в первую очередь и наиболее прочно.)

В равновесии этих двух начал социальная эволюция и вершит, шатко-валко, движение свое.

. . . . . .

(*Пометка на полях*:) **Совесть** – это довольно-таки хамство не выделить главу о совести, разглагольствуя о формах социального инстинкта.

Есть точка зрения, что совесть возникла в античные времена, с эпохой железа, с появлением «Осевого времени» (терпеть не могу это выражение и вообще считаю Ясперса мужчиной ограниченного ума; это когда, значит, Заратустра, Сократ, философия, наука, законы, демократия, и вообще процесс пошел. А раньше было не осевое, а болотно-застойное, медленно все было, то есть, и не возникало мировоззрения о лучших временах впереди, вечно Золотой Век считался сзади; но мы отвлеклись на экскурс, однако). Совесть – это стало заместо первобытной богобоязни, чтоб регулировать возросшую военно-техническую мощь человека, чтоб друг друга не истребили. Вот такой возник внутренний регулятор. А раньше не возникал.

Эта точка зрения представляется жутко примитивной и поверхностной. Идеалистически-гуманистической.

Совесть – это когда что? Это когда тебя мучит некоторое чувство вины, дискомфорта, неудовольствия, смущения, что ты – что? – не сделал чего надо, или наоборот сделал чего не надо. Это ощущение тебя иногда удерживает от каких-то поступков, нехорошо это будет потому что. Или уже совершил – и она погрызывает тебя.

Совесть – это негативная эмоция в случае расхождения твоего поступка сущего с должным. Эмоция. Подсознательная реакция. Иногда и не формулируешь, что хорошо, что плохо, и даже не осознаешь вроде, – ан из подсознания чувство-то поднимается.

Дорогие мои. А вы никогда не видели собаку с виноватым выражением, которая знает, что поступила плохо? Не так, как между ней и хозяином считается за хорошо и правильно? А «знает кошка, чье сало съела» – не слышали выражения?

Вот два самца дерутся за границу участка. И тот, кто в центре собственного угодья – сражается как зверь! И гонит противника. И выгоняет за «справедливую границу», и гонит до середины его участка, – но: чем ближе к центру собственного дома – тем яростней сражается хозяин и тем нерешительней гость. Словно они понимают справедливость: каждый должен иметь свое, себе по силам и нужде. И совесть не позволяет им лишать соперника-соседа уж вовсе последнего клочка для житья.

СОВЕСТЬ – ЭТО ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ РЕГУЛЯТОР ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТРЕМЛЕНИЯ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

А справедливость изобрели задо-олго до I тысячелетия до Нашей Эры. Она была у развитых животных как бы даже и всегда.

То есть:

Совесть – есть одно из эмоциональных ветвлений социального инстинкта.

Проявления и код социального инстинкта

Как прочитал – так и не идет из головы шопенгауэровское: «Трагикомизм нашего положения заключается в том, что мы стараемся снискать признание в глазах людей, чьи умственные способности презираем».

У Высоцкого была при жизни слава, в истории русской поэзии непревосходимая. Его пела страна, и магнитофоны орали из всех окон. Он ездил по советским улицам в «мерседесе» и был женат на французской кинозвезде. Почему он так болезненно воспринимал отказы издательств печатать сборник? И тираж по сравнению с магнитофонными записями ничтожен, и деньги от него незаметны. Для чего он так хотел стать, кроме прочего, «официально признанным поэтом» – членом Союза писателей СССР и т.п.?

Когда ученый рвется в Академию Наук за деньгами и возможностями – это ясно. Но когда он же «хлопочет» насчет ордена, не дающего денег и возможностей дополнительных, – это менее ясно.

До той же кучи относятся разнообразные премии, призы, награды, звания, степени: виды отличий и поощрений всех мастей – за пределами утилитарной пользы. Смысл?

Человек всегда склонен к почестям, к повышению престижа. К похвале, к лести, к славе. В смысле – получать в свой адрес. Человек тщеславен и честолюбив. У разных людей это в разной мере, конечно.

Что есть **честолюбие**? Желание совершить что-то черт знает эдакое, стать значительным и знаменитым, играть большую роль в своем деле или вообще в стране, решать судьбы, вершить дела, стоять близ вершины или вообще на ней. Многого в жизни добиться, стать большим человеком, приблизиться к великим или сравняться с ними. Короче:

Встать наверху социальной иерархической пирамиды. Как реально – так и в людском мнении.

То есть:

Честолюбие – это стремление к своей максимальной значимости через максимальные действия. Стремление к максимальной самореализации. Хо. На общем энергетическом уровне – стремление к максимальному энергопреобразованию. Но:

Честолюбие – явление социальное. Существует только потому, что есть социум, в котором можно – и нужно!!! – занять по заслугам как можно более высокое место. Заметьте – по

заслугам! То есть честолюбие включает в себя хотение и стремление наверх по законам справедливости. Кто любит формулировки – можно сказать так:

Честолюбие – это стремление к вершине социума посредством совершения больших дел и признания людьми твоих заслуг и достоинств.

Или:

Честолюбие – это комплекс социального самоутверждения личности.

Пока все понятно. Любая особь стремится занять в иерархии место повыше, у людей это называется честолюбием.

Но. У честолюбия, которое и само-то среднего рода, есть того же рода близкий родственник по имени Тщеславие. Репутация у этого родственника поганая. Чем отличается и в чем дело?

Тщеславие – это честолюбие, у которого разбалансировалась связь между заслугами и их признанием. Между достоинствами и их признанием. Тщеславец ужасно любит проявления престижа, почета, уважения, признания, – без способности адекватно соотнести их с реальными достоинствами, каковые видит в себе гиперболизированными до некритической степени. Он хочет все – причем даже согласен не делать ничего.

Поэтому тщеславец обожает лесть во всех формах без ограничения размера. *Ему важнее казаться, чем быть.* У него нет гордости и достоинства честолюбца – он падок на все внешние проявления значимости, как попугай.

Ну, так и что они оба в результате имеют? О, вот в этом-то все и дело.

В иерархии животной стаи – иерархированы реальные жизненные блага: лучший кусок, доступ к самкам-самцам, величина охотничьего участка, повелевание и подчинение, – а также важность и опасность действий в штатных и нештатных ситуациях. Знаками же иерархической значимости служат позы, или звуки, или очередность приема пищи, или место отдыха и т.п. Все эти знаки имеют для животного огромное значение. В них содержится «социальный код» его положения.

По мере усложнения вида – но главное не в этом, конечно… По мере усложнения социума – усложняется социальный код. Совершенно естественно. *По мере усложнения иерархии – усложняется иерархический код.*

Вот вождь – у него убор из орлиных перьев. Вот лучшие воины – у них золотые браслеты на левой руке. У девушки одна коса – у замужней хозяйки две.

Дальше в лес – гуще дрова. Дубовый венок за то, что первый поднялся на стену штурмуемого города. Лавровый – за то, что

спас командира в бою. Кольцо в нос – за то, что добыл и засушил десять голов.

Код дробится на знаки различия и отличия, названия чинов и должностей, обозначения в одежде и прическе, – за которыми стоят: физическая сила, или военная мощь, или экономическое богатство, или уровень политической власти, или заслуги перед государством, или сословная принадлежность, и т.д.д.д.д. У человека на плечах полосочки и железки, на груди полосочки и железки, – и сразу видно, что это геройский офицер, вояка матерый, уровень значимости его в войсках – командует несколькими тысячами человек, и соответствует этому уровень материальных благ и социальных возможностей, а ты ему обязан по жизни как защитнику, а при конфликте он может порвать тебе пасть левым мизинцем. И ведут все себя с ним соответственно. Или – «бентли», «армани», «патек филип», – и вот перед вами богатый человек с большими социальными возможностями.

Очень интересно в сегодняшней Москве: в спорных дорожных ситуациях преимущественное право проезда имеет тот автомобиль, который дороже и престижнее. Азия-с!

Но мы отвлеклись. Идак, социальный код. И вот – происходит неизбежное: он начинает отделяться от тех реальных вещей, которые призван был символизировать!

В природе это называется мимикрией. Безобидная змея раскрашена под ядовитую, поэтому ее боятся и не трогают. И рыбки так маскируются под морских убийц пестрым узором тропическим. И жучки безобидные оформлены под ужасных вонючек, с трудом различишь. То есть: знак отделяется от признака (пардон за лингво-семантическую каламбурную обратность «знак» и «при-знак», где вопреки конструкции «признак» есть свойство; а «знак» – лишь его обозначение). Итак: кто может – имеет реальность, кто не может – хочет иметь хотя бы ее обозначение. Типа выронить в баре ключи от «бентли», небрежно заметив, что тачка в ремонте.

И как народ сообразил, что обзавестись знаком легче, чем реальной им обозначаемой ценностью, – такая тут пруха пошла! Стали измысливать вещи удивительные! Парадная спальня – показывать знатным гостям, а реальная – слуга стелит на диванчике в коридорчике. В дому нищета – но в праздник надо одеться нарядно и гульнуть по возможности шире, ибо перед людьми неудобно. Короче: стали притворяться, что они более значительны, чем есть на самом деле.

Тщеславный хочет казаться значительным, а реальность своих достоинств раздувает в воображении до соответствия любым почестям.

Честолюбивый хочет казаться значительным и быть им.

Гордый хочет быть значительным и не казаться таковым, но чтоб все иногда вспоминали и восторгались, какой он значительный, а он вроде к этому и равнодушен.

Тщеславный стремится ко всем знакам отличия напрямую, стараясь получить побольше, а уж сделать для этого сколько получится. Он ставит *социальный код выше социального содержания*. Награда важнее деяния! Был бы орден – а подвиг всегда отыщется.

Честолюбивый стремится к большим делам, и чтобы им соответствовали большие почести. Ему больно, если в почестях его несправедливо обошли.

Так что же непонятного, что люди стремятся к самоутверждению через социальный код? Со стороны – идиотизм: переживать из-за побрякушки, из-за бумажки со словами, что ты член некоего союза, общества, партии, кружка, палаты. Из-за того, что в каком-то сообществе обладателей и членов Ордена Кривого Флажка или Союза Разбивателей Яиц С Тупого Конца – тебя посадят ниже других или вообще туда не пустят. Бред! Но:

Повинуясь социальному инстинкту, и одновременно стремлению к максимальным действиям, и одновременно стремлению к максимальным ощущениям, и все это вместе, и тем самым к максимальному повышению энергопреобразования, – – человеки структурируются в социум с социальной иерархией и социальным кодом.

В этой иерархии всегда есть вершина пирамиды и ее основание внизу. В этом иерархическом коде всегда есть знаки более манящие и ценные – и менее ценные. Ценность их, за пределами удовлетворения базовых первичных потребностей человека, – ценность их относительна, избыточна, необязательна. Но неизбежна!!! Без структуризации социального кода – социум принципиально не может существовать. Развалится. Песок. Он держится стремлением людским делать дела и занимать свои клеточки повыше.

Повинуясь социальному инстинкту, люди стремятся занять как можно более высокое место в социальной иерархии – и определяют это место через социальный код. Все!

Социальный код указывает на место человека в иерархии социума. Социальный код – это шкала самоутверждения в социуме.

Стремясь обеспечиться максимально высокими знаками социального кода, человек волей-неволей делает для этого (обычно) все возможное – и тем самым совершает не только

интриганские или жульнические движения для овладения внешними отличиями кода, но и реальные поступки, благие и значимые, которые подразумеваются этим кодом. То есть: гонясь за отличиями – иногда приходится делать и реальные дела. Для чего, собственно, код первоначально и предназначен.

Обойти человека знаком отличия – значит ущемить его социальный инстинкт. Обойденный может быть сколь угодно умен и скептичен – а все равно ему будет обидно, больно, дискомфортно. Несправедливость сильнее всего ранит, если обращена на тебя.

Ну, а дальше можно перечислить лишь основные знак-группы социального кода.

Материальные. Это самое понятное. Престижные и дорогие марки одежды и обуви, часов и автомобилей, драгоценности и яхты, каково твое жилище, его цена и район.

Дорогостоящие элементы образа жизни: дорогие рестораны, курорты, клубы, разнообразные тусовки богатых людей, посещение мировых спортивных состязаний.

Забавно: если ты известный миллиардер – можешь ездить на дешевой машине и питаться бутербродами, ибо это твой добровольный выбор, чудачество как бы, прикол, гордыня, – все и так знают, что ты можешь завтра купить Кремль. А вот обладание атрибутикой, то бишь социальный код, – заменяет тебе декларацию о доходе (не для налоговой инспекции – для корефанов): никто может и не знать, что ты бедней нищего, одни долги, за которые завтра пристрелят.

Сословно-должностные. Начальник. Директор. Генеральный директор. Председатель совета директоров. Министр. Президент. Старший специалист. Председатель секции любителей сиамских кошек. Заведующий скотоперегонным пунктом. Главный товаровед. Депутат!

Должность – удостоверение личности человека. Если его не утверждают в должности – он переживает, даже при тех же деньгах и полномочиях.

Если значимость богатого реализуется через деньги, то значимость лица при должности – через должностные полномочия. За сословно-должностными возможностями – стоит организация, система, государство, скоординированные усилия многих людей, и у каждого возможности.

Даже должность самого маленького начальничка – знак, статус, и он из кожи вон лезет, чтоб свои малые полномочия перед тобой раздуть, ибо потребно ему быть очень-очень значимым.

С военными мужчинами интересно. В виде поощрения

солдату могут нашить лычку, назвать «ефрейтор» и прибавить денег на пачку сигарет. Твоя лычка есть знак твоего повышенного солдатского качества. Армейская максима гласит: «Лучше дочь проститутка, чем сын ефрейтор». И тем не менее солдат-матрос хочет сержантских-старшинских лычек, ибо его социальный инстинкт, зажатый армейской жизнью, как слесарными тисками, ищет хоть какую возможную форму для капелюшечного повышения своего социального статуса.

Офицер может быть при должности, и денежно ему компенсируют как-то недостающую звездочку, – но торможение чина он переживает сильно, и мечтает о следующем звании, да побыстрее, а потом дальше-выше. Полковник и подполковник – это не одно и то же! Даже при одинаковости должностей и денег. Звезды на погонах – суть офицерской судьбы! Этот социальный код ярко сигнализирует: вот этот главнее, значительнее, удачливее, богаче, командднее, выше по служебной лестнице! (Даже если на этой ступени его лестницы один геморрой…) Н-ну – тот не офицер, кто не хочет делать карьеру.

Номинальные. Это самые смешные отличия. Особенная их прелесть для власть имущих, что эти знаки ничего не стоят.

а). *Престижно-групповые*. Это состоять в неких престижных обществах и объединениях. От Академии Наук до редколлегии мухосранской районной газеты. Прикол в том, что туда принимают не каждого. И не принятый мгновенно ощущает свою неполноценность по сравнению с принятым. Он вдруг оказывается поставлен на каком-то участочке социума ниже того, кого приняли. И его социальный инстинкт ущемлен!

Союзы писателей, композиторов, художников, ПЕН-клубы; престижные студенческие клубы; а уж масонские ложи! фонды, советы, комиссии, и т.д. – причем мы имеем в виду, что это не из-за денег, там не платят, и не украдешь (предположим), а – тебя выделили из общей массы!

Участие в делегациях, поездках, форумах, круглых столах, выставках! Самолет, отель, шведский стол, табличка с именем, обмен рукопожатиями с иностранными гражданами – в основном такими же тщеславными халявщиками, как и ты. Но поскольку тебя – включили, а кого-то другого – нет, ты тем самым выше его, ты избранный, и социальный код сигнализирует твоему подсознанию, что ты приподнялся в иерархической пирамиде твоего социума.

(Мне доводилось видеть в старые советские времена, как немолодой серьезный мужчина носил на лацкане черного костюма лауреатскую медаль, которая при ближайшем рассмотрении оказалась детским значком Всесоюзной Военно-

спортивной игры «Зарница», какие давали всем бюрократически причастным тоже…)

Человеку несносно сознавать, что его могут не принять куда бы то ни было, куда приняли кого-то не лучше него. И наоборот: страшно приятно, что он состоит там, куда другого не пустили. И хрен он избавится от этого инстинкта.

б). *Индивидуально-наградные*. Это придумали еще в античности. Что характерно: номинально-наградное поощрение возникло с появлением демократических государств Греции и Рима.

В монархии, в деспотии, награда носила характер чего-то полезного и материального: земля, рабы, драгоценности, дорогое оружие или дорогая одежда с плеча владыки. И вот победил человек в Олимпийских играх: их проведение и так полису и всей Греции денег стоит, а уж земель и рабов для победителей вовсе не предусмотрено. Увенчать его лавровым венком! А супер-дупер-чемпиону – поставить статую на родине. Прибытку с этого никакого – но приятно. Знак почета и уважения. Или награды римским солдатам: венки за то, что первым поднялся на стену штурмуемого города, или спас командира в бою, и т.д.

* * *

Тогда впервые произошло это интересное и характерное:

– социальный код отделился от материального содержания.

Социальный код перестал обязательно иметь материальный эквивалент.

Можно сформулировать этот мелкий социальный закон – он имеет важное значение для понимания людского поведения, для прояснения мотивов и стремлений цивилизованного чел-ка:

По мере усложнения социума – усложняющиеся формы проявления социального инстинкта теряют материальное наполнение.

Нет, не любой знак и сектор социального кода теряет свое материальное наполнение, разумеется. Но чем дальше – тем больше разрастается «виртуальный сектор» социального статуса и престижа, где за кодом не стоит ничего, что можно было бы пощупать, потребить, съесть.

* * *

Вот идут перед героем по улицам Рима глашатай и два

факелоносца, и все извещаются, что проходит герой, доблестью заслуживший признание народа. Гм, но денег при этом могут не дать.

Таким образом – понятно давно и более или менее всем (нет?):

Люди стремятся к наградам и отличиям всех мастей, изобретая их без числа и меры. Степени орденов (каково? кусочки металла на цветных ленточках – разной формы, с разными названиями, с мельчайшими отличиями в штришочках на крестике, так еще и разных степеней: экое изощренное языческое поклонение предметам, экий шизофренический фетишизм!). Медали, призы, кубки. А также премии, – ну, там хоть немного (или не так уж мало) денег дают, но не в деньгах дело же. Нобелевский лауреат и просто обладатель одного миллиона долларов – это ведь не одно и то же.

Здесь, представляется, вот какая произошла интересная вещь:

В животное заложены инстинкты, чтоб оно могло удовлетворять свои потребности. Собака должна охотиться, чтоб пропитаться. Поэтому у нее есть охотничий инстинкт (в природе). Если ее кормить до отвала – она все равно будет бегать по лесам-полям и нюхать следы, как делала бы при охоте. Бегать, нюхать, догонять, – это в ней инстинктивно: это чтобы прокормиться. А хоть и кормят – это сохраняется. Ну – так сытая домашняя кошка ловит мышей – у кошек сильно развит охотничий инстинкт.

В «сытных» условиях происходит своего рода психическая обманка: охотиться уже ради самого процесса охоты, и стремиться к этому, и получать удовольствие. «Охота с пустышкой». Игра – как модель поведения, психически заданного.

Мы имеем «код охоты». Можно сказать: «поведенческий код». Атрибутика охоты хороша для собаки уже сама по себе – результаты не важны, раз и так кормят.

То есть:

В обеспечение жизненной потребности формируется инстинкт. В реализации инстинкта обеспечивается жизненная потребность. Удовлетворение инстинкта «считывается» через выполнение всех пунктов программы, необходимых для удовлетворения потребности. Бегать, нюхать, искать, догонять, ловить, убивать, есть. Все эти пункты заложены в инстинкт полным списком.

Что же происходит, если собаку накормить? Удовлетворен, выполнен, зачеркнут, только один пункт – последний и результирующий. Рационального смысла бегать больше нет. Но инстинкт требует выполнения всей программы! Иначе будет

дискомфорт, неудовлетворенное желание. Мышцы, легкие, весь организм – и вся психика, управляющая организмом! – запрограммированы на выполнение всех пунктов охоты, венцом которой является питание. (В условной эволюции хорошее питание без всяких действий – даст в конце концов живой желудок с кишечником при минимуме мозга и мышц, минимуме легких и кровообращения… бр-р-р.)

Таким образом:

Элементам охоты, взятым отдельно самим по себе, – знакам «кода охоты», даже отделенным от результата и смысла охоты, – собака радуется, и хочет их, и стремится к ним. Это пункты программы одного инстинкта – каковой живет в ней в целом и стремится к полной реализации по всему списку.

Разжевали. Перешли к человеку. Чела-эк – поди сюда, мушкой!

Миллионы и сотни тысяч лет в человеке формировался социальный инстинкт. Групповой инстинкт неотделим от биологического индивидуального, это давно в подсознании: выжить можно только группой. А в группе следует занять максимально высокое положение. Высокое положение – это: ты лучше питаешься, ты кроешь лучших самок, ты передаешь свои гены дальше, – и одновременно ты больше берешь на себя в охоте и войне, – и одновременно ты отстаиваешь свое положение перед соперниками внутри группы. Ну, а поскольку ты не можешь давать им всем по морде трижды в день и вырывать остаток хвоста, – достаточно становится соблюдения правил поведения, или поз, или угрожающих жестов и гримас, демонстрации силы без применения силы. Поза (гримаса, жест) подчинения, или доминирования, или вообще обозначение твоего статуса в стае.

Социальный код обозначает социальную иерархию. С минимальными затратами энергии, без постоянных драк и увечий, без потерь времени, с сохранением здоровья всех членов стаи.

И. Влекомый социальным инстинктом занять максимально высокое место в иерархии стаи. С чем связаны: лучшая пища, самки, передача генов, подчинение соперников, ключевое место в охоте и на войне, – человек стремится выполнить в с ю п р о г р а м м у социального инстинкта. Как сытой собаке мало сытости, но потребно еще бегать и нюхать, – так материально удовлетворенному человеку необходимо еще обладать всей атрибутикой социального кода, соответствующего высокому статусу. Ибо в его подсознании, в его групповом инстинкте социальный код неразрывно связан с реальными благами, благами материального уровня, необходимыми для выживания и

передачи генов.

Социальный код – это система социальной ориентации. Это полет по приборам, когда в кренящемся туда-сюда самолете неясно, где земля.

И человеку, независимо от набора и объема имеющихся материальных и социальных благ, – потребен весь список. Весь социальный код – в полном перечне пунктов статуса и престижа. И деньги, и награда, и власть, и слава, – во всех их проявлениях. Ну, все сразу невозможно, – но все возможное все-таки хочется.

И поэтому богатый и умный человек может радоваться ордену, как дикарь – костяной серьге, обточенной камушком из позвонка грозного врага. Инстинкты-с.

Знак социума. Символ как системообразующий знак

Лев Толстой эпохи «Войны и мира» был мудрец сократовского толка: простачок начинал рассуждать с нуля. Типа: вот люди прибивают тряпку на палку – и потом умирают за эту тряпку на палке, которую сами же изготовили и прибили. Не ерунда ли. Детская отстраненность наивно освежала вопрос.

Дело, конечно, не в тряпке. А в системе условностей, и в чувствах и представлениях, стоящих за условностями. Толстой условности ненавидел и жаждал естественности.

1. Содержания и смыслы символа и знака изучены и переизучены вдоль и поперек в ширину и в глубину. От геральдики до семиотики дистанция огромного размера. Суть несложна: людям свойственно свертывать информацию в знаковую систему. Для удобства, емкости, скорости. У любых животных, собственно, тоже есть знаковые системы – звуки и позы опасности, призыва, любви, угрозы и т.д. Содержание такого «первичного» знака – это комплекс эмоций и вариантов дальнейшего действия: волк зарычал и т.д. Боятся не шипения змеи, а того, что сейчас укусит.

2. Затягивающееся тучами небо – знак скорой грозы. Запах гари – знак пожара. Границу между знаком – и приметой надвигающегося действия – провести трудно. В широком смысле слова: природная примета есть знак природного явления – для того, кто умеет читать этот знак. Животные считывают знаки природы инстинктивно или рефлекторно, и принимают их к сведению или исполнению (бежать, есть, и т.д.). Инстинкты человека сильно ослаблены (вернее, инстинктивные реакции вытесняются рационально опосредованными), а знаки природы постигаются опытным путем и анализируются рационально по мере возможности. Гром к грозе, а гремит оттого, что Илья-пророк на колеснице по небу едет.

С такой точки зрения все наше постижение природы есть считывание знаков. А вся природа – своего рода текст из таких знаков. А поскольку познание (судя по всему) принципиально бесконечно – то текст это длинный, и читать его можно до посинения. Ибо за любым прочитанным знаком открывается следующий знак, цепь и куст знаков.

Это все известно и без нас. Но «привязаться к местности» всегда невредно для определения и накрытия цели.

3. Нас сейчас интересует «знак» в разрезе человеческих

отношений. Как межличностных, так и межгрупповых.

Что означает «оскорбление»? Это: я могу тебя избить, изнасиловать, ограбить, надругаться всеми способами, поставить на колени, – я тебя предупредил конкретно. И наши с тобой отношения строятся с учетом этого факта. Помни: ты в моей власти, и если я захочу – конец тебе, мальчик.

Реакция на оскорбление – адреналин: дерись или беги! Не надо доводить дело до увечий и смертоубийства: или ты признаешь себя слабее и сваливаешь – или бьешь в глаз первым и вцепляешься в глотку. Но это очень затратно с точки зрения расходов биологического материала. Поэтому есть третий способ – лаяться в ответ. Перелаять соперника – дешевле инвалидности или бегства.

Вместо того, чтобы мериться силами – мерятся знаком своих сил! Тем обозначая объем ответного вреда противнику – и готовность этот вред причинить. И по мощи выражений и ярости крика зондируют силу врага и готовность к бою.

Поединок принимает «знаковый» характер. В результате: или один будет держаться подальше от второго, или один подчинен второму, или драка отложена до первой стычки.

Что произошло? Произошел акт структурирования социума: между двумя независимыми людьми образовались отношения доминирования-подчинения.

Как произошло? Через производство акустических колебаний, которые сами по себе ничего не значат и никакого значения не имеют. Но оба врага наполняют эти акустические знаки информацией, исполненной жизненно важного значения.

4. Знаковая система языка служит передаче информации, фактической и эмоциональной. И накоплению информации. И обработке, черт возьми, этой рационально упакованной информации. И вообще язык как средство мышления.

В социальном плане язык понятным образом служит координации действий социума и структурированию иерархии социума. Кому чего делать, кому чего положено, кто есть кто.

Язык как знаковая система позволяет информацию хранить, копить и передавать с минимальными энергетическими затратами, в минимум времени. То есть. Знаковая система повышает информационный уровень социальной системы. И тем самым повышает ее операционный уровень. И тем самым повышает ее энергопреобразовательный потенциал. Повышает ее уровень энергопреобразования. Что есть уже тенденция общевселенская.

Или:

По мере усложнения знаковой системы уровень

энергопреобразования социума повышается.

5. Строго говоря. Эволюция – это усложнение информационного ответа организма на информационный вызов среды.

Или:

Эволюция – это рост информационного содержания неорганических, органических и социальных систем.

Так сказать, эволюция в разрезе информации.

6. Социальная эволюция естественно коррелировала с ростом информации. Общество всегда было информационным. С тех пор, как стали передавать детям знание о производстве дубины и пользовании ею.

Овладение огнем – та конкретная черта в истории, после которой знание стало силой. Информация дала энергию. Человек стал человеком.

Изготовление орудий, навыки земледелия и скотоводства, мелиорации и архитектуры, – все это информация. Можно сказать и так:

Сумма технологий, сделавшая человека человеком, есть информация. (Разделение общества на охотничье-собирательское, сельскохозяйственное, индустриальное и информационное – сугубо условно; и означает лишь, что все усложняющиеся информационно емкие технологии играют все бóльшую роль.)

7. Объем информации растет. Информационные связи и комбинации усложняются. Передавать надо все бóльшие объемы все более сложных информационных комбинаций.

С ростом объема информации ее хранение, передача и информирование ею усложняется.

Возникает «вторичный код». Информация сама-то по себе есть код. «Вторичный код» упаковывает ее, обозначая через краткие знаки объемные информационные блоки.

Так образуется терминология, профессиональные языки наук. За термином стоят развернутые формулировки с массой «спецпонятий».

8. Ключевое положение таково:

Прогресс социальный, информационный и энергопреобразовательный – это аспекты единого эволюционного процесса.

9. А также. Поскольку оперировать огромными информационными блоками впрямую, не пакуя их в знаки, невозможно. То:

С ростом объема информации содержание знака увеличивается.

Ну, потому что мозг человеческий может оперировать

ограниченным количеством знаков. И количество знаков по мере накопления информации, конечно, растет. Но смысловая нагрузка на каждый знак тоже растет. – *Рост объема информации опережает рост числа знаков.*

10. Но есть и обратная сторона явления. Эмоциональная и смысловая нагрузка на знак растет не только по мере наращивания общего объема информации. Она же и уменьшается по мере увеличения количества этих разнообразных знаков. Проще. Больше информации – больше нагрузка на знак. Но меньше знаков – тоже нагрузка на один знак делается больше.

Или:

В бедной, примитивной культуре эмоционально-смысловая нагрузка на знак – гораздо больше, чем в культуре богатой и изощренной.

Ну, это как тридцатисловный словарь Людоедки-Эллочки, которым надо выразить все мысли и чувства на все случаи жизни. Поэтому дикарь полезет в бой за не тот штрих в боевой раскраске. Или солдат подшивает подворотничок из хлорвинилового провода. Ибо средства выражения информации до крайности скупы – и поэтому их информационная нагрузка очень велика.

11. Гм. А нет ли здесь противоречия? Так с ростом информации – нагрузка на знак уменьшается или увеличивается? Что опережает: рост информации с увеличением нагрузки на знак – или рост знаков с уменьшением нагрузки на один знак, коли знаков много?

Придется разделить.

Наш эмоциональный багаж есть константа. И чем скупее культура – тем выше эмоциональная нагрузка на знак.

С ростом культуры эмоциональная нагрузка на знак уменьшается.

Оно же:

С ростом информации эмоциональная нагрузка на знак уменьшается.

А вот с нагрузкой фактологической, рациональной, интеллектуальной дело обстоит иначе. Ибо чем у нас в голове больше такой информации – тем большими объемами мы оперируем, тем более изощренные и сложные информационные комбинации строим.

По мере роста информации растет нужда и способность оперировать бóльшими информационными массами. И растет нужда и способность все бóльшие объемы информации «прицеплять» к ограниченному числу знаков, позволяющему оперировать ими: думать, то есть, не путаясь в бесчисленных подробностях и конкретностях.

12. Историческая семиотика, историческая информатика и историческая семантика могут быть до чрезвычайности интересными и полезными разделами общей культурологии. Экая жалость, что нельзя объять необъятное!..

В сущности, Информация и есть Бог, являя совместно с Материей двуединую сущность Бытия.

В этой парадигме – **Энергия есть форма воплощения Информации из идеального состояния в материальное.**

Энергия есть связующая сущность миров Идеального и Реального.

… – Здесь надо перевести дух и вернуться к своим баранам.

13. Человек живет в реальном мире и силится постигнуть идеальный мир как первопричину всех вещей. Науки у него еще не было, но природная потребность сориентироваться в мире была всегда. Познание – необходимый этап адаптации и выживания.

Черт возьми. В этом мире – все реально. А в Том – все идеально. А как с Ним вступать в контакт, беседовать и просить о нужном? Словами-то словами… а как ему услужить, его задобрить, и вообще наладить отношения на регулярной основе? Ну, принести жертву. Ну, всем родом совместно. Ну, на каком-то определенном месте, к которому он, возможно, уже присмотрелся. Или что-то необычное было в том месте, приметное, странное.

Человек ищет материальную точку контакта с Высшими Силами. Раз в этом мире все материально, а в том все идеально, то должны же быть точки соприкосновения. Скрепки неба с землей. Должен же контакт являть себя через какие-то действия, а действия связаны с материальными предметами.

Все непонятное подверстывается к категории Высших Сил. Все предметы, связанные с проявлениями Высших Сил, становятся культовыми: поляна, ручей, пещера, дерево, скала.

Знание и убежденность есть аспект силы. Стремление к знанию, как и стремление к силе, есть инстинкт. Стремление к знанию и силе приобретает характер стремления к культовым предметам.

14. Амулет – это походный культовый предмет. Это точка контакта с богами, которая всегда при себе. Это аккумулятор благодати, подзаряжаемый Сверху. Подчеркнем – это твоя индивидуальная точка контакта.

Обретение амулета связано с какими-то над-практическими чувствами и действиями, будь то ритуал, магия, освящение, подарок по случаю. Либо же предмет становится амулетом,

будучи при хозяине в опасных ситуациях со счастливым исходом и т.п.

15. Фетиш – это немного другое дело. Фетиш – это эрзац-объект. Женское белье вместо женщины. Кактус вместо семьи. Старая ваза как предмет любви и заботы заместо семьи.

Фетиш – это предмет, на который человек переносит чувство, страсть, любовь, заботу. Тем самым придает фетишу значимость, ценность.

Это может быть извращение – если рядом живой человек и реальные дела. А может быть замещение – если излить свои чувства не на кого и, так вышло, не на что.

Изначально это предмет бытовой, пользовательный, рукотворный.

16. И вот кипели некогда страсти на Вселенских Соборах: можно ли молиться иконам – или это идолопоклонство языческое и богопротивное. Доску сделали, краски нанесли, – и молятся рукотворному предмету, а?! Победило мнение мудрое и компромиссное: доскам молиться, конечно, нельзя, но изображенным на них Христу и святым – очень даже нужно.

То есть: да, святыню можно изготовить. Произвести над ней ритуальные действия – и можно поклоняться.

17. Дело не в святыне. Дело в потребности людей иметь святыни. Свинья найдет грязи, святой найдет путь к Богу. Молиться можно, в сущности, чему угодно. Строго говоря, что есть святыня?

Святыня – материальный знак надличностной ценности.

18. Надличностная ценность – это, можно сказать, «наджизненная ценность». Это ценность более высокого уровня, чем твоя жизнь, – она включает в себя твою жизнь и придает ей смысл. (См. «Кассандра».)

Надличностная ценность – это то единое с тобой, что больше тебя.

Это – любовь, родина, истина. Это – твое дело, твоя семья, твоя вера, – ты есть их часть, а они часть себя. Твоя жизнь и служение им – это одно и то же.

Ценность жизни измеряется тем, за что ты готов ее отдать.

То есть:

Надличностная ценность – системообразующий фактор. Обладая надличностной ценностью – ты тем самым подстегиваешь свою жизнь к чему-то большему, чем ты, необходимому, благому, похвальному. Ты обретаешь силу, единство и в чем-то бессмертие, становясь частью великого общего целого.

Вообще надличностная ценность – это объективация

группового инстинкта, социального инстинкта: через стремление к этому делу-предмету ты стремишься воедино с группой отдать себя целям группы. Причем – теми же способами, что и другие члены группы. И – ради тех же ценностей, что другие члены группы.

Вот здесь и зарыта собака, которая размером со слона.

Повторим:

Надличностная ценность – это единообразная объективация социального инстинкта, структурирующая массу в социум.

Любовь, патриотизм, мораль, религия, семья, труд, истина, – все это существует в социуме так или иначе универсализованное, регламентированное, общепринятое. Основы этих ценностей всегда одни, как одна человеческая природа. Но «местный колорит» и антураж с нюансами меняется в зависимости от особенностей истории конкретной культуры. Обычаи разных групп могут формально противоречить друг другу. Но суть и структура везде аналогична.

Исповедуя потребные и желанные надличностные ценности – люди структурируются в социум как систему. Они одинаково относятся к одним и тем же вещам. У них одна ментальность, одни взгляды. Они одинаково молятся одним богам. Всей группой, как строй по команде, они одинаково реагируют на все раздражители. Причем реакции их согласованы и действия их координированы оптимальным образом. Систематизированная таким образом группа – эффективнее дерется, охотится, спасается от бедствий, заботится о своих членах.

Надличностные ценности обязательны! Эгоист, трус, лентяй, подлец, – нарушают стройное и единое взаимодействие группы, ослабляют ее, уменьшают общие шансы на выживание и продолжение рода, и должны караться беспощадно.

В заключение раздела повторим чуть иначе:

Надличностная ценность – это единообразная объективация инстинкта группового выживания, структурирующая массу в социум.

Всем одинаково исполнять общие правила, соблюдать общие обычаи, участвовать в общих церемониях, молиться общим богам и жить по общему закону, – это категорически необходимо для выживания группы, и далее для ее культурной эволюции. И эмоции человека – избыточно энергетичного человека! – слишком велики, чтоб направлять их только на личное благополучие: они рвутся вверх и в стороны, они ищут точки приложения, – и движимый потребностью приложить еще к чему-то свои эмоции и силы, человек создает себе надличностные ценности и служит им – всей группой… Ну, поскольку эмоции есть акты

психоэнергетические.

Повышенная энергетика человека заставляет его оформлять надличностные ценности и служить им.

19. Избыточная энергетика человека, история культуры, социальная эволюция, надличностные ценности, групповой инстинкт и святыни – это явления одного порядка, неразрывно связанные и взаимообусловленные.

20. Святыни исторические, национальные, артефакты искусства, – это все системообразующие ценности социума.

21. Фетиш в качестве социальной святыни, святыни рукотворные – это уже забавнее.

Итак. Соткали тряпку, прибили к палке, – все? Нет: провели церемонию: сами построились, палку наклонили, пригласили священника, он по традиции и обряду брызнул, сказал слова, поделал пассы руками. Потом командир части согнул нижнюю конечность в серединном суставе, склонился и прикоснулся к тряпке ротовым отверстием, служащим обычно для приема пищи и издавания звуков. Все это означает, что тряпка на палке стала штукой жутко важной. Вот раз шаман и вождь, пардон, священник и командир, произвели такие звуки и движения, то теперь эта тряпка на палке перешла в иное социальное качество – она стала святыней. Полку преклонить колено и присягнуть знамени.

М-да – так вот. Понятно, когда люди умирают за родину, за семейный очаг, за веру и правду. Но почему за тряпку, которую сами сделали и над ней поколдовали?! Не проще ли дать полку новое знамя, и еще пять про запас, пусть умирают за дело, а не за произведения швейно-столярной промышленности!

Да нет. Они умирают не за тряпку. А за свое единство. За свою верность армейским ценностям. За святыню своей системы. За свою надличностную сущность.

Верность знамени означает: моя надличностная ценность – безусловно важнее моей личной жизни, тому верен и тем горжусь! Верность святыне – это предъявление своей надличностной ценности своим и врагам. Это знак единства. Гм. Условный знак, нельзя спорить. Но не более условный, чем все над-базовые ценности человеческой цивилизации, избыточной и условной по определению, если брать необходимость для существования.

Нам не нужна тряпка на палке. Нам нужна верность, единство, храбрость, дисциплина. Групповая сила. Знамя – это центральная чека, которую втыкают в ось полка, чтоб он не развалился. Поклонение единой для всех святыне структуризует массу в полк. Дерясь за знамя – дерутся за структуру своей группы, чтоб не развалиться в слабую толпу.

Чтобы в экстремальных условиях толпа была системой – необходима объективированная ценность, безусловная и высшая, в служении которой все будут равны, и служение которой будет ясно, просто, доступно и категорически обязательно.

Знамя – это игла жизни Кощея, которую он сам сделал.

Знамя – это надличностная ценность по отношению к любому бойцу. Это символ высшей истины, над-человеческого смысла.

22. Знамя есть атрибут групповой самоидентификации.

Знамя есть объективация воинского духа группы.

Знамя есть знак силы.

Знамя есть предметное проявление сущности войска.

Нет сил, как хочется закончить этот полет высокого штиля цитатой: «Знамя есть священная хоругва, которая… которой…»

Священность знамени – это только предлог, повод, условность, закон, чтоб хранить и крепить единство войска. Драться с врагом все равно надо, бежать все равно не надо, и вот сбережение знамени – это как красная черта на шкале: дальше пойдет развал, взрыв, разрушение системы. Сбережение знамени – это индикаторная черта воинской группы: еще боевая система – или уже неуправляемая толпа.

23. Спаять группу в систему так, чтобы каждый ценой своей жизни спасал каждого – практически невозможно. Хотя, конечно, «сам погибай, а товарища выручай», но товарищ ничем не лучше меня, особенно если это незнакомый товарищ. Всех героями не сделаешь, хотя стремление есть. Однако связь каждого с каждым в трехтысячном полку – громоздкая и невозможная связь. Полк собран по взводам-ротам-батальонам-службам. Но – все три тысячи человек – в равной степени обязаны беречь знамя. Это как спутанный ком прутьев собрать в ровную метлу и перетянуть поверху проволокой. Вот знамя – это закрутка концов той проволоки.

–

Итоги под чертой.

Идеальная ценность – это реальная ценность более высокого уровня.

Когда человек умирает за идеальную ценность – он умирает за реальные ценности надличностного уровня, то есть системные ценности.

Смерть за родину в дальнем походе – это часть защиты родного очага, и только если все будут защищать всё, это возможно. Смерть за истину – это положить жизнь на то, чтобы твоя группа правильнее ориентировалась в жизни и тем самым успешнее выжила. Смерть за веру – это за то, чтоб твоя группа

была системой, сильной в своем единстве взглядов и не растворенной в группе врага.

Формулировать эти комплексы чувств и цепи мыслей весьма сложно. Рыба не должна думать, как она плавает. Сидя на берегу, за нее думаем мы.

Люди в своих культурно-цивилизационных действиях руководствуются неосознанным социальным инстинктом в его многочисленных и разнообразных формах и проявлениях. Эти формы и проявления социального инстинкта мы и пытаемся осознать и сформулировать.

Символ – это максимально нагруженный знак. Потребность в символе – это потребность в закодировании огромного объема информации. Смысл символа – это перенос на него и концентрация на нем массы информации. Оперирование с символом – страшно упрощает, усиливает, рационализирует оперирование с предметным объектом конечных действий. Внушить личному составу священность знамени – в тысячи раз проще и доходчивее лекций о родине, дисбате и смысле жизни.

Смысл символа – в эмоциональной нагрузке, превышающей информационно-фактологическую настолько, что факт-информация лишь обозначена, а эмоция полностью доминирует. Символ взывает к чувству и действию напрямую – ясно и эффективно!

Стремление к символу отвечает потребности человека в максимальных ощущениях и максимальных действиях. Это его психофизическая сущность.

Стремление к символу отвечает потребности человека в структуризации социума. Это его социальная сущность.

…Внешне абсурдная борьба за тряпку на палке – это экстремальное проявление социального инстинкта в борьбе за социальный знак. Это условное (знаковое, символическое) оформление инстинкта межгрупповой борьбы.

Структурирование социума, повышение энергетичности социума, совершенствование координации социума, большее информационное наполнение социума, рост операционной мощности социума, – основные и объективные функции символа. То есть:

Символ есть естественный и закономерный элемент в эволюции социума, коррелирующий с ростом энергопреобразования социума.

Мы говорили о символе в основном как знаке групповой самоидентификации. «Умираю за символ группы» – это все равно что «умираю за группу – сильную, единую и неделимую, достойную и непобедимую, тем я горд и силен, а на вас всех

плевал». Духовная накачка – это тоже фактор победы.

…Герб, гимн и прочая торжественная символика – точно то же самое, вид сбоку.

К вопросу о самоусложнении социума

В любом обществе два процента людей психически неадекватных. Независимо от эпохи, социальных условий, материального развития и политического строя. Хоть тресни.

Психам всегда жилось не очень. И семью завести трудно, трудно самому прокормиться, не говоря уж потомство на ноги поставить. Вымирали психи.

И тем не менее – появлялись снова! Рождались от обычных нормальных родителей – дети с психическими отклонениями. Те же два процента!

А возьмем товарищей гомосексуалистов. Рождаются они, естественно, от нормально ориентированных родителей: от мамы и папы. А тянутся к своему полу! Потомства, естественно, не дают (если только не переступят через свои наклонности ради продления рода). Их сколько, врожденных? Около трех процентов. Ну, два – два с половиной. (Если потом оказывается больше – это милые друзья склонили, растлили и приохотили, Гомосексуализм благоприобретенный мы учитывать не будем, в местах заключения он вообще процветает, так это не от хорошей жизни.)

Гомосексуалисты природе явно не нужны. В размножение, в эволюцию, в передачу генов они не идут. С эволюционной точки зрения – это брак, отходы производства. А почему за миллион лет – еще не отбраковали?! Почему снова появляются, да в той же пропорции?..

А теперь поговорим о конформистах и нонконформистах. Большинство – оно всегда имеет общее мнение; одни и те же оценки, взгляды, ценности, шкалу стремлений. Без этого и существование социума невозможно. Большинство – оно идеологически организовано и ориентировано. А меньшинство – это со своим поперечным мнением и странными взглядами. Раздражают, мешают.

Существуют врожденные бунтари, врожденные политические оппозиционеры. Каков бы ни был политический уклад – они всегда будут против основ, им всегда будет не стрижено, а брито.

И наконец. Что бы ни делал человек самое лучшее. Как бы он ни отдавал людям себя без остатка. Был мудр и свят. – Все равно найдутся те, кто распнут святого. Найдутся недовольные и несогласные. Найдутся удивительные уроды, которые своим извращенным умом откопают несуществующие злые умыслы, искаженным взглядом отметят ошибки, и с истеричным упорством потребуют обличения и наказания.

Самая плохая книга найдет своего читателя. Самая хорошая книга найдет своего критика. Каждый плюгавец встретит свою поганочку.

Кроме зависти и злобы, подсидок и интриг в отношениях людских – есть искреннее неприятие всего лучшего и искреннее превозношение всего худшего у некоторого процента населения.

Я хочу сказать. Что. Повинуясь всеобщему закону структуризации:

Социум стремится повысить свою сложность на всех уровнях и по любым поводам разнообразными методами. А в частности – стремится дифференцировать единообразие склонностей, типов психики, моделей поведения, оценок информации, – хотя бы разводя их на две группы.

Жизнь есть усложнение, в антиэнтропийной сущности своей. Инстинкт жизни на социальном уровне повелевает усложняться. Так возникают и в разнообразии множатся социальные институты. А на психологическом уровне – природе необходимы хотя бы два мнения. Фома неверующий – постоянный гость на любом празднике жизни.

Заметьте: педофилов мы воспринимаем не только как извращенцев, но и как преступников. Зоофилов? Ну, уголовный кодекс может сулить срок, но в понятии людском – почему козу можно зарезать на мясо, но нельзя перед этим трахнуть? Извращение без преступления, кроме нарушения и даже оскорбления общественной морали. А геронтофилы? Старушка совершеннолетняя, все по обоюдному согласию, благодарна до слез. Извращение на грани благотворительности. Цимес в том, что каргу ветхую – предпочел красотке в соку! Любят очень толстых и очень худых. Любят тех, у кого что-то ампутировано. А также любят лиц собственного пола. Чего только люди не любят!

Почему это так?! Потому что эволюции, развитию жизни, передаче своих генов, нужна кроме основного течения событий еще и максимальная подстраховка. Эволюция забивает все щели всех возможностей и вариантов. Ничто не должно остаться неиспробованным, непроверенным, нереализованным. Кто знает, какой вариант может выстрелить при следующем изменении обстоятельств? Какая мутация окажется спасительной?

Есть социальная форма материи. Социальный уровень эволюции. И социум пытается придумывать, изобретать и внедрять все, что только может себе вообразить. Воображает социум, понятно, людскими головами, умными и глупыми, конформистскими и бунтарскими.

А есть уровень информационного обеспечения социальной эволюции. Информация воспринимается, анализируется,

сортируется, и по результатам сортировки и анализа делается заключение. А уже в согласии с заключением – предпринимается действие, прямо или косвенно, раньше или позже.

Без восприятия и переработки информации нет и невозможна никакая ни жизнь, ни эволюция. Организм – часть среды в единстве с ней. И необходимо адекватно реагировать на любые процессы в среде! Переработка информации – это инстинкт! В зависимости от обстоятельств среды, от сложности организма и процесса – этот инстинкт может быть более или менее опосредован.

ИНСТИНКТ СТРЕМЛЕНИЯ К РАЗНООБРАЗИЮ – вот как можно назвать Всеобщий Закон Структуризации применительно к эволюции биосферы Земли. Все виды постоянно в своих особях мутируют как могут – вдруг да чего пригодится? Вдруг да в рост пойдет? Вдруг да при катастрофе спасет? Вдруг да получше будет в жизни-то земной нелегкой и порой непредсказуемой?

Эволюцию вида во времени можно представить себе как ствол огромного дерева, лежащий по земле и растущий, повторяя рельеф местности. И вот изображение этого ствола дерева не четко очерчено, а на оконечности, где оно растет, как бы пульсирует слегка, клубится, выпуская краткие побеги во все стороны, принимая причудливые формы бугорков, впадинок, веточек, и постепенно это пульсирование затихает, и запечатлевается только одна форма из миллионов мгновенных картинок: а вид клубится на растущей и ползущей вперед вершине-оконечности, ощупывает мгновенными выплесками воздух и местность перед собой, заполняет собой реальные впадины поверхности, переползает препятствия, и дальше растет.

А из некоторых побегов развиваются собственные ветви-виды, и тоже клубятся и ползут вперед, применяясь к местности.

Вот и с информационной эволюцией то же самое. Туманный и ветвящийся пульсирующий тоннель, который своим клубением и пульсированием нащупывает свою адекватную форму.

Это клубение и ветвение есть форма и условие существования этого тоннеля. Информационной эволюции то бишь.

Поэтому. Раскол мнений – это социальный инстинкт. Это пульсирует информационное обеспечение социальной эволюции. Это объективная необходимость проверить и использовать все возможные варианты, чтобы избрать наилучший в качестве основного для развития.

Поэтому даже самые очевидные истины подвергаются порой критике, хуле, испытываются на прочность, отрицаются. Так отрицается аксиома о параллельных прямых и возникает

пространство Римана. Так на смену эволюционизму пришел диффузионизм, чтоб смениться «нео»-эволюционизмом. Там гомосексуализм из греха, извращения и уголовного преступления стал почти добродетелью.

Это не так трудно понять. Труднее освоиться с давно уже не новой мыслью о том, что объективные социальные законы являют себя через искренние мысли страсти конкретных людей, каковые конкретные люди об объективных законах при этом нисколько не думают, а заняты исключительно собой, своим самоутверждением и своими делами.

Это дело поступенчатое. Многосложное.

Эволюция и природа создают людям разные семьи, разный достаток, складывают их гены в разные комбинации. Вот они и выдают разные мнения по одним и тем же поводам. Но это просто.

А когда люди, вроде, равны и одинаковы? Ум, мораль, достаток, профессия, – все сходно? Почему мнения различны? Не у всех – но обязательно на полсотни найдется хоть один поперечник?

Психологически – потому, что у каждого есть потребность мысленно «попробовать мысль на зуб» и прикинуть возражения. У разных людей эта потребность выражена в разной степени.

Социопсихологически – потому что в подсознание многих заложена и роль потенциального оппозиционера, критика, анти-лидера.

Социально – потому что такие люди с противоположными мнениями нужны эволюции и подчинены закону усложнения социума.

Биологически – потому что Природа рождает оппозиционеров, нонконформистов, бунтовщиков, ниспровергателей. – А уж ниспровергают они то, что ближе, что под рукой, что видно.

…Поэтому не удивляйтесь поношению лучших своих мыслей и поступков. Это люди не со зла. Это закон социума. Это социум стремится к разнообразию, а природа рождает критиков, а подсознание некоторых людей стремится заполнить любой интеллектуальный вакуум, говоря то, чего говорить большинством не принято или большинству представляется невероятным.

Есть люди, которые белое считают черным, длинное коротким, горькое сладким. Их можно считать теми двумя процентами брака и эволюционных отходов, о которых мы говорили чуть раньше. Но эти проценты объективно необходимы! А можно их считать препятствиями, необходимыми для

постоянного испытания истин и мыслей на прочность.

Методологически ошибочно ждать от всех и каждого подряд добра, истины, ума и компетентности. Мир, люди и социум устроены сложнее. И логика этого устройства иная. Составная. Структурная. Системная.

У камня на дороге и грязи в луже – своя функция и своя причина.

В системном стремлении социума к сложности, разнообразию, энергосодержанию, богатству структурирования, – неизбежно необходимо существование максимально разных монад, людей то бишь в нашем случае.

Что хулители! Что неверующие! Всегда будут неблагодарные твари всегда будут преступники, всегда будут негодяи. Это аспект и следствие социальной мутации, без которой нет жизни.

А если в обществе совершенно исчезнут преступники и мерзавцы – это будет означать исчерпанность эволюционного ресурса, падение энергетики социума и канун вырождения и распада…

. . . . . .

(отдельные замечания)

По мере усложнения системы степень сложности и автономности подсистем, ее монад, увеличивается. Сложность и автономность коррелируют. По мере повышения сложности автономности подсистемы ее кпд падает: все меньшая часть деятельности расходуется на поддержание системы в целом, и все бóльшая часть деятельности – на самообеспечение всем необходимым.

Подсистема создает собственные подсистемы для своего обеспечения, и они также расходуют часть функционального ресурса на самообеспечение.

На определенном этапе существования, то есть развития, то есть эволюции, то есть усложнения, самообеспечение становится основной функцией подсистемы, а обеспечение деятельности материнской системы – побочной.

То есть. Для обеспечения системы в любых меняющихся условиях – подсистемы делаются все более многофункциональными, и усложнение подсистем, с одной стороны, обеспечивает им функционирование в расширяющемся диапазоне условий, с другой стороны, отвлекает увеличивающуюся часть материального и функционального ресурса на самообеспечение. Подсистема по мере развития функционирует все более в модели собственной целесообразности.

Чем выше сложность и автономность поддерживающих

подсистем, тем устойчивее материнская система. Повышение устойчивости системы компенсирует понижение кпд ее подсистем.

Изначальная функциональная заданность подсистемы есть ее имманентное качество. И хотя по мере развития подсистемы это качество (обеспечение материнской системы) доминирует все менее, вовсе лишиться его подсистема принципиально не может.

По мере развития подсистемы ее собственные под-подсистемы, функционирующие в модели самообеспечения, вступают в противоречие с изначальным качеством обеспечения материнской системы, и это противоречие нарастает. Органы и функции самообеспечения множатся количественно, и качественный переход раньше или позже приводит к отходу подсистемы от обеспечения системы.

Следует альтернатива. Или подсистема, дегенерировав в самообеспечивающуюся, рушится вне информационного и энергетического обмена, поскольку составляла с материнской системой организм, т.е. систему нерасторжимую, и нефункциональна вне ее. Или она скачком переходит на более высокий уровень автономии, и вступает во взаимную обменную связь непосредственно с системой более высокого уровня, нежели прежняя. Происходит своего рода «рождение системы», т.е. переход на более высокий качественный уровень.

* * *

У эволюции есть такая особенность – отсутствие заднего хода. Сложное не может стать обратно простым. Оно может усложняться дальше. Или может погибнуть и замениться другим простым, которое успешно впишется в новые условия на его место.

Применительно к социуму это проявляется образом, вечно удивляющим людей. Бюрократическая система не может упроститься. Она может решать любые вопросы только путем усложнения себя, множа органы и функции. Ее подсистемы переходят на самообеспечение и перестают обеспечивать решение изначальной задачи. На месте сокращенной инстанции по неизбежной системной логике возникают две новых.

Когда степень разъединения множащихся инстанций и функций с выполнением начальной задачи достигает критической отметки, система рушится. Коррекция ее подобна стрижке ногтей или сморканию – это косметический ремонт.

Бюрократическая система реформируется только жестоким

волюнтаризмом, когда разум и желание личности ломают хребет логике эволюции. Цезарь. Генрих VIII. Петр I. Наполеон.

Иначе деградация и бунт.

* * *

Идеология неолиберализма категорически осуждает любые кровопролития, жестокости и вообще насилие. И навязывание своей воли другим. Насильственные свержения строя и власти тоже не одобряются. Мирно надо. Постепенно. Эволюционный путь развития противопоставляется революционному.

В этих расхожих призывах трудно усмотреть разумность подхода или наличие образованности.

Революция – это узелок на нити эволюции.

Революция и эволюция – диалектическая пара.

Революция – это качественный скачок социальной эволюции. А развитие вообще склонно к скачкообразности. Переход количества в качество вообще скачкообразен. Как вам эта новость?..

Революция – это переход системы из неустойчивого состояния в устойчивое через точку бифуркации. Это переход социальной системы из одного неравновесного состояния в другое на более высоком уровне. Выражаясь столь модным сегодня языком синергетики, которая таки весьма права и вразумительна.

Вода не может превратиться в лед постепенно. Полено не может постепенно загореться. Сдвигание тектонических плит не может вызвать их постепенное сминание и вспучивание без роста напряжения, разрешающегося землетрясением.

Люди не могут постепенно и мирно, руководствуясь разумом и доброй волей, изменять свою жизнь к лучшему. Социум объективно существует по объективным законам. Готовьте оружие и флаги!!!

notes

Примечания

1

Не исключена мысль, что от ряда одних и тех же болезней девочек и мальчиков нужно лечить чуть-чуть по-разному, исходя из различий в центральной нервной системе, ничтожных, сейчас еще не <…>